

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ под редакцией и с критико-биографическим
очеркомъ А. М. Скабичевскаго и с приложениемъ портрета Шеллера.
ТОМЪ ВТОРОЙ. Приложение къ журналу "Нива" за 1904 г. //Издание А. Ф.
МАРКАСА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1904
FB2: "rvvg ", 02 July 2015, version 1.0
UUID: 7B166150-E9D3-46BB-B175-8E970DA95A57
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Константинович Шеллер- Михайлов

Под гнетом окружающего

ШЕЛЛЕР, Александр Константинович, псевдоним — А. Михайлов [30.VII(11.VIII).1838, Петербург — 21.XI(4.XII).1900, там же] — прозаик, поэт. Отец — родом из эстонских крестьян, был театральным оркестрантом, затем придворным служителем. Мать — из обедневшего аристократического рода.

Ш. вошел в историю русской литературы как достаточно скромный в своих идейно-эстетических возможностях труженик-литератор, подвижник-публицист, пользовавшийся тем не менее горячей симпатией и признательностью современного ему массового демократического читателя России. Декларативность, книжность, схематизм, откровенное морализаторство предопределили резкое снижение интереса к романам и повестям Ш. в XX в.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0056
III.....	.0093
IV.....	.0137
V.....	.0169
VI.....	.0195
VII.....	.0225

А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ
Подъ гнетомъ окружающаго

— А ну-ка, Михайло Ивановичъ Топтыгинъ, покажи намъ, какъ старыя бабы румянятся, въ зеркальце смотрятся, молодыхъ парней къ себѣ зовутъ, — говорилъ густымъ искусственнымъ басомъ довольно плотный, порядочно обрюзгшій и помятый кутежами, усачь не первой молодости, одѣтый въ истасканную венгерку.

Въ отвѣтъ на эти слова ребенокъ лѣтъ шести, сидѣвшій на полу, поджавъ подъ себя ноги и держа въ зубахъ веревку, другой конецъ которой держалъ господинъ въ венгеркѣ, началъ изображать, какъ румянятся старыя бабы.

— А какъ мужики изъ кабака идутъ, пѣсни поютъ, да съ боку-на-бокъ переваливаются, земли подъ собой не слышать, — снова забасилъ немолодой господинъ.

Ребенокъ поднялся на кривыя отъ англійской болѣзни ноги и сталъ неуклюже, по-медвѣжьи, представлять пьянаго мужика, потомъ повалился на полъ и началъ ворчать, вѣроятно, желая изобразить, какъ ругается

упавшій въ грязь пьяница.

Кругомъ раздавался дружный хохоть пяти-
рыхъ дѣтей, окружавшихъ этихъ двухъ
странныхъ актеровъ.

— А ну, честные господа, не поднесете ли
Михайлу Иванычу водочки? — забасиль гос-
подинъ въ венгеркѣ.

Одинъ изъ дѣтей, мальчуганъ лѣтъ десяти,
побѣжалъ къ шкапику, досталъ оттуда гра-
финчикъ, напилъ въ небольшую чарку водки
и поднесъ ее старшему изъ комедіантовъ.

— Любишь, Михайло Иванычъ, водоч-
ку? — спросилъ господинъ въ венгеркѣ.

Ребенокъ, изображавшій медвѣдя, зары-
чалъ по-звѣриному и началъ утвердительно
трясти головой.

— Молодецъ, Михайло Иванычъ! Только
рыломъ ваше благородіе не вышло, — проба-
силь усачъ и разомъ осушилъ поднесенную
ему чарку, опрокинувъ ее въ ротъ.

Въ кругу дѣтей снова раздался хохоть;
шестилѣтній мальчуганъ на четверенькахъ
поскакалъ къ обманувшему его усачу, вска-
рабкался къ нему на колѣни и, сердито рыча,
сталъ отнимать пустую чарку.

— Папка, папка, покажи ему, какъ лягушки скачутъ! — кричали со смѣхомъ дѣти.

Усачъ изобразилъ на столѣ, при помощи трехъ пальцевъ, какъ скачутъ лягушки, и вызвалъ новый взрывъ хохота.

Эта сцена происходила между отцомъ и дѣтьми въ большой комнатѣ помѣщичьяго дома въ деревнѣ Бабиновкѣ. Комната, гдѣ помѣщалась веселая компанія, несмотря на свою обширность, представляла очень мало простора, такъ какъ она была захламощена различными, не гармонировавшими одинъ съ другимъ предметами. Повидимому, это была дѣтская; тутъ стояли кровати разныхъ размѣровъ, валялись жалкія игрушки, висѣли на стѣнахъ дѣтскія одежды. Но при болѣе тщательномъ взглядѣ на комнату, она начала казаться кладовой, куда внеслись, просто за ненужностію, въ числѣ другихъ вещей и разныя дѣтскія принадлежности въ родѣ сдѣланныхъ изъ бумаги киверовъ. Эти кивера, поломанныя деревянныя сабли, безногія куклы, торчали среди трехъ боченковъ изъ-подъ огурцовъ и капусты, еще сохранившихъ кислый запахъ, среди изломанной маслбой-

ни и испорченной кофейной мельницы, среди безструнной, запачканной грязными пальцами гитары и ненужного ящика изъ-подъ сальныхъ свѣчей, сообщавшаго комнатѣ свой ароматъ и наполненнаго стоптанными башмаками, пестрыми обрѣзками отъ обоевъ, нѣсколькими сбитыми подковами и тому подобной дрянью. Въ одномъ изъ угловъ лежалъ общипанный вѣтникъ, а такъ какъ въ этой комнатѣ, повидимому, никто не имѣлъ обыкновенія подметать соръ, да и не могъ бы подмести его этими сухими прутьями, то и они невольно наводили на вопросъ: попали ли они сюда, какъ необходимые спутники и хранители дѣтской жизни, или просто не выбрасываются они въ помойную яму потому, что въ этомъ домѣ люди имѣютъ обыкновеніе беречь въ кладовой всякій ненужный никому мусоръ? Въ концѣ концовъ, можно было прійти къ заключенію, что и дѣтская, и кладовая, и дѣти, и ненужный хламъ означаютъ въ этомъ домѣ одно и то же.

Но какъ бы ни были замазаны и оборваны, сколько бы толчковъ и колотушекъ ни получали при каждомъ кускѣ хлѣба эти дѣти, они,

все-таки, были веселы, бойки, даже буйны, и изъ-подъ грязи на ихъ вѣчно загорѣлыхъ лицахъ такъ и пробивался яркій румянецъ здоровья. Болѣзненнымъ выглядѣлъ только самый меньшей изъ нихъ, страдавшій англійской болѣзнью. Глядя на нихъ, вы безъ труда могли догадаться, что этотъ мелкій народъ растеть на военномъ положеніи, въ вѣчной готовности къ самозащитѣ и не унываетъ: ему дадутъ подзатыльника, а онъ выругается, и тѣмъ отведеть свою душу; его безъ обѣда погрозятъ оставить, а онъ, очень хорошо зная, что такая угроза никогда не исполняется нѣжною матерью и нѣжною нянею, возьметъ да и украдетъ себѣ чего-нибудь изъ сѣстнаго и, такимъ образомъ, не только одинъ разъ пообѣдаетъ, а еще и закуску неожиданную устроить.

— Не кричи, мошенникъ! Мы тебя выпоремъ! — орутъ ему во все горло, а онъ насѣноваль заберетъ, да тамъ и сидить и слушаетъ, какъ его ищутъ, какъ толкуютъ:

— Охъ, не поджегъ бы онъ чего, сорванецъ! Охъ, не сдѣлалъ бы онъ чего надъ собою, оглашенный!

Слушаетъ онъ и ждетъ, когда раздадутся желанныя слова:

— Да ужъ выходи! Гдѣ ты тамъ застрялъ? Кто тебя, озорника этакого, съчь-то будетъ? Лѣсу на тебя не выросло.

— А варенья дашь? — вступаетъ озорникъ въ переговоры.

— Ну, такъ и есть, на сѣноваль забрался! Ахъ, ли, Боже мой, наказалъ Ты насъ дѣтьми!

— Дашь варенья? — кричитъ озорникъ съ сѣновала.

— Нѣ-ѣтъ, ты погоди, погоди, кучеръ Никита изъ города вернется, онъ тебя веревками стащить. Вотъ будетъ тогда тебѣ варенье, — отвѣчаютъ ему его враги, отчасти успокоенные тѣмъ, что онъ живъ, и что его мѣстопробываніе стало извѣстно.

— А я сѣно спалю! — угрожаетъ шельмецъ, зная, что именно этого-то «пассажа», и боятся его враги.

Враги снова пугаются, опять вступаютъ въ переговоры, обѣщаютъ не вытягивать его веревками изъ засады, не съчь по выходѣ оттуда, и, наконецъ, сдаются понемногу на выдачу варенья. Шельмецъ-народъ торжествуетъ;

враги ругаются:

— Отъ рукъ отбился, разбойникъ! Голову свертѣль. О, чтобъ ихъ не было! Да и отецъ-то ихъ непутящій, съ собаками его не сыщешь, а сыщешь, такъ самъ же наплачешься!

— А вотъ я отцу-то скажу, какъ вы ему бок-то моете, — угрожаетъ сорванецъ и дразнить враговъ.

— Погоди, погоди, въ солдаты угодишь, по владиміркѣ уйдешь! — обѣщаютъ ему блестящую будущность враги, то-есть люди, принявшіе, на себя обязанность воспитать его, вспоившіе его своимъ молокомъ, не спавшіе ночей во время его болѣзней и рыдающіе при первой его невзгодѣ.

Пробовали они и не поддаваться ему; случилось, что сторяча они и безъ обѣда остаются, и высъкутъ его, а онъ сейчасъ фізіономію умирающаго постника устроить, едва ноги таскаетъ, сидѣть не можетъ, на постель приваливается и тайкомъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ реветъ на весь домъ.

— Чего ты? — сердито спрашиваютъ враги, дергая его за плечо.

— Ни-ни-че-то! — смиренно всхлипываетъ

побѣжденный сорванецъ. — Живо-о-тикъ и го-оловка бо-лгать! — рыдаетъ онъ.

— Экая невидаль! — небрежно замѣчаютъ враги и отходятъ отъ него, а у самихъ сердце сжимается отъ страху.

— Голова-то, и въ самомъ дѣлѣ, горяча, — шушукаются они между собою. — А отъ щекъ-то такъ и пышетъ, такъ и пышетъ! Охъ уже, право, горе съ ними.

А умирающій смиренникъ попрежнему украдкою реветъ на весь домъ.

— Поѣшь, лучше будетъ, — говорятъ враги, ткнувъ его въ бокъ.

— Не-не мо-огу я ѣсть! — рыдаетъ несчастный.

— Ну, вольному воля, спасенному рай! — отходятъ враги, все еще не теряющіе самообладанія.

— И не ѣсть ничего! — съ ужасомъ шепчутся они между собою. — Горитъ, горитъ, точно отъ печки пышетъ! Охъ, своего ребенка уморили!..

И опять враги, попрекая другъ друга, идутъ ухаживать за умирающимъ сорванцомъ, а онъ ужъ, и въ самомъ дѣлѣ, до того

наревѣлся, что весь горитъ и ѣсть не можетъ. Глядишь, въ домѣ всѣ впопыхахъ, всѣ въ тревогѣ: кучеръ Никита въ городъ за докторомъ скачетъ, нянька Марѳа горчицу растираетъ, дѣвка Машка кувшины грѣетъ, мать озорника, въ сущности, ничего не дѣлаетъ, но всѣхъ больше мечется изъ угла въ уголь и едва ноги волочить.

— Вотъ и высѣкла, вотъ и у праздника! — разводитъ она въ отчаянныи руками.

И ужъ послѣ этой исторіи надолго никто и думать не смѣетъ о сѣченьи...

Въ ту пору, съ которой начинается нашъ разсказъ, вся эта буйная братья была въ самомъ благодушномъ и веселомъ настроеніи духа по случаю выходящаго изъ ряда вонъ событія — двухмѣсячнаго пробыванія въ семьѣ главы дома, самаго буйнаго изъ всѣхъ буйныхъ членовъ этой компаніи. Онъ пріѣзжалъ домой только какъ-то проѣздомъ, какъ-то случайно, какъ на самую скучную изъ всѣхъ скучныхъ станцій, попадавшихся на пути его скитальческой жизни. Покуда выдумывалась новая затѣя, кто-то изъ ребятъшекъ взглянулъ въ окно и разразился гром-

кимъ смѣхомъ.

— Что? Что такое? — пристали его братья.

— Мамка, мамка-то, — захлебывающимся отъ смѣха голосомъ проговорилъ мальчуганъ: — мужика возить!

Этотъ возгласъ и указаніе на дорогу заставили всю ватагу подбѣжать къ открытому окну, и въ комнатѣ снова слышались раскаты дѣтскаго смѣха.

— Гляди, гляди, какъ шагаетъ!

— А мужикъ-то и руки, и ноги опустилъ, такъ и болтаются! — кричали озорники, держась за бока и шаловливо карабкаясь другъ на друга, чтобы лучше видѣть происходившую на улицѣ сцену.

Сцена на дорогѣ была, дѣйствительно, очень странная. Какая-то женщина, повидимому, барыня изъ небогатыхъ, шагая по грязи, тянула подъ-уздцы крестьянскую клячу. На клячѣ мѣшковато сидѣлъ мужикъ, болтая опущенными руками и ногами съ совершенно спокойнымъ и даже нахальнымъ видомъ. Кажется, его очень забавляло то обстоятельство, что ему не нужно править лошадыю, которую за него ведетъ барыня. Барыня гнѣвно

размахивала свободной рукой и отъ времени до времени грозила мужику кулакомъ. Сквозь отворенное окно въ дѣтскую стали доноситься звуки голосовъ этой странной пары.

— Ты что это, по нашимъ овсамъ ъздить вздумалъ? а? — кричала барыня.

— Какіе овсы-то теперь! — хладнокровно замѣтилъ мужикъ.

— А вотъ я тебѣ покажу, какіе!.. Да ты что сидишь-то? а?.. я иду, а ты сидишь!

— Я-то? — переспросилъ мужикъ. — Да сапоги замараешь, ишь грязь-то какая! — усмѣхнулся онъ, указывая кнутовищемъ на грязь.

— А! сапоги замараеть! Я, барыня, иду, а онъ, вахлакъ, сапоговъ марать не хочетъ. Скажите, пожалуйста! — восклицала барыня, обращаясь неизвѣстно къ кому.

— Ваша воля ийти, никто васъ тянетъ.

— Это ты что же смѣяться надо мной задумалъ? Погоди, погоди, за все сдеруть, за все заплатишь?

— Платить-то за что?

— А вотъ увидишь! И овсы зачтуть, и обиду зачтуть... Слава Богу, хоть судь-то на васъ,

окаянныхъ, есть!

Странная пара вступила во дворъ и скрылась отъ глазъ наблюдателей. Вся веселая компанія ребятишекъ выбѣжала на крыльцо, чтобы посмотрѣть на развязку любопытной для нихъ, хотя и не очень новой, исторіи. На дворѣ раздавались крики барыни и возраженія мужика, никакъ не соглашавшагося оставить за свою вину въ рукахъ барыни лошадь или зипунъ. Дѣло, наконецъ, уладилось въ нѣсколько минутъ, и барыня въ сопровожденіи дѣтей, которыхъ она ругала на ходу, явилась въ дѣтской съ зипуномъ въ рукахъ.

— Что ты? Что ты такое? — крикнула она, приближаясь къ господину въ венгеркѣ. — Мужъ ты мнѣ, или такъ, проходимецъ какой? Меня оскорбляютъ, наше добро топчуть, а ты что? Ты съ этими шельмецами озорничаешь? А? Да ты лучше бы провалился сквозь землю! На! подавись! — кинула она въ лицо мужу мужицкій зипунъ.

— Да на что онъ мнѣ? — спросилъ мужъ, отклоняя голову.

— А мнѣ за что? Что я съ нимъ стану

дѣлать? — въ свою очередь спросила жена. — Уѣзжай ты лучше отъ грѣха, не смущай ты меня! Изъ-за тебя я мучаюсь, изъ-за тебя покою не имѣю! При тебѣ весь домъ вверхъ дномъ идетъ. Какой ты мнѣ помощникъ? Развратитель ты! Я и гостей принимаю, я и накормлю всѣхъ, я и за хозяйствомъ смотрю, я и добро свое соблюдаю. Тыфу ты! Да что я, двухжильная, что ли?.. Уѣзжай ты, говорятъ тебѣ: уѣзжай! Одни ребята, при тебѣ, голову свернуть готовы...

— Уѣду, уѣду, сегодня же уѣду! — проговорилъ мужъ, повторявшій въ послѣднее время уже не разъ эту успокоительную фразу.

— Да, да, сегодня же уѣзжай! Слышишь? Чтобы я и духу твоего не слыхала!

— Сумасшедшая ты баба, и больше ничего! Вѣдь отъ тебя чортъ — и тотъ убѣжить!

— И пусть бѣжить, окаянный! — плюнула жена и вышла изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Черезъ минуту дверь отворилась снова, и въ нее просунулась голова барыни.

— Да ты не отлынивай, а сегодня же, сегодня же уѣзжай! — крикнула она и снова скры-

лась изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Черезъ нѣсколько минутъ гдѣ-то вдали снова зазвенѣлъ ея раздраженный голосъ.

— Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! — развелъ руками господинъ въ венгеркѣ.

Дѣти изумленною и безмолвною толпой окружили его.

— Папка, ты куда же поѣдешь-то? — довольно жалобно спросилъ одинъ изъ сыновей.

— Куда?.. Да теперь надо будетъ покуда у Волкова погостить, — въ раздумьи, какъ бы про себя, проговорилъ отецъ. — Больше некуда ѣхать... У Ивашевыхъ былъ, съ Телицыными мать тяжбу затѣяла... Развѣ къ Дубровинымъ съѣздить?.. Да нѣтъ, скареды они!.. Эхъ, кабы ярмарка теперь была, махнулъ бы туда! — щелкнулъ онъ въ воздухъ двумя пальцами.

Въ эту минуту вошла въ комнату дѣвушка лѣтъ восемнадцати. Что-то живое, веселое и подвижное было во всемъ ея миниатюрномъ, моложавомъ существѣ. Она была не то ребенкомъ, не то взрослою. Она походила на отца нѣкоторыми чертами лица. Но ея лицо было настолько же свѣжо, насколько его было по-

мято. Бойкость и живость ея глазъ нисколько не походили на бойкость и живость глазъ ея отца. Ея глаза просто съ веселымъ любопытствомъ и зоркостію новичка въ жизни смотрѣли на все окружающее; его глаза какъ-то испуганно бѣгали, высматривали какую-то поживу, и въ нихъ было нѣчто не то заискивающее, не то лукавое.

— Ты опять уѣзжаешь? — спросила она у отца.

— Да какой же дьяволъ уживется съ твоею матерью! — воскликнулъ онъ и вдругъ торопливо началъ передавать сцену съ мужикомъ.

Дѣти снова засмѣялись и стали наперерывъ рассказывать сестрѣ, чѣмъ все окончилось на дворѣ.

Дѣвушка закусила губу, чтобы не разсмѣяться, но по ея глазамъ было видно, что природная смѣшливость брала свое, даже несмотря на усвоенное съ дѣтства убѣжденіе, что надъ матерью смѣяться нельзя и грѣшно.

— Что жъ, это не новость, — серьезно и холодно замѣтила она, бесплодно стараясь подавить улыбку и скрыть свои настоящія чувства.

— Вѣдьма, матушка, суцая вѣдьма! Про нее и сказку сложили, какъ она въ аду чертей переполошила, — произнесъ отецъ.

— Какъ тебѣ не стыдно! — упрекнула его дочь. — Слава Богу, что ты ѣдешь... Ты только дѣтей портишь, — произнесла она, жалѣя всей душой, что бѣдный отецъ снова долженъ скитаться по чужимъ домамъ.

— Ну да, она не портитъ ихъ! Я, по крайней мѣрѣ, ихъ невинными играми занимаю, а она являетъ ихъ очамъ картины преступленій! — съ комическою важностью продекламировалъ господинъ въ венгеркѣ.

Дѣвушка вдругъ нахмурилась.

— Репетируешь свою завтрашнюю роль? — сурово спросила она.

Господинъ въ венгеркѣ сконфузился, какъ-то съежился и что-то не то робкое, не то горькое выразилось въ его лицѣ.

— Что дѣлать, что дѣлать, маточка! — заговорилъ онъ тоскливо и заискивающимъ тономъ. — Не пошутишь — не поѣшь!

Лицо дѣвушки на мгновенье вспыхнуло, на глаза навернулись крупныя слезы, но она не сказала ни слова и отвернулась въ сторо-

ну. Отець взялъ и нѣжно поцѣловаль ея руку. Дѣвушка не отнимала руки, задумчиво стояла въ кругу дѣтей; вся ея веселость исчезла безслѣдно, лицо поблѣднѣло... Дѣти, кажется, позабыли, что отецъ уѣзжаетъ, и снова начали приставать къ нему. Онъ сѣлъ и сталъ командовать имъ, какъ генераль солдатамъ.

Старшая дочь молча помѣстилась возлѣ него и опустила на его плечо свою голову. Ей былъ жалокъ этотъ человекъ: она любила его, несмотря на то, что его ругали всѣ; любила, можетъ-быть, за тѣ немногія минуты, когда ему становилось совѣстно за свою шутовскую роль въ обществѣ;— можетъ-быть, за нѣсколько добрыхъ и честныхъ порывовъ, мгновенно прорывавшихся среди его глупой и безпутной жизни, — а можетъ-быть, просто подкопали ее въ его пользу давно прошедшіе тихіе вечера ея дѣтской жизни, когда онъ, и только онъ одинъ ухаживаль за ней, рассказываль ей разныя сказки, смѣшилъ ее анекдотами, ласкаль ее, убаюкиваль ее своею пѣснью... Да, значительную роль въ ея привязанности къ отцу играли эти вечера, когда ея мать, какъ сумасшедшая; неслась въ городъ,

чтобы начать ни на чемъ не основанную тяжбу съ сосѣдомъ, или цѣлый день ругалась съ мастеровыми, строившими ея никогда не отстроивавшійся домъ. Живо вспомнились молодой дѣвушкѣ эти вечера, передъ самымъ отъѣздомъ отца.

Пора была послѣобѣденная; отецъ и дѣти сидѣли въ дѣтской; онъ долженъ былъ черезъ часъ уѣхать, и дѣтямъ какъ-то было не по себѣ; они не играли, не шумѣли и присмирѣвшей толпой окружали отца, сидя на полу, на столѣ и на его колѣняхъ. Разговоры шли о будущемъ, каждый высказывалъ свои желанія...

— А вотъ, когда папка богатъ будетъ, — говорилъ десятилѣтній мальчуганъ.

— А когда ты, папка, богатъ будешь? — спросилъ, перебивая брата, шестилѣтній ребенокъ.

— Когда ваша тетка умретъ и мнѣ наслѣдство оставить, — серьезно отвѣтилъ отецъ, покачивая на своихъ колѣняхъ ребенка. — Тогда возьму я васъ и увезу отъ матери...

— Въ большемъ, въ большемъ тарантасѣ

увезешь насъ! — прервалъ сладкимъ голосомъ ребенокъ, точно этотъ большой тарантасъ былъ цѣлью всѣхъ его желаній.

— Ну да, въ большомъ тарантасѣ увезетъ онъ насъ, и станемъ мы домъ строить, — говорилъ десятилѣтній мальчуганъ. — Ты, Мишка, будешь плотникомъ надъ плотниками!..

— А ты садовникомъ и огородникомъ будешь, — торопливо перебилъ брата девятилѣтній мальчикъ. — А Катька будетъ на насъ бѣлье мыть за то, что мы ей въ домъ комнату выстроимъ. Ванюшка за лошадыми будетъ смотрѣть, а сестрица Лиза царицей будетъ и станетъ она насъ кормить, когда мы съ работы придемъ, и станетъ она вамъ пѣсни пѣть, хо-ро-шія пѣсни станетъ пѣть, — сощурилъ, какъ котенокъ, свои глазенки мальчуганъ. Видно было, что эти мечты о спокойной и мирной жизни были ему давно знакомы и очень дороги.

— А мать насъ не найдетъ и останется здѣсь одна жить, совсѣмъ одна! И станутъ ее мужики притѣснять...

— Неправда, неправда! Мать соскучится и

придетъ къ намъ, и мы ее кормить будемъ, — торопливо перебила маленькая Катя. — Такъ сестрица Лиза говорила, — тихо прибавила она.

— Да, да, сестрица Лиза дурного не выдумаетъ, — задумчиво проговорилъ отецъ. — Ея слушайте; никого не слушайте, а ея слушайте! — добавилъ онъ ласково и грустно.

— Да ты, папка, не уѣзжай! — жалостно произнесъ одинъ изъ дѣтей.

Отецъ вздохнулъ, но промолчалъ. Въ комнатѣ настала тишина. Всѣ, кажется, погрузились въ мечты о планахъ будущей мирной жизни. Эти планы давно были извѣстны во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ каждому изъ дѣтей. Отецъ — этотъ вѣчный изобрѣтатель новыхъ анекдотовъ и удивительныхъ исторій, какъ-то вмѣсто сказки неумышленно высказалъ дѣтямъ эти фантазіи, и дѣти подхватили рассказъ, дополнили его различными подробностями, расширили картину и постоянно возвращались къ ней послѣ бурныхъ сценъ въ домѣ. Это будущее было для нихъ то же, что далекая пристань для потерпѣвшихъ кораблекрушеніе

моряковъ. Всѣ они давно знали, что и кому принадлежитъ въ разсказѣ, знали, что добавленіе о прїѣздѣ соскучившейся матери къ бѣжавшей отъ нея семьѣ принадлежитъ старшей сестрицѣ Лизѣ, про которую они говорили между собою: «Извѣстно, она у насъ добрая», и которая теперь задумчиво сидѣла, склонивъ голову на плечо отца...

Балованное дитя родителей, любимецъ родныхъ, добродушный, но, тѣмъ не менѣе, страшный мучитель учителей и начальниковъ, съ пятнадцатаго года побѣдитель женскихъ сердецъ, честнѣйшій и преданнѣйшій товарищъ, защитникъ слабыхъ и открытый кошелекъ неимущихъ, гуляка тридцатыхъ годовъ, душа общества, незамѣнимый собесѣдникъ, декламирующій наизусть всего Пушкина и всего Баркова, юнкеръ въ отставку, таковъ былъ Николай Николаевичъ Баскаковъ до женитьбы. Чуть не нищій и первый врагъ своей довольно не бѣдной и совсѣмъ не образованной жены; приживалка и шутъ въ домахъ сосѣдей, гдѣ проводилъ онъ цѣлые мѣсяцы, изрѣдка заглядывая въ родное гнѣздо; ярмарочный игрокъ на би-

льярдѣ, при помощи котораго онъ зашибаль кое-какія деньги на нѣсколько дней; любящій, но безалаберный отецъ; то проливающій слезы грѣшникъ, то дикій звѣрь въ пьяномъ видѣ, таковъ былъ Николай Николаевичъ Баскаковъ послѣ женитьбы. При первомъ удобномъ случаѣ онъ готовъ былъ обыграть на бильярдѣ до послѣдней копейки какого-нибудь купчика и, возвращаясь съ игры, съ такой же искренностію готовъ былъ дать хоть десятокъ рублей первому попавшемуся бѣдняку. Во время своего пребыванія у какого-нибудь грознаго сосѣда старыхъ временъ, онъ могъ спокойно смотрѣть, какъ пороли крестьянъ, и такъ же хладнокровно бѣжать тушить пожаръ въ избахъ этихъ крестьянъ, жертвуя даже своею жизнью. Онъ позволялъ иногда продѣлывать надъ собою невообразимо-пошлыя штуки и въ то же время дрался два раза на дуэляхъ за самыя невинныя шутки. Онъ любилъ своихъ дѣтей, но болѣе портилъ, чѣмъ развивалъ ихъ, и не умѣлъ отстоять ихъ передъ своею женою, убѣгая изъ дому; впрочемъ, онъ могъ не бояться за жизнь дѣтей, такъ какъ именно подѣ

его вліяніємъ они стали «озорниками» и умѣли постоять за себя. Иногда онъ былъ радъ куску хлѣба, но подчасъ, зашибивъ копейку, вмѣсто порядочной одежды, вмѣсто хлѣба, накупалъ бронзовыхъ цѣпочекъ, духовъ и помады. Въ обществѣ на Николая Николаевича смотрѣли различно: одни называли его «добрымъ малымъ и широкою натурою», другіе — «жалкимъ шутомъ, потерявшимъ стыдъ», третьи — «хитрой бестіей и подлецомъ». Славянофилы считали его безгрѣшной жертвою, погибшей при введеніи къ намъ западной цивилизаціи, въ узкія рамки которой не можетъ втиснуться могучая русская натура. Западники указывали на него, какъ на ходячее доказательство неспособности русскаго человѣка сдѣлать что-нибудь безъ основательнаго знакомства съ западною наукой. Сходились люди только въ одномъ мнѣніи о немъ: никто не считалъ его дуракомъ и, несмотря на то, что онъ во всю свою жизнь ничего не дѣлалъ, кромѣ глупостей, его называли очень умнымъ человѣкомъ.

Супруга Николая Николаевича, Дарья Васильевна Баскакова, урожденная Бабинова, бы-

ла еще болѣе оригинальнымъ и безтолковымъ существомъ. Мужъ разъ и навсегда охарактеризовалъ ее слѣдующими словами:

— Дарья Власьевна, пожалуй, иногда и можетъ разсудить что-нибудь умно, только безъ умысла... Вѣдь по исторіи извѣстно, что Богъ сподобилъ однажды и ослицу промолвить человѣческое слово.

Эта женщина, способная только безъ умысла обмолвиться умнымъ словомъ, вѣчно съ кѣмъ-нибудь ссорилась, что-нибудь строила и кого-нибудь рожала. Тяжбы съ сосѣдями у нея не прекращались никогда. Самое замѣчательное изъ дѣлъ этого рода было то, когда умеръ ея крестный отецъ, и она потребовала себѣ долю изъ его имѣнія отъ законныхъ наслѣдниковъ. Сначала она поскакала съ просьбой въ уѣздный городъ, потомъ въ губернской и, наконецъ, въ столицу. Нигдѣ не хотѣли принять ея прошенія.

— Онъ вамъ не родня! — говорили ей чиновники.

— Да что вы, отцы родные? Не родня? Отецъ-то крестный мнѣ не родня? — волновалась Дарья Власьевна. — Да если бы у него сынъ

быль, такъ я за него бы даже замужъ-то не могла бы выйти. Вотъ какая мы родня-то! — объяснила она.

На всѣ возраженія она только таращила глаза и выражала на своемъ лицѣ тупое недоумѣніе, за которое одна изъ ея служанокъ дала ей на своемъ жаргонѣ кличку «отолпѣшенной»; это выраженіе постоянно являлось на ея лицѣ во всѣ трудныя минуты ея дѣятельной жизни.

— Да зачѣмъ же я ѣздила-то, тратилась-то я зачѣмъ? — восклицала она. — И что это за законы такіе: то родня, то чужой, и женой не смѣешь быть, и наслѣдницей не можешь сдѣлаться?.. Да нѣтъ, батюшки, вы думаете, что на простую дуру напали? Я и до государя дойду, у меня, слава Богу, защитники есть!

Дарья Власьевна, дѣйствительно, имѣла кучу защитниковъ и протерлась въ сотни барскихъ переднихъ, дѣвичьихъ, швейцарскихъ и, то кланяясь, то суя взятки прислугѣ, добивалась до лицезрѣнія важныхъ особъ. Но, несмотря на всѣхъ своихъ покровителей и защитниковъ, дѣло съ наслѣдствомъ отъ крестнаго отца, какъ и всѣ другія ея дѣла, принесло

только убытки и заставило Дарью Власьевну долгіе годы роптать на наши законы.

Съ тѣхъ поръ, какъ ей досталась Бабиновка и четыре другія деревни, она не переставала строить свой домъ, который вѣчно оставался недостроеннымъ, и потому она весь вѣкъ возилась съ плотниками, столярами, слесарями и тому подобнымъ рабочимъ народомъ, получавшимъ съ нея деньги только при помощи суда. Но она ухитрялась устраивать свои дѣла такъ, что по суду ей приходилось и дороже платить рабочимъ, и давать взятки чиновникамъ; въ войнѣ съ дѣтьми ей приходилось уступать имъ; послѣ изгнанія мужа приходилось плакаться на свою беззащитность и вдовство, такъ какъ ни на чемъ не основанныя тяжбы съ сосѣдями проигрывались, а это обстоятельство Дарья Власьевна приписывала только своей беззащитности. Она вѣчно строила свой домъ, чтобы въ немъ было какъ можно больше удобства и простора, и именно потому въ этихъ вѣчно недостроенныхъ сараяхъ было всѣмъ и тѣсно, и неуютно. Замужъ она вышла потому, что Николай Николаевичъ слылъ за человѣка «на

всѣ руки молодца», а между тѣмъ, съ первыхъ же дней супружеской жизни, послѣ перваго сраженія, даннаго мужу женой и ея родными, жившими съ нею, какъ кошки съ собакой, онъ оказался ни на что негоднымъ для нея и заставилъ ее же заплатить свои старые долги, ради чего пришлось на первыхъ же порахъ заложить Бабиновку, а потомъ продать другія деревни. Однимъ словомъ, начавъ какое-нибудь дѣло, начавъ войну, Дарья Владьевна играла роль угнетенной невинности, жаловалась на судьбу и впадала въ тупое недоумѣніе. Въ ея домѣ все было въ безпорядкѣ: гдѣ стулъ стоялъ лицомъ къ стѣнѣ, такъ какъ у него не было передней ножки; гдѣ диванъ былъ отставленъ отъ стѣны, потому что на эту стѣну не хватило обоевъ, и ее еще будутъ оклеивать; гдѣ банка осталась на окнѣ въ ожиданіи варенья, которое еще намѣреваются варить и не варятъ потому, что крестьянскіе ребяташки поворовали всѣ ягоды, и по поводу этого идетъ дѣло. Распоротый капоть лежалъ постоянно гдѣ-нибудь на виду, и хозяйка указывала на него, какъ на очевидное свидѣтельство множества ея

занятій.

— Приняться ни за что не могу, — жаловалась она гостямъ. — Капота, капота некогда перешить, столько дѣла. Я одна, я все дѣлай, я за всѣмъ смотри!

Если при этихъ жалобахъ присутствовалъ Николай Николаевичъ, то онъ непременно прибавлялъ:

— Да ужъ чего хуже? Моя Дарья Власьевна и не достроилась еще, и въ интересномъ положеніи опять, и новую тяжбу затѣяла...

Но если такъ шли ея дѣла во время старыхъ порядковъ, то при новомъ положеніи, при продажѣ половины имѣнія, она окончательно потеряла голову, и выраженіе недоумѣнія почти не сходило съ ея лица. Въ былые годы, кромѣ матери и тетки, жили на шеѣ Дарьи Власьевны дѣти ея матери, прижитыя въ первомъ бракѣ; это были двѣ сестры, старыя дѣвственницы, и братъ, горькій пьяница и задушевный пріятель Николая Николаевича. Эти семь постоянныхъ членовъ ея семьи, не считая постоянно рождавшихся, выживавшихъ два-три года и потомъ умиравшихъ дѣтей, могли жить въ довольствѣ и

праздности при помощи двухсотъ душъ крестьянъ, составлявшихъ около ста двадцати тягль. Двѣ трети тягль были посажены на оброкъ, одна треть считалась на барщинѣ, которая отправлялась по три дня въ недѣлю, такъ что каждый день лѣтомъ приходило на работу до тридцати пяти человѣкъ мужиковъ и бабъ, а въ случаѣ слишкомъ запоздавшаго сѣнокоса или жатвы дѣлался общій сгонъ, то есть собирались на барскую работу всѣ крестьяне, и барщинные, и оброчные. Тутъ являлось до четырехсотъ человѣкъ мужиковъ и бабъ, можетъ-быть, не успѣвшихъ додѣлать своихъ собственныхъ работъ. Такіе сгоны дѣлались въ лѣто болѣе десяти разъ. Въ лѣто, отъ 23-го апрѣля, когда въ деревняхъ уже начинались полевые работы, и до 24-го ноября, когда поканчивалось молоченье, Дарья Власьевна занимала, такимъ образомъ, своею работою до десяти тысячъ даровыхъ работниковъ, считая мужиковъ и бабъ. Конечно, при всей ея безалаберности, можно было при помощи этой массы жить, уплачивать долги, строиться и тягаться. Но, кромѣ того, на нее шло до шестисотъ лошадей въ лѣто, такъ ка-

къ мужики обязаны были представлять съ каждаго тягла по лошади на пашню и на возку сноповъ, а барщинные приводили съ собою лошадей на работу для возки копень, такъ что ихъ было въ распоряженіи барыни каждый день отъ пятнадцати до двадцати. Кромѣ оброка въ двадцать рублей съ тягла, состоявшаго изъ двухъ душъ, каждый крестьянинъ долженъ былъ доставлять Дарѣ Власевнѣ по четверику малины, черники, брусники, орѣховъ и сушеныхъ грибовъ, по десятку яицъ, по заколотому полугодовалому пѣтуху, да по двадцати аршинъ холста изъ барскаго льну. Сверхъ того, въ лѣтніе дни обязаны были являться и дѣти крестьянъ по зову барыни для сбора ягодъ и грибовъ на разные годовые запасы. Наступала зима, оброчные совсѣмъ не призывались на работу, только барщинные отработывали два дня въ недѣлю; но зато, когда нужно было везти масло на ярмарку или хлѣбъ въ городъ на продажу, то эти обязанности падали на однихъ оброчныхъ; барщинные, справлявшіе частныя подводы, возившіе дрова, сѣно и хлѣбъ на мельницу, не принимали участія въ этой операціи.

Такимъ образомъ, Дарья Власьевна имѣла въ своемъ распоряженіи въ годъ до тысячи трехсотъ лошадей и до двѣнадцати тысячъ чоловѣкъ рабочихъ.

Новые порядки застали ее совершенно врасплохъ и съ уменьшившимся наполовну числомъ крестьянъ. Она не умѣла обращаться съ вольнонаемными людьми:— нѣтъ-нѣтъ, да и съѣздить ихъ въ рыло, а они взяли скверную привычку за всякую ничтожную пощечину жаловаться, а судъ ввелъ еще болѣе скверный обычай брать за все штрафы, даже за то, что какого-нибудь Митьку Шести-палаго по щекѣ ударишь. Прежде Дарья Власьевна въ сущности ничего не дѣлала и только распекала старость и дралась собственными своими ручками за плохо исполненную работу; теперь ей приходилось самой и на поляхъ побывать, и присутствовать съ утра до ночи на молоченьи, чуть не зерна считать, и съ продажей хлѣба возиться, и за каждую мелочь платить; приходилось или оставаться безъ малины, брусники и грибовъ, или — просто и сказать-то смѣшно — покупать эти продукты! Платить — это было одно изъ са-

мыхъ страшныхъ словъ для Дарьи Власьевны.

— Да помилосердуйте, отцы родные! — восклицала она. — Я же мужикамъ, холопамъ своимъ, волю дала, да я же имъ и за работу плати! Съ одного вола двѣ шкуры содрать хотятъ. Да этакъ никакихъ капиталовъ не хватить.

— Но вѣдь ваши деньги вернутся, вы за хлѣбъ послѣ вдвое возьмете, — успокоивали ее слушатели.

— Какъ это вдвое, благодѣтели? Да нешто хлѣбъ-то вдвое вздорожалъ? Не слыхала я этого что-то! Какія прежде цѣны стояли, такія и теперь стоятъ...

— Да вы не такъ поняли; вамъ говорятъ, что вы вдвойнѣ вернете то, что заплатите за работу.

Дарья Власьевна въ тупомъ недоумѣніи моргала глазами и, вздыхая, произносила:

— Ужъ точно, что этого мнѣ и во вѣки вѣковъ не понять. А одно то я понимаю, отцы мои, что въ конецъ разорилась моя головушка: и за работу-то я заплати, и земли-то у меня убавилось, и хлѣба-то у меня теперь, если

рубль и выручишь при продажѣ, такъ половину за подводы отдашь... Вотъ онѣ цѣны-то двойныя каковы...

Несмотря на страшно низкія рабочія цѣны, она, все-таки, обсчитывала рабочихъ и нанимала ихъ до крайности мало, такъ что большая часть изъ уцѣлѣвшей земли или обрабатывалась плохо, или отдавалась за ничто. Стала она нанимать на все лѣто шестерыхъ работниковъ и двухъ работницъ, но такъ какъ это составляло въ лѣто только полторы тысячи работниковъ, вмѣсто прежнихъ десяти тысячъ, то пришлось половину сѣнокоса отдать мужикамъ изъ половины, а землю, оставшуюся за отводомъ крестьянскаго надѣла, барыня рѣшилась отдать мужикамъ за то, чтобы они дали ей, когда потребуется, по полтора ста работницъ и до девяноста лошадей въ лѣто, да свезли бы на мельницу хлѣбъ. Для работы Дарья Власьевна держала теперь только двухъ лошадей; на зиму нанимала только одного работника и одну работницу, такъ что въ годъ у нея уменьшилось рабочаго народа въ восемь разъ, а лошадей вчетверо, и приходилось отправлять и масло,

и хлѣбъ на продажу паймами...

Кто хорошо знаетъ нашъ старыи помѣщичій бытъ, тотъ пойметъ, что крестьяне Дарьи Власьевны находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне сотенъ другихъ помѣщиковъ. Ея семья состояла только изъ девяти человекъ, а не изъ пятнадцати, у нея крестьянъ было сначала двѣсти душъ, а не какихъ-нибудь двадцать, она не тянула съ нихъ пяти барщинныхъ дней въ недѣлю; она чаще жаловалась на свою беззащитность, чѣмъ порола мужиковъ, и больше всего брала женскими средствами — языкомъ и руками... Но все же, разоренные почти въ конецъ предшественниками Дарьи Власьевны, имѣя дурную землю, не умѣя ее хорошо обрабатывать, да и не имѣя къ тому средствъ про недостаткъ скота, они бѣдствовали невообразимо. Были для нихъ не малымъ несчастіемъ незначительность Дарьи Власьевны и ся страсть къ тяжбамъ. Начальство, то-есть становые, исправники, слѣдователи, уѣздные врачи, — не уважало помѣщицу и было озлоблено противъ нея. Это неуваженіе и эта злоба отражались и на ея крестьянахъ, которыхъ каждое

слѣдственное дѣло приводило просто въ ужасъ, а за слѣдственными дѣлами недостатка не было, такъ какъ сосѣдніе помѣщики, вѣчно состоявшіе въ тяжбѣ съ Дарьей Власьевной, мстили ей и ея мужикамъ. Даже сосѣдніе крестьяне, зная, что бабиновскій мужикъ воръ и пропойца, валили на него все: онъ и лошадь увелъ изъ сосѣдняго села, онъ и кабакъ спалилъ съ пьяныхъ глазъ, онъ и прохожаго на дорогѣ убилъ... Съ горя пили бабиновцы, съ горя, вмѣсто работы, добывали нищенствомъ оброчныя деньги. Но мало горя прибавляло имъ и то обстоятельство, что они были подгородные. Все, что было кругомъ бабиновцевъ, относилось къ нимъ или съ презрѣніемъ, или съ злобой.

— Ишь, бабиновская оборванка!.. Ты съ бабиновской барыней пара!.. Держи ухо востро, не то бабиновскіе пострѣлята оберутъ!.. Поди-ка въ бабиновцамъ, да поучись, какъ люди кланяются!

Такія позорящія бабиновцевъ фразы слышались очень часто какъ между помѣщиками, такъ и между крестьянами, какъ о семьѣ, такъ и о мужикахъ Дарьи Вла-

сьевны... Пословица «каковъ попъ, таковъ и приходъ» оправдывалась вполнѣ.

Среди подобной обстановки можно было жить только очертя голову, плюя на все, платя окомъ за око, зубомъ за зубъ, какъ жили дѣти и вѣчно пьяные, ворующіе, гдѣ можно украсть и, все-таки, голодные крестьяне Дарьи Власьевны; или нужно было бѣжать отсюда, какъ бѣжалъ Николай Николаевичъ, какъ убѣгала, при первой возможности, его старшая дочь... Въ тотъ день, съ котораго начинается нашъ рассказъ, Дарья Власьевна, раздраженная мужикомъ, заѣхавшимъ на ея поле, разсерженная бездѣятельностью мужа, немного утѣшилась тѣмъ, что, наконецъ, ея «шалопай» снова уѣдетъ и скроется отъ ея глазъ.

Окруженный дѣтьми, Николай Николаевичъ уже садился въ бричку старомоднаго фасона, какія встрѣчаются только въ провинціи, когда къ крыльцу дома подкатилъ щегольскій кабріолетъ. Изъ кабріолета, бросивъ вожжи стоявшему на дворѣ работнику, легко и ловко выскочилъ человекъ среднихъ лѣтъ съ тонкими чертами лица, съ маленьки-

ми ручками, съ красивыми узкими ногами и съ изящными тонкими усиками. Это былъ истый франтъ, нарядившійся по послѣдней модѣ въ лѣтній статскій костюмъ. Гость бросилъ небрежный и разсѣянный взглядъ на столпившуюся на крыльцѣ группу, кивнулъ головою хозяину дома и мелькомъ спросилъ его:

— Куда это?

— Опять въ бѣга! — отвѣтилъ Баскаковъ и, поцѣловавъ дѣтей, сталъ садиться въ бричку, но еще не ъхаль, повидимому, поджидая кого-то, должно-быть, старшую дочь, которой не было на крыльцѣ.

Гость прошелъ въ господскій домъ, не обращая никакого вниманія на пятившихся отъ него ребятишекъ.

— А, Михайлъ Александровичъ, милости просимъ. Прошу покорно! — суетливо заговорила хозяйка дома и стала торопливо очищать для гостя одно изъ захламощенныхъ креселъ.

— Бла-годарю, — проговорилъ гость. — А Лизавета Николаевна?

— Дома, дома! Что-то понадобилось пере-

дать моему благовѣрному, побѣжала къ себѣ, скороговоркою заговорила хозяйка. — Вѣрно денегъ попросилъ, такъ пошла у себя всѣ мышиныя норки обыскивать, послѣднія копейки собирать... Охъ, ужъ вы знаете наше положеніе! — точно оправдывалась въ чемъ-то заискивающимъ тономъ хозяйка. — Да Лиза сейчасъ придетъ, сейчасъ. Вотъ я ее позову.

— Я могу и подождать, — небрежно замѣтилъ гость, похлопывая себя хлыстомъ по сапогу. — Зачѣмъ спѣшить?

Онъ разсѣянно сталъ ходить по комнатѣ, вбросилъ для чего-то въ глазъ стеклышко и подшвырнулъ ногой какую-то, попавшуюся ему подъ ноги, тряпку. Хозяйка поспѣшила нагнуться и прибрать эту вещь, помѣшавшую гостю.

— Не достроилась я, все въ безпорядкѣ еще, — оправдывалась она, но не получила отвѣта.

Прошла минута молчанія. На дворѣ загремѣли колеса.

— Ну, уѣхалъ! — обрадовалась хозяйка и крикнула:— Лиза, Лиза, Михаилъ Александро-

вичь пріѣхаль!

— Я видѣла, — слышался сдержаннымъ голосомъ произнесенный отвѣтъ, и въ комнату вошла Лиза; она вся зарумянилась и тщетно старалась скрыть волненіе.

Скрывать свои чувства ей никогда не удавалось.

Михаиль Александровичъ пожалъ ей руку.

— А я пріѣхаль къ вамъ... — началъ онъ.

— Я уйду, я уйду! Извините, у меня дѣла... Но достроилась я... Я, вѣдь, мать семейства, — перебила его хозяйка и засовалась по комнатѣ, захватывая съ собою что-то изъ валявшагося подъ диваномъ хлама.

Задонскій кивнулъ головой, даже не взглянулъ на нее. Она вышла.

— Свиданіе устраиваетъ! — раздражительно и съ злой ироніей произнесла Лизавета Николаевна и отвернулась лицомъ отъ гостя.

— Вы сегодня не въ духѣ? — спросилъ онъ.

— Да развѣ можно быть здѣсь въ духѣ? — строптиво спросила въ свою очередь дѣвушка.

— Привыкнуть надо, — мягко и настави-

тельно произнесъ онъ; потомъ нѣжно взялъ и поцѣловалъ ея руку.

Дѣвушка стояла, но шевелясь, на мѣстѣ и, сдвинувъ брови, о чемъ-то думала.

— Знаете ли, мнѣ иногда кажется, что вы не только презираете мою семью, но смѣтаетесь и надо мной, — задумчиво, и серьезно проговорила она.

— И вы вѣрите этимъ чернымъ думамъ? — вкрадчиво и мягко спросилъ онъ, любуясь ея прекраснымъ въ задумчивости лицомъ.

— Что толку, если бы и повѣрила теперь? — спросила она глубоко-печальнымъ тономъ, невольно дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Да! я и прежде говорилъ, что я кажусь вамъ человѣкомъ слишкомъ помятымъ жизнью, для того, чтобы ваша чистая натура отдалась мнѣ безъ сомнѣній, безъ подозрѣній, съ полной вѣрой въ меня, — съ упрекомъ и горечью замѣтилъ онъ.

— Милый, что же мнѣ съ собой дѣлать! Это мимолетныя облака, это весенніе дожди, — страстно проговорила она, прижимаясь къ нему.

Казалось, что теперь она такъ же искренно желала удержать его возлѣ себя, какъ за минуту ей хотѣлось отогнать его прочь. Что-то нервное, нетерпѣливое было во всемъ ея существѣ. Такъ выглядятъ люди, не давшіе себѣ яснаго отчета въ своихъ чувствахъ, не нашедшіе своего настоящаго пути и даже не знающіе, гдѣ его искать. Они бросаются туда и сюда, удовлетворяются чѣмъ-нибудь на минуту и потомъ снова мечутся и волнуются нетерпѣливой досадой и чувствомъ неудовлетворенности.

— А теперь опять проглянуло солнце? — шутилъ съ ней пріѣзжій, какъ съ капризнымъ ребенкомъ.

— Солнце, солнце и любовь!.. Любовь прежде всего, выше всѣхъ подозрѣній, внѣ всякихъ вопросовъ, — говорила она, и ея глаза вдругъ заблестѣли необычайнымъ огнемъ страсти, веселости и удали.

— Здѣсь скверно, грязно, душно; поѣдемъ въ поле! — смѣло предложила она.

— Но ты забываешь, что теперь вездѣ народъ, вездѣ глаза... Насъ увидятъ.

— Ты трусишь? — захохотала она и приба-

вила вызывающимъ тономъ:- А я ничего не боюсь, ничего! Пусть смотрятъ, пусть говорятъ!.. Въдъ у насъ, у кисейныхъ барышень, ни въ чемъ нѣтъ мѣры! — насмѣшливо закончила она.

Михаиль Александровичъ очень боялся тѣхъ минутъ, когда Лизавета Николаевна начинала очень горько и безпощадно подтрунивать надъ собою. Онъ почему-то угадывалъ, что въ одну изъ такихъ минутъ она разомъ взглянетъ на свое положеніе и отрезвится отъ увлеченія. Онъ поспѣшилъ переменить разговоръ.

— Меня тетка ждетъ. Завтра она пришлетъ за тобой. Соскучилась... Ты прїѣдешь?

— Да...

Въ эту минуту на дворъ слышатся шумъ и раздались крики ребятишекъ:

— Иванъ Григорьичъ пришелъ! Иванъ Григорьичъ пришелъ!

Черезъ нѣсколько времени въ гостиную, гдѣ стояли молодые люди, явился новый гость. Это былъ не очень красивый, немного неуклюжій человекъ, не то баринъ, не то мѣщанинъ; на видъ ему можно было дать

двадцать семь, двадцать восемь лѣтъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, ему едва минуло двадцать четыре года. На немъ были надѣты высокіе сапоги, въ которые были засунуты брюки. Ребятишки бѣжали за нимъ въ припрыжку, и одинъ изъ лихъ шаловливо привѣсилъ за руку гостя; тотъ, кажется, даже и не замѣнитъ этой, не совсѣмъ легкой и не очень удобной, ноши.

— Иванъ Григорьевичъ, здравствуйте. Давно ли пріѣхали? — дружески протянула гостью руку Лизавета Николаевна.

— Сегодня, по утру, — отвѣтилъ онъ, радушно сжимая протянутую ему руку.

— Лиза, Лиза, Иванъ Григорьичъ мнѣ книжку съ картинками привезъ, — кричалъ одинъ мальчуганъ.

— И мнѣ, и мнѣ, — кричали другія дѣти.

— Попрежнему балуетъ ихъ, — разсмѣялась Лизавета Николаевна.

— Чтобъ пугаломъ учителя не считали, — усмѣхнулся онъ.

— Ну, васъ-то и безъ того не сочтутъ пугаломъ, — проговорила она и поспѣшила представить другъ другу гостей.

Они раскланялись.

— Я васъ, кажется, встрѣчалъ прежде; вы тогда еще семинаристомъ были, — промолвилъ Михаилъ Александровичъ.

— Да, вы тогда еще пажомъ, кажется, были, — отвѣтилъ съ усмѣшкой Иванъ Григорьевичъ.

Всѣ молчали послѣ этихъ неловкихъ фразъ. Видно было, что имъ не о чемъ говорить другъ съ другомъ.

— Такъ вы завтра будете къ теткѣ? — спросилъ Михаилъ Александровичъ, прерывая неловкое молчаніе.

— Приѣду, — отвѣтила Лизавета Николаевна.

Михаилъ Александровичъ откланялся. Лизавета Николаевна вышла за нимъ. Вскорѣ раздался стукъ колесъ его кабриолета.

— Ахъ, что это Михаилъ Александровичъ и не посидѣлъ, а я чай приготовила, — вбѣжала впопыхахъ хозяйка дома съ выраженіемъ недоумѣнія на лицѣ.

— Ну, что жъ, меня напоите, — замѣтилъ шутливо Иванъ Григорьевичъ, здороваясь съ ней.

— Да какъ же, я и не простилась съ нимъ, — заботилась она. — Вотъ, невѣжей называетъ! Какъ бы не разсердился...

Иванъ Григорьевичъ съ любопытствомъ слѣдилъ за волненіемъ хозяйки. Для него, не бывшаго въ деревнѣ всю зиму, эти ухаживанья за Михаиломъ Александровичемъ Задонскимъ были новостью. Онъ не зналъ ни о присутствіи Задонскаго въ деревнѣ, ни о его близкомъ знакомствѣ съ Баскаковыми, ни объ отношеніяхъ къ нему Лизаветы Николаевны.

— Вѣдь я мать, я обо всемъ должна подумать. У меня семеро дѣтей, дочь невѣста, — заговорила хозяйка. — У меня, просто, голова кругомъ идетъ... Мой-то соколъ опять крылья расправилъ, улетѣлъ...

— Куда? — почти безцѣльно спросилъ гость, у котораго какъ-то невольно вертѣлся въ головѣ вопросъ объ отношеніяхъ Задонскаго къ Баскаковымъ.

— Христось его знаетъ! Вѣдь онъ мнѣ отчета не отдаетъ. Рыскаетъ, рыскаетъ по свѣту круглый годъ, налетитъ на недѣлю, на мѣсяць домой, откормится, отоспится и поми-

най, какъ знали, ну, а у меня, глядишь, дѣти.

Иванъ Григорьевичъ очень серьезно до-слушалъ конецъ этой жалобы, какъ нѣчто давнымъ-давно извѣстное ему, и принялся толковать съ дѣтьми о будущихъ учебныхъ занятіяхъ на лѣто. Подали чай. Въ комнату пришла и Лизавета Николаевна. Она весело и оживленно стала разговаривать съ Иваномъ Григорьевичемъ, передала ему, какъ она занималась съ дѣтьми зимою. Сразу можно было замѣтить, что молодые люди находятся въ безцеремонныхъ, пріятельскихъ отношеніяхъ.

— Она сердитѣ васъ, Иванъ Григорьичъ, — заговорили дѣти. — У-у, какая она строгая!

— Я съ вами часъ, да два занимаюсь, такъ на мудрено добрымъ, да терпѣливымъ быть, а ей вы, а думаю, весь день досаждаете, — усмѣхнулся учитель. — Вотъ погодите, и я васъ къ рукамъ приберу!

— Да, да, Иванъ Григорьичъ, строже надо быть съ ними, — сказала хозяйка. — Я ужъ вамъ ихъ съ рукъ на руки передаю; порите ихъ, сколько душѣ угодно!

Дѣти захихикали, зная, что учитель не станетъ ихъ пороть и что, напротивъ того, его присутствіе обѣщаетъ имъ цѣлый рядъ разнообразныхъ удовольствій въ родѣ уженья рыбы, ловленія бабочекъ, исканія грибовъ и тому подобныхъ занятій, во время которыхъ Иванъ Григорьевичъ любилъ и умѣлъ очень ловко передавать дѣтямъ безчисленное множество свѣдѣній по естественнымъ наукамъ.

— Ну, а больше никакихъ новостей нѣтъ? — спрашивалъ Иванъ Григорьевичъ у Лизаветы Николаевны.

— Нѣтъ, все по-старому идетъ, — отвѣтила Лизавета Николаевна. — Ахъ да, вспомнила!.. Наша няня Марѳа померла...

— Ну, что-жъ, довольно пожила, — добродушно проговорилъ учитель, точно дѣло шло о какомъ-нибудь до конца догорѣвшемъ полѣнѣ. — Я думаю, за восьмой десятокъ перевалило?

— Да, семьдесятъ-два года было... Оеклуша наша замужъ вышла, — продолжала вспоминать новости Лизавета Николаевна.

— А! За своего Гришутку вѣрно?

— Да!

— Ну, дай Богъ имъ счастья! Давно слюбились, — также добродушно замѣтилъ онъ.

— А про Трезорку-то, про Трезорку-то ты и забыла! — торопливо заговорили дѣти. — Она, Иванъ Григорьичъ, Трезорка-то наша, бѣшеною стала и стала рычать на всѣхъ: подойдешь, бывало, къ ней, а она на тебя: р-р-р... Потомъ кучеръ Никита взялъ ее въ мѣшокъ и отнесъ съ камнемъ на шеѣ въ Желтуху... Тамъ ее, бѣдную, и бросили, Трезорку нашу! — наперерывъ рассказывали дѣти жалобнымъ тономъ.

Иванъ Григорьевичъ и Лизавета Николаевна задумчиво слушали эту печальную исторію изъ дѣтскихъ воспоминаній и молчали.

— А давно Михаилъ Александровичъ переселился въ деревню? — совершенно неожиданно спросилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Да... то-есть нѣтъ, — смѣшалась Лизавета Николаевна отъ неожиданнаго вопроса. — Онъ здѣсь, кажется, уже три мѣсяца живетъ...

Иванъ Григорьевичъ невольно взглянулъ своими добрыми и немного насмѣшливыми глазами на Лизавету Николаевну.

евну и удивился, увидавъ ея пылающее и смущенное лицо.

— Ну, вѣдь это тоже новость не хуже бѣшенства Трезорки, а вы ее-то и пропустили! — разсмѣялся онъ.

«Сначала забыла о немъ, и потомъ, когда напомнили, смутилась. Что это значить?» — подумаль молодой пріятель Лизаветы Николаевны.

Дарья Власьевна, между тѣмъ, давно уже сидѣла молча. Молодые люди такъ заговорились, что даже и забыли о ея присутствіи, когда тихія всхлипыванія, раздавшіяся въ той сторонѣ, гдѣ сидѣла хозяйка, заставили ихъ взглянуть на нее. Она сидѣла за чайнымъ столомъ, скорбно наклонивъ на бокъ голову и подперевъ ее одною рукою, и заливалась самыми искренними, горькими слезами.

— Что съ вами? — заботливо спросилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Да какъ же, отецъ мой родной, не взгрустнуться! — закачала она изъ стороны въ сторону головой, убиваясь отъ горя. — У всѣхъ-то мужья есть, одна я сирота горемычная вдовствую... Уѣхаль, и прощай не сказа-

ль!.. Въдь вотъ теперь смотрѣла я, смотрѣла на васъ, и вспомнилось мнѣ, какъ онъ утромъ еще сегодня, голубчикъ мой, на этомъ самомъ мѣстѣ сидѣлъ, чай съ нами пилъ... Мою я стаканчикъ, а самой такъ и кажется, что не вы изъ него пили, а мой Николаша пилъ...

— Ну, авось скоро вернется! — замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ, добродушно улыбаясь.

— Нѣтъ, батюшка, чуетъ мое сердце, что въ послѣдній разъ мы съ нимъ прожили... Оохъ! останусь я одна на бѣломъ свѣтѣ, — неутѣшно заливалась Дарья Власьевна горькими слезами.

Иванъ Григорьевичъ поднялся съ мѣста и взялся за фуражку.

Всѣ распрощались съ гостемъ; онъ дружески пожалъ руку молодой дѣвушки и неспѣшными шагами вышелъ изъ дому. Передъ нимъ, извиваясь, тянулась длинная, покрытая грязью и озаренная луннымъ свѣтомъ дорога изъ Бабиновки въ село Приволье. Молодой человѣкъ снялъ фуражку и пошелъ, опираясь на сучковатую толстую дубинку, открывъ свой лобъ встрѣчному свѣжему вѣтру. Черезъ часъ ходьбы онъ увидалъ въ полу-

тъмъ блестящую змѣйку родной Желтухи, и вскорѣ вдали забѣлѣли освѣщенные луной стѣны каменной церкви села Приволья, которое, разбросавшись по берегу Желтухи, доходило до самаго угла, образуемаго Желтухою и большой судоходной рѣкой, и шло далѣе по берегу этой большой рѣки пестрымъ и плотнымъ рядомъ красивыхъ избъ, амбаровъ, ригъ и тому подобныхъ построекъ. Церковь на берегу Желтухи, окруженная кладбищемъ, какъ-то отдалилась отъ прочихъ построекъ, и около нея жался только чистенькій, городской постройки домикъ священника, гдѣ уже было совсѣмъ темно, и куда направлялся Иванъ Григорьевичъ.

Даровой лѣтній учитель, студентъ кедининской академіи и сынъ священника изъ села Приволья, Иванъ Григорьевичъ Борисоглѣбскій, возвратясь изъ Бабиновки, лежалъ съ сигарою въ зубахъ въ своей комнаткѣ въ домѣ отца. Ему не хотѣлось спать, какія-то смутныя, не то тоскливыя, не то сладкія чувства наполняли все его существо. Онъ снова былъ на родинѣ, въ своемъ отчемъ домѣ, «подъ тѣми самыми березами, съ которыхъ, по его выраженію, рвали сучья для его порки»; передъ нимъ въ этотъ, день прошли всѣ лица, мелькнули всѣ картины, съ которыми тѣсно и неразрывно связывалась вся его прошлая, то скорбная, то задушевно и тепло пережитая жизнь.

Онъ родился на томъ краю села Приволья, гдѣ начинаются владѣнія Баскаковыхъ. Эти два помѣстья, Бабиновка и Приволье, столь близкія другъ къ другу, представляли рѣзкій контрастъ, и на ихъ судьбѣ, какъ это всегда бываетъ, вполнѣ отразилась судьба ихъ владѣльцевъ. Мы видѣли, что за жизнь шла

въ Бабиновкѣ, теперь мы должны заглянуть въ Приволье, тѣмъ болѣе, что характеры и жизнь нашихъ дѣйствующихъ лицъ сложились всецѣло подѣ вліяніемъ этихъ деревень.

Село Приволье издавна принадлежало князьямъ татарскаго происхожденія Мурзатовымъ и только въ послѣднее время перешло въ руки графини Серпуховской, послѣдней дочери послѣдняго изъ князей Мурзатовыхъ. Въ давно-былыя времена Мурзатовы жили въ столицѣ и играли значительную роль при дворѣ. Не имѣя никакой возможности управлять лично своимъ имѣніемъ, они посылали туда управителей, приказчиковъ, конторщиковъ и тому подобный, наживавшійся въ деревнѣ, людѣ. Тогда это село помѣщалось еще за нѣсколько верстъ отъ большой рѣки и носило названіе «Никитинскаго погоста». Крестьяне, кромѣ взноса оброка, отработывали чуть ли не пять дней въ недѣлю на барщинѣ и были разорены въ конецъ. Не менѣе губительно дѣйствовало на нихъ сосѣдство города Никитина съ его кабаками и мелкими заработками. Додѣлаеть, бывало, крестьянинъ что-нибудь въ городѣ, добудеть грошъ и снесеть

его тутъ же въ кабакъ. Жены почти не видали своихъ мужей и отбывали за нихъ всю домашнюю работу въ небарщинные дни. Не богатѣли и Мурзатовы. Имъ то-и-дѣло доносили изъ деревни, что мужики пьянствуютъ и не могутъ выплачивать оброковъ. Негодуя на управляющихъ, видя, какъ они богатѣютъ, Мурзатовы смѣняли ихъ почти ежегодно, и каждый новый управитель приносилъ съ собою свой взглядъ на дѣло, свои порядки и еще болѣе путалъ и разорялъ крестьянъ. Изъ преданій видно, что жители «Никитинскаго погоста» нерѣдко убивали управителей, поджигали ихъ жилища, или просто бѣжали на большія дороги и въ лѣса промышлять разбоемъ. Наконецъ, одному изъ Мурзатовыхъ пришла въ голову благая мысль: онъ рѣшился не тратить денегъ на жалованье управляющимъ, призвалъ къ себѣ старосту, выругалъ его мошенникомъ, оттащаль за бороду, и послѣ этого поощрительнаго приступа приказалъ хоть родить, а доставлять въ годъ извѣстную сумму оброка. Староста почесалъ въ затылкѣ и обѣщаль свято и нерушимо исполнять волю барскую. Мужики, узнавъ отъ

старосты, сколько съ нихъ требуютъ, стали толковать, что они не могутъ платить оброка. Только одинъ изъ нихъ, старый, хитрый раскольникъ, замѣтилъ, что онъ, хоть убей его, не можетъ платить требуемой суммы, а что, пожалуй, онъ и больше бы заплатилъ, если бы его совсѣмъ освободили отъ барщины.

— Выселился на Приволье, такъ и сталъ богачомъ, — укоряли его другіе мужики. — Тебѣ все въ руки плыветъ, а мы гдѣ денегъ-то возьмемъ?

— Проситесь избы переносить, такъ и вамъ не худо будетъ, — отвѣтилъ богатый мужикъ, какъ бы позабытый всѣми въ своемъ привольскомъ уединеніи и уже давно добывавшій со своею многочисленною семьей деньги на этомъ мѣстѣ.

Мужики потолковали, что не легкая штука переселяться на новое мѣсто, что, пожалуй, и баринъ не позволитъ. Нѣкоторые твердо рѣшились оставаться на своихъ мѣстахъ, не видя никакой пользы въ томъ, что они будутъ жить на нѣсколько верстъ дальше отъ города и ближе къ рѣкѣ; другіе склонялись на переселеніе. Староста написалъ объ этомъ ба-

рину и получилъ отвѣтъ, что мужики могутъ хоть къ чорту переселиться, но должны оброкъ сполна выплачивать. Тотчасъ же, по полученіи этого отвѣта, нѣсколько семей перенесло свои избы на другое мѣсто, на «Приволье». Тутъ была подъ рукой судоходная рѣка, богатая рыбой; тутъ ежедневно тянулись лѣтомъ барки, сплавлялся лѣсъ, перевозился хлѣбъ, нерѣдко случались несчастія во время бурь или обмелѣнія рѣки; постоянно требовались здѣсь рабочія руки. Пугало выселившихся мужиковъ одно обстоятельство: они не надѣялись на первый годъ выработать столько денегъ, чтобы внести сполна оброкъ. Но хлопотавшій болѣе всего объ этомъ переселеніи раскольникъ, давно жившій на Привольѣ и «мутившій православный народъ», отстранилъ и это сомнѣніе. Онъ съ таинственнымъ видомъ объявилъ, что есть у него на примѣтъ такіе благодѣтели, которые дѣло-то могли бы уладить, да только какъ бы не провѣдалъ кто этого. Послѣ многихъ приступовъ и переговоровъ дѣло уладилось, и мужики попали въ кабалу къ своему же брату-крестьянину. Настала для переселенцевъ

новая жизнь. Работы было на первых порахъ больше, чѣмъ во время барщины. Приходилось работать на себя, да кромѣ того старый раскольникъ выжималъ свои деньги.

Но какъ бы ни прижималъ онъ мужиковъ, въ его сношеніяхъ съ ними была и хорошая сторона: онъ показалъ имъ, что можно извлечь изъ счастливаго положенія «Приволя», и отучилъ ихъ ѣздить въ близкій отъ нихъ городъ.

— Либо къ рѣкѣ, либо къ городу; либо къ Богу, либо къ чорту, — говаривалъ онъ.

И скоро всѣ поняли, что «тянуть къ рѣкѣ выгоднѣе». Прошло не очень много лѣтъ, и переселившіеся мужики разбогатѣли, приманили къ себѣ новыхъ переселенцевъ и приобрѣли какую-то особенную физиономію. Это былъ суровый, «забубенный» народъ, передъ которымъ, такъ сказать, проплыла на судахъ вся Россія. Видалъ онъ и бурлака, и тарина, и каторжниковъ, и высшихъ сановниковъ. Ловилъ онъ отважно рыбу въ бурное время, да не трусилъ и тогда, когда ночью порой вылавливалъ тайкомъ грузъ затонувшей барки. Наживался онъ гдѣ правдой, а гдѣ

и неправдой. Проѣзжать мимо Приволья было не всегда безопасно. Не шель онъ въ городъ на мелкіе заработки по совѣту стараго раскольника, да не шель и въ церковь «Никитинскаго погоста»: «далеко, молъ, ходить; часъ проводишься, а пять прошляешься».

Это было въ концѣ двадцатыхъ годовъ. Князь Мурзатовъ попалъ въ немилость и считалъ себя счастливымъ, что долженъ былъ удалиться въ деревню, а не куда-нибудь подальше. Его барскій домъ стоялъ на берегу большой рѣки, на значительномъ разстояніи отъ Приволья. Выстроенный во дни Екатерины, этотъ домъ не безъ основанія назывался «дворцомъ». Роскошный, обширный, онъ былъ окруженъ садами; тутъ были бесѣдки, гроты, статуи, такъ-называемый эрмитажъ, то есть просто уединенный домикъ съ комнатою изъ сплошныхъ зеркалъ, обвитыхъ искусственными цвѣтами; цвѣты, кажется, готовы были упасть и засыпать пуховые турецкіе диваны, обитые бѣлымъ съ розами атласомъ и отражавшіеся въ зеркальномъ потолкѣ и въ каждой изъ зеркальныхъ стѣнъ. въ этомъ домикѣ, какъ говоритъ преданіе, происходили

самыя грязныя и ужасающія сцены, оканчивавшіяся нерѣдко смертью несчастныхъ жертвъ разврата, и самъ домикъ былъ построенъ именно для этой цѣли... Барскія палаты какъ-то сторонились какъ отъ «Никитинскаго погоста», такъ и отъ «Приволья». Переѣхавъ въ деревню, князь Мурзатовъ сразу почувствовалъ нѣчто непріятное, нѣчто зловѣщее въ положеніи своего дворца. Онъ зналъ, что одинъ изъ его предковъ во времена Анны Іоанновны занимался разбоемъ, грабилъ и дворянъ, и мужиковъ, и потому выстроилъ себѣ притонъ среди лѣса на берегу рѣки, отъ которой отдалилъ своихъ крестьянъ; зналъ онъ также, что этотъ разбойничій вертепъ въ началѣ царствованія Екатерины вдругъ превратился въ какой-то русскій братскій тріанонъ, превратился при помощи громадныхъ издержекъ, и только для того, чтобы самъ помѣщикъ прожилъ въ немъ два года, но зато какіе два года! Все это припомнилъ опальный баринъ, пріѣхавъ въ свой дворецъ, и ему стало скверно въ этомъ отдалявшемся отъ крестьянъ и отъ помѣщиковъ пріютѣ. Онъ увидалъ бѣдность и

пьянство въ «Никитинскомъ погостѣ», и довольство и трезвость въ «Привольѣ», и рѣшился переселить всѣхъ крестьянъ изъ «Никитинскаго погоста» въ «Приволье». Послѣ двухлѣтняго его пребыванія въ деревнѣ, около его дворца уже красовались выстроенныя на его деньги избы послѣднихъ переселившихся жителей «Никитинскаго погоста». «Приволье» представляло теперь сплошное село, заканчивавшееся съ одной стороны барскимъ домомъ, а съ другой — новою каменною кладбищенскою церковью, кромѣ которой были еще деревянная «лѣтняя» церковь, да такъ-называемая дворцовая церковь, находившаяся въ барскомъ домѣ. Въ «Никитинскомъ погостѣ» уцѣлѣли только небольшая полуразвалившаяся часовня съ кладбищемъ, да постоялый дворъ съ кабакомъ на большой дорогѣ, помѣщавшійся недалеко отъ врѣзавшейся угломъ въ мурзатовское имѣніе Бабиновки.

Городъ Никитинъ находился теперь въ четырнадцати или въ двѣнадцати верстахъ отъ мурзатовскихъ крестьянъ, тогда какъ прежде они жили отъ него въ пяти или въ четырехъ

верстахъ. Но дѣло было не въ разстояніи, а въ стремленіи мужиковъ къ рѣкѣ. Вновь переселенные крестьяне стали кое-какъ поправляться, хотя и не могли сравняться въ довольствѣ съ первыми поселенцами. Они долго отличались отъ нихъ и характеромъ, чаще ходили въ церковь, были менѣе предприимчивы, больше пили и считали, можетъ-быть, не безъ основанія, всѣхъ старыхъ жителей Приволья раскольниками или, по крайней мѣрѣ, людьми, сочувствующими расколу и очень холодно смотрящими на православіе. Можетъ-быть, тутъ не было ни раскольничества, ни православія, а былъ просто индифферентизмъ народа, разжившагося и закалившагося въ неуспѣшномъ трудѣ и въ вызванномъ обстоятельствами мошенничествѣ. Но богатые мужики неохотно говорили объ этомъ предметѣ; еще неохотнѣе говорили они о своемъ денежномъ положеніи и имѣли привычку прикидываться очень небогатыми людьми.

— Что сработаетъ, то и проѣшь. Какіе у насъ капиталы могутъ быть! — говорили они.

А въ народѣ ходили слухи, что у старыхъ

мужиковъ Приволья водится деньга и большая деньга, только это кулакъ-народъ.

— Много ли, мало ли, а все же хоронить на черный день надо, — отвѣчали они уклончиво, если къ нимъ очень приставали съ вопросами объ ихъ матеріальномъ положеніи, и тутъ же подсмѣивались надъ другими мужиками. — А вы деньги-то на улицу выложите, авось добрые люди припрячутъ.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ жители Приволья окончательно сжились, и остались только едва уловимыя отличительныя черты въ ихъ характерахъ. Это было село торговое, дѣятельное, съ большимъ трактиромъ и постояннымъ дворомъ на берегу рѣки, съ нѣсколькими лавками, не только не уступавшее ни въ чемъ, но даже превосходившее во многомъ Никитинъ, откуда часто пріѣзжали горожане за товарами въ село, не находя этихъ товаровъ въ городѣ. Ободранные, придавленные чиновничествомъ былыхъ временъ, городскіе мѣщане-лавочники; чиновничество, берущее мелкія взятки и трепещущее передъ ревизіями губернскаго начальства; одна церковь, десятокъ кабаковъ и трак-

тирь, поглощающіе послѣднія деньги у мѣщанъ и все нажитое грошевыми взятками у чиновниковъ; жалкія поползновенія на полицейскій надзоръ, — все это придавало какой-то скорбный видъ городу, построенному по чьему-то приказанію, Богъ знаетъ для какихъ цѣлей, среди нагихъ и плоскихъ полей. Стоя незначительно выше мужиковъ по образованію, никитинскіе жители утратили всякую возможность работать такъ, какъ работали привольскіе мужики; чиновники стыдились явно плотничать, сапожничать, портняжничать; мѣщане привыкли къ городской торговлѣ, то-есть къ отупляющей, празднои и сидячей жизни, и не работала отчасти и потому, что никитинское народонаселеніе очень мало потребляло на мѣсть, а заказывало одежду и даже обувь въ губернскомъ городѣ; хлѣбъ, масло, яйца покупало изъ деревень; иные товары закупало прямо въ Привольѣ. Отставъ отъ привольскихъ мужиковъ на этомъ поприщѣ, отстали никитинцы отъ нихъ и на поприщѣ наслажденій жизнию. Она еще не доразвились, не добогатѣли настолько, чтобы завести собранія, бібліотеку, театръ, но уже

зашли за ту черту, гдѣ люди начинаютъ гнушаться мужикомъ и стыдиться его удовольствій, хороводовъ, посидѣлокъ и тому подобнаго. Сплетни, карты, пьянство и вѣчный сонъ наполняли все свободное время ихъ жизни. Совсѣмъ иначе выглядѣли жители Приволья. Долгое знакомство съ проѣзжающимъ со всей Россіи людомъ значительно развило ихъ; довольно значительные торговые обороты пробудили смѣтливость, отчасти кулачество и способность надуть хоть родного брата; постоянная работа на сердитой рѣкѣ придавала имъ смѣлости и умѣнья пользоваться чужимъ несчастьемъ, какъ въ былые годы пользовались другіе люди ихъ бѣдственнымъ положеніемъ; отсутствіе управителей и полиціи, господъ и барщинныхъ дней пробудило въ нихъ какую-то гордость, самоуваженіе, отчасти самодурство; эти люди, кажется, могли постоять за себя; уже многіе изъ нихъ, имѣя родню въ селѣ, сдѣлались значительными купцами и кормили не только какихъ-нибудь «канцелярскихъ» своими обѣдами, а и самихъ губернаторовъ. Всѣ помнятъ, какъ на одномъ изъ

своихъ обѣдовъ купецъ Туговъ представилъ гостямъ и посадилъ за столъ на первое мѣсто своего отца, простого мужика привольскаго. Эта выходка надѣлала шуму даже въ столицѣ. Имѣя такихъ родственниковъ и милостивцевъ, гордившихся и коловшихъ разнымъ баричамъ глаза своимъ происхожденіемъ, привольскіе мужики смотрѣли дерзко и смѣло на мелкихъ властей. Рѣзко стали они отличаться отъ всѣхъ своихъ сосѣдей, жившихъ вдали отъ рѣки, «тянувшихъ къ городу». Послѣдніе снимали шапку передъ каждымъ бариномъ, но никогда не дѣлалъ этого привольскій житель. Правда, жители Приволья и не были такъ добродушны, какъ ихъ сосѣди. Надуть они были готовы всякаго.

— На то Богъ и дурака создалъ, чтобы умные на немъ ѣздили, — смѣялись они.

— Проходи, проходи, Богъ подастъ! — говорили оня по большей части нищимъ вмѣсто подаенія и разсуждали между собою: — На всѣхъ не напасешься; ишь ты, чѣмъ бы работать, а они шлятся.

Неохотно впускали они на ночлегъ прохожихъ, дорожа трудно нажитымъ богатствомъ

и говоря, что «Богъ его знаетъ, какой это челоѡкъ; еще, пожалуй, и село спалить; шляется, значить непутящій».

— Постоялый дворъ на то есть, братецъ. Проваливай! — захлопывали они двери передъ странникомъ.

Страха передъ становыми и тому подобными властями у нихъ почти не было никакого, и они очень хладнокровно смотрѣли на ихъ прїездъ.

Но чѣмъ богаче становилось Приволье, тѣмъ бѣднѣе становились Мурзатовы. Правда, въ первые годы богатства въ Привольѣ, Мурзатовы вдругъ поднялись и ожили. Ихъ фамилія сдѣлалась одною изъ самыхъ богатыхъ, и они стали жить широко: бросили службу, уѣхали за границу. Чѣмъ шире шла жизнь, тѣмъ болѣе требовали они съ мужиковъ, тѣмъ болѣе дѣлали долговъ и безобразій... Мужики стали пользоваться положеніемъ господъ и выкупались за большія деньги цѣлыми семьями... Надъ князьями назначили опеку... Года черезъ два послѣ этого событія умеръ послѣдній изъ нихъ, и имѣніе досталось графинѣ Серпуховской, родной

теткѣ Михаила Александровича Задонскаго, поселившейся послѣ смерти своего мужа въ деревнѣ.

Вотъ почва, на которой выросъ Иванъ Григорьевичъ Борисоглѣбскій въ домѣ бѣднаго сельскаго священника, обремененнаго выжившимъ изъ ума отцомъ, матерью съ отнявшимися ногами и множествомъ дѣтей, полуобразованнаго, немного опустившагося отъ бѣдности и отсутствія всякихъ сношеній съ образованною средою. Въ этомъ старикѣ, рядомъ съ горячею любовью къ дѣтямъ, уживались мелочные, скряжническіе расчеты нищаго о томъ, что дѣти должны кормить его подѣ старость; рядомъ съ трезвымъ практическимъ взглядомъ на жизнь гнѣздились самыя странныя идеи невѣжды обо всемъ, что стояло внѣ узкаго круга его дѣйствій; то онъ напускалъ на себя важность и хотѣлъ явиться проповѣдникомъ среди «мошенниковъ» привольскихъ, то кланялся въ поясъ этимъ «мошенникамъ», потому что и онъ хотѣлъ ѣсть... Его сынъ, Иванъ Григорьевичъ, перетерпѣлъ бурсацкую жизнь, грязь, мелкое базарное мошенничество и нищету; перенесъ побои и

проклятія отца за отказъ отъ дьяконства и за поступленіе въ медицинскую академію; пережилъ цѣлый годъ въ столицѣ, въ углѣ, иногда ночуя на нарахъ за двѣ копейки, не дожда днемъ, не досыпая ночью, сколачивая наперекоръ своей натурѣ гроши, чтобы привезти ихъ отцу, купить этою цѣною примиреніе съ нимъ и провести у него лѣто. Зачѣмъ примиряться? зачѣмъ проводить лѣто въ его домѣ? Объ этомъ Иванъ Григорьевичъ почти и не разсуждалъ, и просто поддавался какому-то инстинктивному стремленію на родину, подъ родную крышу, къ родной рѣкѣ. Даже планы сдѣлаться земскимъ врачомъ въ Привольѣ были скорѣе слѣдствіемъ этого стремленія, чѣмъ одною изъ его причинъ. Съ дѣтства передружился онъ тутъ со всѣми мужиками, со всѣми ихъ ребятишками. Игралъ онъ съ ними въ бабки, ночевывалъ у нихъ, когда отецъ слишкомъ сильно нападалъ на него. Въ первое лѣто; проведенное въ Привольѣ по прибытіи изъ академіи; Иванъ Григорьевичъ еще болѣе скрѣпилъ свою дружбу съ крестьянами; покумился съ нѣкоторыми, у другихъ привилъ оспу ребятишкамъ, далъ два-три

совѣта болзнымъ бабамъ. Все, начиная со стараго бобыля Тараса, въ деревнѣ Рябиновѣ, занимавшагося издѣліемъ затѣйливыхъ тавлинокъ и бураковъ, и кончая старою богомолкою графинею Серпуховскою, владѣтельницай Приволья, считали Ивана Григорьевича за своего человѣка. Его прототъ не удивлялись, потому что въ ней и не было ничего удивительнаго: держать себя человѣкъ, какъ и слѣдуетъ человѣку держать себя, его не цѣнили, какъ какую-нибудь рѣдкость; не превозносили его, какъ выдающееся явленіе, потому что и примелькался онъ всѣмъ, и казалось каждому, что ужъ онъ постоянно у батюшки священника проживать лѣто долженъ, и что некуда ему дѣваться. Такъ вообще привыкають люди ко всякой необходимой, но сросшейся съ ихъ жизнью, вещи или личности. Оцѣнивають они эту вещь или личность только послѣ утраты ея; только тогда начинаетъ мозолить имъ глаза оставленная ею пустота, только тогда говорятъ они; эхъ, вотъ и видно, что ея нѣтъ! Эти вещи, эти личности — любимые наши старые халаты, сторожившія насъ собаки, вѣрныя на-

ши слуги, заботившіеся о насъ друзья дѣтства. Такія отношенія людей къ Ивану Григорьевичу были особенно по сердцу ему самому. Онъ зналъ, что онъ не пятая спица въ колесницѣ въ жизни этихъ людей, что онъ такъ же необходимъ для ея полноты, какъ какой-нибудь Дмитрій Сысоевъ, содержатель трактира, или, какъ какой-нибудь выборный Иванъ Михѣевъ; сознавалъ, что онъ такъ же необходимъ въ этой жизни, какъ какой-нибудь винтъ въ машинѣ, а не служилъ въ ней какою-нибудь блестящею бляхою, яркимъ украшеніемъ, которое, можетъ-быть, и краситъ машину, но о которомъ никто и не вспомнить, если его не будетъ. Его умъ, подъ вліяніемъ бѣдности, притѣсненій, хитрой изворотливости, вызванной необходимостью, и многихъ разочарованій, всегда соединенныхъ съ бѣдностію, сложился довольно своеобразно: Онъ съ какою-то добродушною ироніей и недоувѣріемъ относился ко всему. Явятся у него золотыя мечты или надежды, онъ поддастся имъ; а уже черезъ минуту самъ подсмѣивается надъ собою. Назовется къ нему въ друзья какой-нибудь восторженный

юнецъ, онъ честно отвѣтитъ на дружбу, а потомъ какъ-то иронически говоритъ о своихъ «чувствительныхъ» отношеніяхъ къ этому юношѣ... Случится въ обществѣ какая-нибудь пакостная исторія, придавить его самого кто-нибудь, — онъ вспылитъ, бѣсится, а черезъ день уже говоритъ со своей добродушной насмѣшливостью:

— Все это оттого случается, что мы, какъ Дарья Власьевна, все еще не достроились; а если что и было выстроено; такъ пришлось перестраивать. Ну, вотъ однимъ какая-нибудь упавшая балка кости переломала; другіе ругаются, что лѣса худо подведены., Третьи — мусоръ, да матеріалы до поту должны таскать; четвертымъ угла нѣтъ, гдѣ бы прилечь да отдохнуть, и въ тишинѣ насладиться семейнымъ счастіемъ... Въ сущности, это славная жизнь; бранятся ли, падаютъ ли, угла ли себѣ ищутъ люди — вездѣ движеніе и бодрость чувствуется... Вонъ въ Китаѣ, такъ все построено, все прилажено, хлопотать не о чемъ, покойся себѣ, какъ праведникъ въ гробу... Это, можетъ-быть, и спокойнѣе, да жизни тутъ нѣтъ, желаній, надеждъ не можетъ

быть. Это навѣваетъ тоску, какъ плохой конецъ хорошо начатаго романа.

Во всемъ этомъ были видны слѣды горькаго прошлаго и усилій смѣхомъ заглушить слезы, ироніей подавить отчаянье. Такой характеръ складывается нерѣдко у сильныхъ и трезвыхъ по натурѣ бѣдняковъ изъ молодежи.

Иванъ Григорьевичъ не задумался надъ вопросомъ: почему онъ стремится каждое лѣто въ родныя мѣста? Но если бы онъ и задумался надъ этимъ вопросомъ, то увидалъ бы, что обойтись безъ этой потребности ему трудно. По крайней мѣрѣ, разъ онъ рѣшился не ѣхать домой, а отправился къ одному помѣщику въ учителя. Помѣщикъ былъ баринъ обходительный, благовоспитанный, но какъ-то особенно изысканно вѣжливо и предупредительно относился къ учителю, какъ относятся люди къ новому, совершенно чуждому имъ лицу. Дѣти въ домѣ въ повиновеньи растутъ; причесанныя, кроткія, тихія, ко всякому слову «съ» прибавляютъ, не спорятъ съ учителемъ, но какъ-то, оторопѣвъ, запуганно смотрятъ ему въ глаза и словно ртомъ

ловятъ каждое его слово. Барышни, дочери помѣщика, потупляютъ глазки передъ учителемъ; не смѣются, а только краснѣютъ, если онъ смѣшное что-нибудь скажетъ; вечеромъ онѣ на фортепяно играютъ въ четыре руки. Ровно въ двѣнадцать часовъ общій завтракъ, ровно въ четыре часа общій обѣдъ, ровно въ девять общій ужинъ; на этихъ собраніяхъ идутъ толки о политикѣ, о геніальномъ Наполеонѣ, о геніальномъ Гарибальди, о геніальномъ Мадзини, о геніальномъ Бисмаркѣ. Барыня-помѣщица старается учителю чай и кофе пересластитъ и все такіе томные глазки дѣлаетъ. Скука! Попробоваль Иванъ Григорьевичъ съ мужиками душу отвести — они передъ нимъ шапки снимаютъ; онъ говоритъ съ ними хочетъ, а они только отвѣчаютъ или слушаютъ и соглашаются; а онъ для нихъ баринъ, притомъ баринъ чужой и, сверхъ того, получающій плату отъ ихъ господъ, то-есть, вѣроятно, поддѣльывающійся къ господамъ. Опять скука и тоска. Пожилъ учитель недѣлю, другую и является однажды къ помѣщику.

— Я ѣду-съ домой, — сказалъ онъ, сконфу-

женно глянувъ въ сторону и кусая губу.

— Что вы не довольны чѣмъ-нибудь, — удивился помѣщикъ.

— Нѣтъ, всѣмъ доволенъ...

— Такъ что же?

— Да жить я здѣсь не могу; по родной сторонѣ соскучился...

Помѣщикъ вѣжливо усмѣхнулся, полагая, что это одна изъ тѣхъ простыхъ отговорокъ, которыми прикрываются болѣе серьезныя причины.

— Вамъ, вѣроятно, кто-нибудь надѣлалъ непріятностей. Мнѣ очень...

— Никто мнѣ ничего не сдѣлалъ, — перебилъ Иванъ Григорьевичъ, для котораго вся эта сцена была крайне тяжела. — Просто ѣду, вотъ и все. Я вамъ другого учителя доставлю, гораздо лучшаго, чѣмъ я...

— Какъ вамъ угодно; насильно милъ не будешь! — обидчиво промолвилъ помѣщикъ. — Только надо было сперва подумать о своихъ нѣжныхъ чувствахъ къ роднымъ полямъ и не ѣздить на мѣсто, имѣя такое мягкое сердце, — колко добавилъ онъ.

— Да я ужъ за это прежде васъ себя выру-

галь, — усмѣхнулся учитель. — Я чуть-было потихоньку не удраль... Ошибаться свойственно человѣку, вотъ я и ошибся.

Такъ онъ и уѣхалъ; повеселѣлъ даже, когда чужая деревня скрылась изъ глазъ. Подъѣзжаетъ онъ къ Приволью, толкуетъ съ знакомымъ ямщикомъ, тотъ его выспрашиваетъ, надолго ли онъ на побывку къ отцу ѣдетъ, гдѣ онъ теперь въ ученьи. Вотъ въѣхалъ и въ село, навстрѣчу мужики идутъ.

— Пстой-ка, Матвѣй, — крикнулъ одинъ изъ мужиковъ ямщику.

Ямщикъ остановился.

— Здравствуй, Иванъ Григорьевичъ, а я ужъ о тебѣ у попа справлялся. Съ бабой моей что-то сдѣлалось, вторую недѣлю на печи лежитъ, встать не можетъ...

Расплатился Иванъ Григорьевичъ съ ямщикомъ, велѣлъ отвезти къ отцу чемоданъ, а самъ пошелъ къ мужику, посмотрѣлъ на больную бабу, сказалъ, что нужно дѣлать, и какъ вышелъ изъ избы, такъ вдругъ ему показалось, что онъ никогда и не выѣзжалъ изъ родного Приволья, или что, если и выѣзжалъ, то пріѣхалъ сюда не сейчасъ, а когда-то дав-

но, давно... Никто не смотритъ на него съ удивленіемъ и любопытствомъ, ребятишки не прячутся отъ него, какъ въ чужой деревнѣ; каждый ему поклонится, какъ своему человѣку, поговоритъ съ нимъ и идетъ своею дорогой. Вошелъ онъ въ свой домъ; вѣчно запуганная мать и плачетъ, и смѣется, отецъ подтруниваетъ надъ ней, а самъ, нѣтъ-нѣтъ, да и взглянетъ до сына, любуясь имъ; маленькіе ребятишки, братья и сестры, смотрятъ на его чемоданъ съ любопытствомъ, ждуть не привезъ ли старшій братъ чего-нибудь изъ столицы.

Свѣтло стало на душѣ у Ивана Григорьевича, вошелъ онъ въ отцовскій садикъ, тянувшіеся къ береговому скату до самой рѣки, легъ на песокъ у берега; солнце его грѣетъ, вдали широкая рѣка виднѣется, барки тянутся, чьи-то голоса раздаются въ воздухѣ,

— Ишь ты, Ваня, дни-то какіе Богъ нонче дастъ хорошіе, — слышался позади его голосъ матушки-попадѣи, не утерпѣвшей и забѣжавшей въ садъ за ненагляднымъ сыночкомъ.

— Да, матушка, хорошіе дни стоятъ! —

отвѣтитъ сынъ, поддаваясь полной душой хорошему настроенію.

А тутъ батюшка вышель въ подрясничкѣ, съ заплетенной назадъ жиденькой косичкой въ родѣ мышинаго хвостика, бороду широки-мъ гребнемъ расчесываетъ, смотритъ любовно на своего сына.

— Поставь-ка намъ самоваръ, мать-попадья, — говоритъ онъ женѣ, — соловья баснями не кормятъ. Ишь, любо теперь, что сынъ-то выросъ?

Съли чай пить, закуску подали.

— Мы, Ваня, по рюмочкѣ пропустимъ? — съ добродушнымъ подмигиваньемъ спросилъ священникъ.

— Отчего не пропустить съ дороги, — разсмѣялся сынъ.

— Ну что, какъ у васъ тамъ насчетъ Польши слышно, — началъ священникъ, стараясь на первыхъ порахъ занять сына городскими умными разговорами.

— Ничего, теперь тихо все! — отвѣтилъ сынъ.

— Охъ, не вѣрится мнѣ что-то, — съ сомнѣніемъ покачалъ головою священни-

къ. — Врага мы себѣ въ ней нажили. Только убытки она намъ приносить, да козни строить. И отчего бы не написать имъ въ Европу письмо, чтобы хоть англичанинъ взялъ ее на аренду? А чтобы они насъ и тогда не беспокоили, выставить бы на границу три милліона войска, ну, тогда и тягайся съ нами.

Иванъ Григорьевичъ усмѣхнулся,

— Ну, теперь авось и такъ обойдется?

— Дай Богъ, дай Богъ!

— Ну, а что ректоръ семинаріи все тотъ же? — спросилъ сынъ.

— Охъ, я не говори! — вздохнулъ отецъ и началъ горячо и толково рассказывать сыну про ректора семинаріи, про благочиннаго, да про всѣ свои нужды и заботы. Такъ о Польше и не вспоминали болѣе...

Напились чаю и всѣ улеглась спать съ пѣтухами, а Ивану Григорьевичу и спать не хотѣлось. Вышелъ онъ опять на берегъ, легъ на песокъ и впалъ въ невольное раздумье. Вспомнилось ему все пережитое, перенесенное; вспомнилось, какъ онъ горевалъ, не имѣя гроша за душою въ годы дѣтства, какъ его, сына бѣднаго попа, пороли въ бурсѣ, какъ

избилъ его голякъ-отець, когда онъ задумаль отказаться отъ выгоднаго дьяконства и сталъ продолжать ученье, пришелъ на память сегоднешній ласковый пріемъ отца и радость матери, увидавшей, что батюшка совсѣмъ пересталъ гнѣваться на сына, — и какъ-то грустно и въ то же время легко стало у него на душѣ. Вдругъ онъ какъ будто простилъ всѣмъ, забылъ все и помнилъ только одно, что если его гнула въ бараній рогъ нищета, то гнула она еще болѣе, еще дольше и этихъ мужиковъ-плутовъ, и этихъ отупѣвшихъ профессоровъ семинаріи, и его отца, и его запуганную, глуповатую, но полную любви мать, не было въ его сердцѣ ничего, кромѣ теплой и полной любви. Иванъ Григорьевичъ былъ скупъ на ловкія фразы, на нѣжныя чувства.

— Какъ живого человѣческаго мяса порѣжешь на своемъ вѣку, какъ больной человѣкъ у тебя подъ ножомъ умереть, оттого что у тебя рука дрогнула, да заѣхала въ сторону, — говариваль онъ:— такъ тугъ не до нѣжныхъ чувствъ, да не до точеныхъ фразъ.

Ну, а въ этотъ вечеръ лежалъ онъ на пескѣ въ такомъ настроеніи, что, кажется, обнялъ

бы весь живой міръ, подставилъ бы свою грудь за каждаго изъ ближнихъ, и впервые понялъ онъ всю силу своей любви къ роднымъ мѣстамъ и родному народу.

— Ахъ ты, моя родина, бѣдная! — прошепталъ онъ, а по лицу тихо, одна за другой, скатились теплыя слезы.

И, подсмѣивающійся надо всѣмъ, скептически относящійся ко всему, никогда не смѣялся Иванъ Григорьевичъ, вспоминая эту сцену на берегу рѣки. Расчувствуйся онъ въ этотъ вечеръ по поводу какого-нибудь другого событія, а не по поводу встрѣчи съ родными мѣстами и роднымъ народомъ, то онъ вѣрно въ ту же минуту, слѣдомъ за изліяніемъ нѣжнаго чувства, промолвилъ бы:

— Подгулялъ, значитъ, человекъ на радостяхъ, ну и расчувствовался.

Такова ужъ натура была...

Теперь онъ снова былъ дома, снова готовился приняться за свое обычное лѣтнее дѣло, учить дѣтей Баскаковыхъ, крестьянскихъ ребятишекъ, своихъ братьевъ и сестренокъ, лѣчить лихорадки, пораненныя на работѣ руки и ноги, крестить дѣтей, ходить на

охоту. Жизнь по сердцу, по влеченью готовилась начаться во всей своей полнотѣ, не оставляющей ни минуты для скуки или тоски. Размышляя о своихъ встрѣчахъ, Борисоглѣбскій невольно вспомнилъ о своей встрѣчѣ съ Михаиломъ Александровичемъ, и его занялъ вопросъ: въ какихъ отношеніяхъ находится къ семьѣ Баскаковыхъ этотъ новый въ деревнѣ человѣкъ, этотъ «столичный гусь», какъ называлъ его мысленно Иванъ Григорьевичъ? Давно Борисоглѣбскій привыкъ смотрѣть на семью Баскаковыхъ, и въ особенности на Лизавету Николаевну, какъ на родню. Онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей ихъ бытъ, ихъ радости и ихъ печали, и интересовался всѣмъ, что касалось ихъ, точно такъ же, какъ интересовался радостями и печальями каждаго изъ мужиковъ Приволья. Ему не для чего было анализировать, какія это чувства; не вызываетъ ли ихъ какая-нибудь другая причина, кромѣ простой привычки. Гораздо болѣе страннымъ и требующимъ анализа показалось бы ему противоположное явленіе, то-есть, если бы онъ, интересующійся бытомъ всего окрестнаго на-

рода, ни съ того, ни съ сего, не сталъ бы интересоваться только жизнью однихъ Баскаковыхъ. Вслѣдствіе этого и теперь, погрузившись въ думы о семейныхъ дѣлахъ Баскаковыхъ, Иванъ Григорьевичъ не видѣлъ ничего особеннаго въ своемъ любопытствѣ...

Рано утромъ онъ вышелъ къ чаю.

— Ну, что у Баскаковыхъ всѣ ли здоровы? — спросилъ отецъ.

— Всѣ здоровы... Самъ опять удралъ куда-то.

— Непутящій, право непутящій!.. Чѣмъ бы за семьей присмотрѣть, а онъ по свѣту рыскаетъ, словно и не знаетъ, что жена — дура-баба! Тоже вѣдь и дѣти малыя, и дочь за возрастъ: однихъ обучить нужно, за другой глаза нужны... Вѣдь тоже мало ли что люди-то могутъ наплести про нее.

— А развѣ что-нибудь дурное говорятъ? — уже съ любопытствомъ спросилъ Иванъ Григорьевичъ, сначала едва поддерживавшій разговоръ.

— Ну, да вѣдь люди всяко говорятъ: и дурное, и хорошее, а дурного больше, — отвѣтилъ отецъ, оттопыривая губы и подувая

на чай, налитый на блюдечко.

Иванъ Григорьевичъ помолчалъ.

— Я тамъ Михаила Александровича встрѣтилъ, — началъ онъ черезъ минуту и зорко взглянулъ на отца.

— Ну да, извѣстно, гдѣ же ему и быть, какъ не около бабъ! Дѣла нѣтъ, такъ ничего другого на умъ я не идетъ... Дѣвушку-то только мараетъ, — сердито замѣтилъ отецъ.

— Да онъ зачѣмъ сюда пріѣхалъ? Мало публичныхъ домовъ въ столицѣ показалось?

— Больной, — усмѣхнулся отецъ. — Лѣчиться пріѣхалъ... Должно-быть, въ отставку вышелъ... Да что-то я въ толкъ не возьму, зачѣмъ онъ здѣсь лѣчится, а не за границей... Вѣдь тамъ-то по нимъ, чай, француженки плачутъ... Прокутился вѣрно!.. И что это, подумаешь, бездѣлье-то изъ людей дѣлаетъ! — оставляя блюдечко, глубокомысленно произнесъ священникъ. — Правда, что лѣнь мать всѣхъ пороковъ, и что верблюду легче пройти въ игольное ухо, чѣмъ богатому въ рай... За всѣми бабами гоняется. Вонъ сталъ и на постоянный дворъ къ Марьѣ Мироновой заходить. Бабенка она шустрая, съ проѣзжими

купчиками все водилась...

— Да съ ней-то онъ какъ познакомился? — спросилъ сынъ. — Демократомъ, что ли, хочеть сдѣлаться, что за простой бабой ухаживаетъ?

— Ну, они давно знакомы. Я помню, ты еще маленькй былъ — ему лѣтъ этакъ пятнадцать было, такъ онъ ей косу обрѣзалъ!

— Какъ такъ?

— Да такъ, началъ онъ за нею бѣгать. Она ему согрubiла что-то... Въ дѣвичьей она жила у ея сiятельства... А онъ забрался къ ней ночью, да косу ей и обрѣзалъ въ отместку. Только это у нихъ и на умѣ. Юбочники, право юбочники!

— Такъ, значитъ, она теперь не молода?

— Да такъ, годикомъ помоложе его... Ничего, красивая баба, въ соку...

Иванъ Григорьевичъ нахмурился, и еще сильнѣе сталъ занимать его вопросъ объ отношенiяхъ Баскаковыхъ и Задонскаго.

— Ну, у Баскаковыхъ-то онъ зачѣмъ бываетъ? — продолжалъ онъ распросы.

— Господь его знаетъ!.. Слухи недобрые ходятъ. Ну, да всякому слуху вѣрить нельзя.

Вотъ ты поговори съ Лизаветой-то Николаев-ной... Дѣвушка хорошая, ее жаль. Онъ поигра-еть, да и бросить ее, а ей горе!

— Жениться, можетъ-быть, хочетъ, — усмѣхнулся Иванъ Григорьевичъ.

— Ну, тоже не радость, — возразилъ свя-щенникъ.

— Не радость-то, не радость, да вѣдь на-сильно не оттащишь, если она его любить.

— Охъ, грѣхи, грѣхи! — вздохнулъ отецъ, вставая съ мѣста, чтобы идти въ свой ого-родъ. — Любовь-то что? Такъ, мечтаніе одно. Скучно человѣку, дѣла у него нѣтъ, дома содо-мъ, молодъ онъ, кровь у горячая, подверну-лось смазливое личико, вотъ онъ и говорятъ; я, молъ, люблю? Ну, а тамъ ребята, заботы, дразги, мужъ въ одну сторону, жена въ дру-гую, развратъ!

Иванъ Григорьевичъ молчаливо слушалъ, какъ философствовалъ его отецъ. Его умъ всецѣло поглотили мысли о Лизаветѣ Нико-лаевнѣ. Онъ не удивлялся, что она могла увлечься отставнымъ петербургскимъ геро-емъ. Отвратительная обстановка въ семей, полное отсутствіе опредѣленной

дѣятельности, грязь и недостатки, скука и рядомъ съ нею молодая кипучая кровь, простодушная бойкость неопытности, все это, дѣйствительно, могло толкнуть дѣвушку къ первому попавшемуся навстрѣчу смазливому человѣку, съ вкрадчивыми рѣчами любви, съ блестящимъ образованіемъ, съ острымъ умомъ, съ хорошей обстановкой... Иванъ Григорьевичъ зналъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, что Лизавета Николаевна была просто типомъ деревенской барышни и не могла сдѣлаться ничѣмъ инымъ подѣ влияніемъ окружающей ея среды и глупаго воспитанія. Но онъ зналъ, что эта барышня не глупа, настойчива и смѣла, и потому отчасти надѣялся на счастливый исходъ ея увлеченія, если оно и было въ дѣйствительности,

— Ну, да увидить, что это за гусь, и все пройдетъ, — замѣтилъ онъ, сходя съ крыльца вмѣстѣ съ отцомъ. — Можетъ-быть, и этотъ опытъ пойдетъ въ пользу. Говорятъ же умные люди, что кто не отвѣдалъ горькаго, тотъ не узнаетъ и сладкаго. Вотъ, бѣдняковъ и кормятъ все горькимъ, вѣроятно, для того, чтобы послѣ имъ сладкое слаще было, — усмѣхнулся

онъ своей добродушно-насмѣшливой улыбкой.

— Такъ-то такъ, только иногда столько горькаго наглотаешься, что потомъ и сладкаго не станешь ѣсть, — промолвилъ отецъ. — Далекое ли зашло, вотъ что надо спросить. Иногда и вернуться нельзя.

Иванъ Григорьевичъ мгновенно весь вспыхнулъ и сердито нахмурился.

— Глупости! — рѣзко проговорилъ онъ: — всегда можно вернуться!.. Ну, а не вернется, такъ туда и дорога.

Онъ вышелъ изъ дома, направляясь къ селу. Побывавъ у нѣсколькихъ мужиковъ, потолковавшись на берегу между рабочимъ людомъ, давъ нѣсколько медицинскихъ совѣтовъ, Иванъ Григорьевичъ, проголодавшійся и успокоенный, поспѣшно и бодро возвращался домой, когда на большой дорогѣ, по направленію ко дворцу, пронесся экипажъ графини Серпуховской. Борисоглѣбскій увидалъ дружески и весело кланяющуюся ему головку: это была Лизавета Николаевна.

— А вѣдь, дѣйствительно, надо будетъ все разузнать, — подумалъ онъ, входя въ жили-

ще своего отца.

Передъ Лизаветой Николаевной широко и шумно распахнулась дверь привольскаго «дворца» и щегольски, по-столичному, наряженный во фракъ и бѣлый галстукъ лакей поддерживалъ ее подъ руку при выводѣ изъ экипажа. Она стала подниматься по широкой, роскошно украшенной статуями, колоннами и цвѣтами лѣстницѣ. Вся эта роскошь, весь этотъ блескъ, весь этотъ просторъ были давнымъ-давно извѣстны ей, извѣстны не менѣе, чѣмъ грязь ея родныхъ, вѣчно-строившихся бабиновскихъ сараевъ, только носившихъ названіе жилыхъ комнатъ. Здѣсь былъ тоже ея домъ, здѣсь тоже были прожиты ею многіе дни и притомъ счастливые, а не скорбные, какъ дни, прожитые въ Бабиновкѣ...

Взглянемъ на это прошлое...

Среди роскоши привольскаго «дворца» постилась на стерляжьей ухѣ и молилась за мягкихъ коврахъ и бархатныхъ подушкахъ графиня Серпуховская. Это была высокая, худощавая, темноволосая женщина съ густыми, сурово-сдвинутыми бровями, когда-то при-

влекавшими къ ней сотни поклонниковъ, а теперь пугавшими дѣтей своей строгостью. Говорятъ, что она была когда-то красавицей, была несчастна съ мужемъ-самодуромъ, развратникомъ и мотомъ, что она ни разу не измѣнила этому мужу вплоть до его смерти, и тѣмъ болѣе послѣ его смерти. Когда онъ умеръ, она удалилась въ свое имѣніе поправлять дѣла, воспитывать въ благочестіи свою дочь и оплакивать грѣхи всего міра; она молилась и за мужа, много нагрѣшившаго въ жизни, и за брата, перешедшаго къ ужасу всѣхъ родныхъ въ католичество, и за свою сестру, погибшую среди блестящаго и циническаго разврата. Она не пропускала случая обращать на путь истинный заблудшія души. Вела переписку со многими замѣчательными людьми и любила вспоминать, какъ ей удалось повліять на одного талантливаго человѣка, обративъ его къ религіи и покаянію; хотя онъ послѣ поздняго обращенія и потерялъ свой талантъ и немного помѣшался, но все-таки умеръ истиннымъ христіаниномъ. Она не окружала себя глупыми приживалками, грязными юродивыми, не

любила пресмыкающихся личностей и не терпѣла, чтобы люди унижались передъ нею, такъ какъ это подло и совсѣмъ не нужно, — да, не нужно, — вѣдь прожила же она весь свой вѣкъ, не унизившись ни разу? Но, не любя униженія, она въ то же время не выносила противорѣчій своимъ убѣжденіямъ, не потому, конечно, что противорѣчіе оскорбило бы ее, но потому, что оно оскорбило бы тѣ святыя истины, о которыхъ она говорила и противъ которыхъ не можетъ быть спора. Но такъ какъ всѣ ея разговоры вертѣлись около этихъ предметовъ, то всѣ ея знакомые и дѣлались почтительными слушателями. Каждый новый губернаторъ считалъ своимъ долгомъ явиться къ ней, всѣ окрестные помѣщики считали за честь побывать у нея въ домѣ. Митрополиты, архіереи, игумены были самыми обычными ея корреспондентами и посѣтителями. Незначительные монахи-сборщики и сельское духовенство являлись къ ней только въ пріемную, только съ прошеніями, и только на минуту. Члены послѣдняго относились къ ней съ благоговѣніемъ, зная ея вліяніе на значитель-

ныя лица изъ духовенства; но она, себя держала съ ними, какъ истинная христіанка, и показывала, что они все-таки по своему пастырскому сану стоятъ выше нея. Всѣ помнятъ одну изъ ея замѣчательныхъ фразъ, сказанныхъ по этому поводу. Старикъ Борисоглѣбскій явился въ ней однажды съ просьбою объ опредѣленіи въ семинарію своего сына Ивана; старикъ совсѣмъ растерялся, когда графиня смиренно поцѣловала его руку, и торопливо наклонился, чтобы, въ свою очередь, облобызать ручку ея сіятельства. Графиня быстро отдернула свою руку и замѣтила священнику:

— Батюшка, служитель Бога не долженъ унижаться до цѣлованія рукъ грѣшниковъ.

Никогда ни съ кѣмъ не ссорилась графиня. Затѣетъ съ ней кто-нибудь, хотя это и рѣдко случалось, тяжбу, она спокойно напишетъ губернатору и ужъ больше даже не говоритъ объ этомъ дѣлѣ: непременно рѣшится оно въ ея пользу. Провинится, бывало, у нея слуга, она ему не даетъ выговора, а просто удаляетъ его изъ дому; даетъ ему паспортъ, если онъ крѣпостной; отказываетъ отъ мѣста, если онъ

вольный. Она это дѣлала, не сердясь, не унижая челоѵка, что было бы противно съ ея христіанскимъ взглядомъ на людей.

— Не можемъ ужиться — такъ надо разѣхаться, — рассуждала она въ этихъ случаяхъ.

Вслѣдствіе этого гуманнаго правила слуги боялись ея до невѣроятной степени. У нея имъ жилось хорошо, работы было мало, жалованье большое, квартира, столъ, всего было вволю. Но чтобы сохранить за собой всѣ эти блага, которыми не могли не дорожить люди, испытавшіе и голодъ, и холодъ, нужно было быть безусловно хорошимъ слугой въ барскихъ покояхъ. На сторонѣ можно было пьянствовать, развратничать, но слѣдовало только исполнять свое дѣло во время службы. Частная жизнь не касалась графини: она считала сплетни грѣхомъ; зная свою дальновидность, не терпѣла вмѣшательства въ свои дѣла; исправлять людей хотѣла только своею примѣрною жизнію и не считала возможнымъ внушать этой несчастной неразвитой черни, которую она не забывала въ своихъ молитвахъ, великія истины, доступныя только

развитому уму... Отъ нея, отъ ея комнатъ, отъ ея слугъ, когда они являлись въ этихъ комнатахъ, вѣяло холоднымъ спокойствіемъ и непоколебимую строгостью...

— Въ вашемъ домѣ что-то такое святое чувствуется, — говорили ей люди, потому что имъ становилось холодно и жутко отъ этой безмятежности, какъ отъ заупокойнаго пѣнія: «во блаженномъ успеніи»...

Кромѣ высокопоставленныхъ личностей, кромѣ заслуженныхъ стариковъ, кромѣ своего вдоваго управляющаго изъ чиновниковъ, взявшаго недавно къ себѣ двухъ дочерей изъ столичнаго института, она любила видѣть у себя молодыхъ гостей и молодую прислугу. Воспитанницъ она не держала, потому что считала обязанность воспитывать челоуѣка не по своимъ силамъ и даже говорила, что она почти радуется потери дочери и неимѣнію другихъ дѣтей, такъ какъ Богъ знаетъ, что было бы изъ нихъ. Но молодые люди, пріѣзжавшіе иногда къ ней гостить, были ей просто милы, какъ цвѣты, какъ попугаи.

— Это моя послѣдняя слабость, — говорила она.

Дѣйствительно, пребываніе въ ея домѣ молодежи было такъ же не нужно, какъ появленіе роскошныхъ- бронзовыхъ и фарфоровыхъ украшеній, какъ появленіе всего этого блеска для нея, для женщины, проповѣдывавшей аскетизмъ и воздержаніе, молитву и смиреніе. Чаше всѣхъ другихъ дѣвушекъ появлялись здѣсь невинныя, наивныя, всему изумлявшіяся дочери управителя и Лиза Баскакова. Послѣдняя когда-то росла съ покойной дочерью Серпуховской, и графиня чувствовала что-то въ родѣ холодной привязанности къ молодой дѣвушкѣ. Она ласково цѣловала ее въ лобъ при встрѣчѣ; спрашивала, здорова ли она, давала ей полную свободу ходить по комнатамъ, читать духовныя и нравственныя книги, играть на фортепьяно, и въ день отъѣзда спрашивала ее, не нужно ли ей чего-нибудь. Хотя всегда получался отрицательный отвѣтъ, графиня все-таки дарила что-нибудь Баскаковой, прибавляя:

— Это дѣтямъ отъ меня!

Иногда графиня, окончивъ свои бесѣды съ управителемъ и часть своей душеспасительной переписки, входила неслышными шага-

ми по мягкимъ коврамъ въ залъ, гдѣ стоялъ рояль, и опускалась на какое-нибудь кресло въ темномъ углу комнаты. Не замѣчая присутствія графини Баскакова продолжала играть. Эта задушевная игра не для публики, игра мечтающей въ сумеркахъ и въ одиночествѣ дѣвушки, то веселая, бойкая и бурная, какъ сама молодость, то едва-слышная, замирающая и страстная, какъ какое-то безотчетное стремленіе къ неизвѣстной, созданной воображеніемъ жизни, эта игра странно дѣйствовала на графиню. Она задумчиво опускала голову на руки и не шевелилась въ своемъ креслѣ по цѣлому часу. Но едва только замиралъ послѣдній звукъ, какъ только вставала Лиза, какъ тотчасъ же понималась и графиня.

— А я взошла взглянуть, дитя, не скучаете ли вы. Сегодня мы какъ-то однѣ остались — говорила она, дѣлая видъ, что едва-едва успѣла переступить черезъ порогъ въ эту комнату.

— Нѣтъ, мнѣ не скучно. Вы знаете, я люблю музыку; мнѣ такъ хорошо здѣсь, — отвѣчала и дѣйствительно, ей легко дыша-

лось среди этой тишины, послѣ бурь и криковъ, оглашавшихъ бабиновское жилище.

Графиня тихо цѣловала въ лобъ молодую дѣвушку и тихо удалялась въ свои покои. Лиза даже и не подозрѣвала, что ее долго слушали, что звуки ея музыка пробуждали нѣчто въ родѣ чувства въ вѣчно невозмутимой душѣ набожной женщины, безропотно покорившейся своей судьбѣ...

Въ такомъ-то домѣ Лиза провела, почти безвыѣздно пять лѣтъ жизни, начиная съ десятиаго года. Въ это время, въ ея собственномъ домѣ, ей житья не было; отецъ воевалъ съ матерью и ея родными; имѣніе закладывалось и продавалось для ушаты его долговъ; вѣчныя постройки остановились, и бѣдной дѣвочкѣ не только нельзя было учиться, и даже некуда было пріютиться. Графиня въ эту пору неожиданно предложила Дарьѣ Власьевнѣ отпустить въ ея «дворецъ» маленькую Лизу «погостить». — Дарья Власьева даже прослезилась, я облобызала ручку ея сіятельства, несмотря на всѣ возраженья графини, Лизу тоже заставили поцѣловать эту щедрую ру-

ку, и съ этой минуты графиня сдѣлалась благодѣтельницей Баскаковыхъ. Въ сущности, она совсѣмъ не думала о благодѣянїи, приглашая на время въ свой домъ дочь небогатыхъ сосѣдей. У нея была болѣзненная, ску-чавшая въ одиночествѣ дочь, ровесница Лизы, и ей нужна была подруга. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности Лиза должна была принести пользу только дочери графини; извлечетъ ли она какую-нибудь выгоду изъ этой роли для себя — объ этомъ, разумѣется, и не думала Серпуховская. Но такъ все ведется на свѣтъ, Лизу всѣ стали считать облагодѣтельствованною воспитанницею графини, и никто и не думалъ, что ей благодѣтельствуютъ для своихъ цѣлей, для своихъ выгодъ, и что о ней и не позаботились бы; если бы она не была нужна самимъ благодѣтелямъ. Не думала объ этомъ какъ графиня, такъ и Лиза, привыкшая видѣть въ Серпуховской свою покровительницу. Прошло пять лѣтъ, успѣла Лиза оплакать свою захнувшую въ богатомъ парникѣ подругу, переселилась она въ родной постылый домъ, такъ какъ ея ученїе окончилось въ день смер-

ти молодежи Серпуховской, и навсегда сохранила свѣтлыя воспоминанія о дворцѣ, гдѣ каждая вещь тѣшила глаза, гдѣ все шло чинно и прилично, гдѣ и виды были лучше, и люди довольнѣе, и не было ни дразгъ, ни ссоръ. Да и изъ-за чего было тутъ ссориться? Всѣмъ доставало хлѣба, всѣ привыкли повиноваться за деньги графинѣ. Теперь этотъ дворецъ сталъ еще дороже Лизѣ. Въ немъ жилъ тотъ, кого она помнила, какъ веселаго друга дѣтства, кузена своей покойной подруги, кого она теперь любила, правда немного странною любовью, но все же любила.

Михаилъ Александровичъ Задонскій служилъ еще недавно въ столицѣ, захворалъ, вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ деревню. Говорятъ, онъ уѣхалъ изъ столицы потому, что долженъ былъ бѣжать отъ кредиторовъ; говорятъ, онъ уѣхалъ въ деревню, а не за границу, потому что у него не было средствъ на поѣздку за границу, и была надежда выпросить денегъ у тетки на уплату долговъ. Тетка обрадовалась ему своею набожною, невозмутимою радостью и попросила пожить съ нею. Намеки о деньгахъ оставались покуда безъ

всякаго положительнаго отвѣта. Встрѣча Лизы съ Михаиломъ Александровичемъ была странная: онъ удивился, увидавъ хорошенькое и бойкое личико простенькой деревенской барышни; она сконфузилась и боялась его. Но въ первые же дни у Лизы проснулись воспоминанія, она опять стала видѣть въ Михаилъ Александровичъ рѣзваго и удалого пажу Мишеля, украдкою цѣловавшаго ее въ былые годы въ дѣтское плечико. Михаилъ Александровичъ сталъ ухаживать за нею, иногда они играли въ четыре руки, иногда весело болтали о разныхъ пустякахъ, подчасъ онъ пѣлъ страстныя пѣсни, порою становился задумчивъ, выражалъ мысли о своемъ разочарованіи, о своей тоскѣ, - все это понемногу сближало съ нимъ Лизу. Дешевенькое, салонное остроуміе, хорошій голосъ, ловкость, хитрость, все это уже не разъ пускалось въ ходъ Михаиломъ Александровичемъ, когда ему хотѣлось побѣдить какое-нибудь молодое женское сердце, и почти всегда черезъ недѣлю или черезъ двѣ настойчивая атака оканчивалась побѣдой. Уже пажомъ онъ насмотрѣлся на скандалезную жизнь своей

матери, покойной сестры графини Серпуховской; уже шестнадцати лѣтъ онъ былъ неизмѣннымъ посѣтителемъ балета, близкимъ знакомымъ танцовщицъ, постояннымъ членомъ на кутежахъ своихъ пріятелей; онъ, въ сущности, не зналъ ничего основательно, былъ вполнѣ однимъ изъ тѣхъ блестящихъ неучей, которые нахально и свысока болтаютъ обо всемъ въ нашихъ мало-образованныхъ гостиныхъ. Стоя по умственному и нравственному развитію, подобно многимъ изъ своихъ друзей, крайне низко, онъ не могъ приняться ни-за какую дѣятельность; всякое занятіе, начиная съ составленія канцелярскихъ бумагъ, до занятій агрономіей, торговлей или ремесломъ, было не по силамъ ему, такъ какъ онъ изъ всего зналъ только какіе-то кончики, отрывки и ненужности; онъ могъ только красоваться на лошади, гремѣть саблей на публичныхъ гуляньяхъ, свысока смотрѣть на несравненно болѣе, чѣмъ онъ, нравственную и развитую массу и пользоваться значеніемъ, покуда въ его карманѣ оставалась послѣдняя копейка, которую можно было поставить ребромъ. Но эти копейки

скоро исчезаютъ у людей, умѣющихъ прожить и не умѣющихъ работать; эти люди постоянно должны заглушать звономъ золота ничтожество высказываемыхъ ими идей, должны покупать себѣ за деньги друзей и поклонниковъ, такъ какъ въ нихъ самихъ нѣтъ ничего, что привлекаетъ къ человѣку. Покуда они богаты, надъ ними всѣ смѣются только за глаза; когда они бѣднѣютъ — всѣ явно отворачиваются отъ нихъ. Но таково свойство неразвитаго, стоящаго по уму на самой низшей ступени человѣка, что онъ, сдѣлавъ ошибку, будучи наказанъ за нее, не можетъ сознаться въ ошибочности своихъ дѣйствій и приняться за исправленіе себя. Нѣтъ, онъ разыгрываетъ роль угнетенной невинности, онъ ругаетъ вссь свѣтъ, онъ воображаетъ себя умирающимъ подъ ослиными копытами львомъ, тогда какъ у него если и была когда-нибудь львиная грива, то она была взята напрокатъ за деньги и теперь красуется у какого-нибудь ростовщика вмѣстѣ съ другими его украшеніями, продающимся съ аукціоннаго торга и готовыми придать временное значеніе какому-нибудь новому шу-

ту... Пора такого безцѣльнаго, безсодержательнаго озлобленья и разочарованья наступила и для Задонскаго, когда онъ домоталъ послѣдній грошъ на кормленіе празднои толпы столичныхъ лизоблюдовъ и уѣхалъ въ деревню. Уже черезъ двѣ или три недѣли онъ началъ все яснѣе и яснѣе высказывать Лизѣ довольно странныя идеи о непрочности всего существующаго и о ничтожествѣ всѣхъ людскихъ стремленій къ хорошему.

Сначала Лизу, бойкую и по своей живой, подвижной натурѣ, и по полнѣйшей деревенской неопытности, нисколько не трогали и даже смѣшили эти сѣтованья.

— Ну, вы опять принялись за свои жалобы, — смѣялась она вызывающимъ смѣхомъ. — Да если бы я была мужчиной, тогда я бросила бы, на край свѣта ушла бы, а сыскала бы свое счастье.

— Въ томъ-то и дѣло, что я знаю каждый край свѣта и знаю, что такъ идетъ та же жизнь, какая идетъ и у насъ, — возражать отставной герой.

— Да вы ровесникъ Мафусаилу, что ли, что все знаете?

— Не знаю, какъ старъ былъ вашъ сказочный Мафусаиль, — пожималъ плечами Задонскій:— но и сколько бы онъ ни жилъ, я все-таки и опытнѣе его.

— Книжкамъ вѣрите, такъ и думаете, что опытни...

Невинный управительскія барышни, присутствовавшія иногда при этихъ бесѣдахъ, краснѣли за необразованность Лизы и, называя ее деревенщиной, строили какіе-то очень выгодные для себя планы на счетъ Задонскаго.

— Въ васъ говорить настойчивость неопытнаго ребенка, — замѣчалъ онъ сухо Лизѣ:— а во мнѣ убѣжденіе опытной зрѣлости.

— Да Богъ съ нею, съ такою опытностью! — восклицала Лиза. — Что я изъ нея сдѣлаю?

— Ничего!.. Но и изъ своей настойчивости вы ничего не сдѣлаете, развѣ только себя поскорѣе загубите... Впрочемъ, и то благо въ этомъ мірѣ...

Лиза бойко смѣялась. Управительскія барышни дѣлали презрительныя гримаски и по своей невинности и неопытности ждали, что

вотъ-вотъ душка Задонскій перестанетъ говорить съ душой Лизой. Но Задонскаго раздражала поддразнивала упорная настойчивость деревенской барышни, и онъ настойчиво шелъ къ своей цѣли, торжествуя, если по этому вѣчно веселому лицу пробѣгали минутныя облака грустнаго раздумья.

— Вы счастливы, — повторялъ онъ однажды во время отсутствія управительскихъ барышень свою обычную пѣсню:— вы полны вѣры въ людей, вы надѣетесь на будущее. Жизнь для васъ — рядъ новыхъ блестящихъ представленій.

— А для васъ будто бы въ ней нѣтъ ничего новаго, ничего привлекающаго? — спросила она.

— Ничего... я слишкомъ рано началъ жить и понялъ жизнь.

Михаиль Александровичъ задумался и замолчалъ.

— Я впередъ знаю, встрѣчаясь съ человѣкомъ, что онъ или гадокъ, или сдѣлается гадкимъ вслѣдствіе нужды или вслѣдствіе богатства, вслѣдствіе излишняго самолюбія, или вслѣдствіе недостатка

самолюбія, вслѣдствіе всегда плохо направ-
леннаго образованія, или вслѣдствіе
полнѣйшаго повѣжества... Я знаю впередъ,
что самый честный человѣкъ потому че-
стенъ, что ему еще ни разу не пришлось по-
ставить свою честность на большую карту, —
предлагали взятку въ рубль, ну, а онъ дороже
цѣнить свою честность; предложить ему
двѣсти, триста тысячъ — можетъ-быть, и про-
дастся... И вѣдь дойдетъ до такой подлости,
что станетъ увѣрять даже себя, что онъ и
взятку эту взялъ ради великихъ цѣлей, ради
какого-нибудь святого дѣла... Самые ярые ли-
бералы при малѣйшемъ противномъ вѣтрѣ
всегда пѣли гимны своимъ недавнимъ врагамъ,
а когда вѣтеръ переменялся, они оправда-
ли свою подлость желаніемъ продолжить
служеніе святому дѣлу. «Мы сдѣлали уступ-
ку, — говорили они:— чтобы спасти свою
жизнь и продолжать свой трудъ»... Ложь!
Уступили потому, что честности не хватило,
и подлый страхъ потерять земныя блага за-
крался въ ихъ душонки!.. А что это за святые
дѣла! Вотъ образованіе народа — чего
прекраснѣе? А взгляните, сдѣлается мужикъ

грамотнымъ и сдѣлается или плутомъ, или погибнетъ самъ отъ пьянства съ горя...

— Да что съ вами сегодня? — невесело улыбнулась Лизавета Николаевна. — Образование должно дѣлать плутовъ или пьяницъ!

— Не должно, но дѣлаетъ, — это неотразимый фактъ. Взгляните у насъ въ Привольѣ, да и гдѣ угодно: что грамотный, то плутъ. Они всѣ хоть и считаются зажиточными, остаются въ сущности бѣдняками, и потому считаютъ, должны считать позволительнымъ каждое средство для пріобрѣтены денегъ. Грамотность даетъ имъ одно изъ средствъ обманывать неграмотныхъ простяковъ, ну, они и обманываютъ. Это изворотливыя натуры. Но есть и въ народѣ идеалисты, непрактическіе люди, самородки честности, эти не воспользуются грамотой и образованіемъ, какъ средствомъ для плутовства и мошенничества. Но образованіе приподнимаетъ передъ ними такъ или иначе хоть кончикъ завѣсы, за которою таится иная, лучшая жизнь, и они дѣлаются еще болѣе несчастными, еще болѣе недовольными своею жизнью. Но выйти изъ

нея у нихъ нѣтъ ни силъ, ни средствъ, и вотъ они пьянствуютъ съ горя...

Лизавета Николаевна чужла во всемъ этомъ какую-то ложь, но у нея не было средствъ обличить Михаила Александровича въ подтасовкѣ картъ.

— Но все же образованіе, какое бы зло оно ни приносило, можетъ уничтожить, въ концѣ концовъ, нищету, — замѣтила она.

— Не думаю. Въ Пруссіи почти весь народъ грамотный, а нищета все та же и даже еще хуже. Фабричные во Франціи тоже большею частію грамотны, — но это самые бѣдные изъ бѣдныхъ людей.

— Не знаю, правда ли все это, что вы говорите, — замѣтила Лизавета Николаевна, которой становилась тяжела эта неспособность къ серьезному спору. — Можетъ-быть, если бы я больше знала, я сумѣла бы возразить вамъ. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, если вы и правду говорите, то это только правда относительно настоящаго времени...

— То-есть какъ это? Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Да такъ, что теперь худо людямъ, покуда

они не всё образованы, но когда будутъ всё образованы, то никто не будетъ имѣть больше средствъ, чѣмъ другіе, для надуванья другъ друга. Что теперь и грамотнымъ фабричнымъ худо живется, это правда, но они добьются чего-нибудь и устроятъ свою жизнь какъ-нибудь иначе.

— Вотъ эта-то вѣра ваша и приводитъ меня въ зависть, — разсмѣялся Михайль Александровичъ. — Устроятъ свою жизнь какъ-нибудь иначе, добьются чего-нибудь! Тысячи лѣтъ устраиваютъ они свою жизнь, добиваются чего-нибудь лучшаго и ничего не могутъ подѣлать. Сперва были на Западѣ рабы *de jure* и *de facto*; теперь *de jure* — они свободны, но *de facto* — тѣ же рабы. Это улучшеніе такого рода, какъ если бы узникъ сперва носилъ названіе преступника, а потомъ получилъ бы названіе невиннаго, но попрежнему содержался бы въ цѣпяхъ и въ тюрьмѣ. Сперва ихъ держали въ рабствѣ физическою силою, теперь имъ дали свободу; но только за тѣмъ, чтобы они сами покорно сдѣлались рабами капитала... Все та же роковая необходимость... Много создавалось системъ и теорій

для счастья челоѵчества, но всѣ онѣ были только системами и теоріями и распадались прахомъ при первомъ практическомъ примѣненіи. И что же тутъ мудренаго? Теорія, можетъ-быть, совершенно вѣрна, какъ теорія, но гдѣ ее нужно примѣнить къ дѣлу? Среди испорченныхъ вѣками людей, зараженныхъ наслѣдственными пороками и предрасудками, привыкшихъ къ праздности или къ излишеству, къ рабству или властвованію... Одна теорія говоритъ: всякому по его потребностямъ, всякому по его трудамъ, — продолжалъ Задонскій, помолчалъ минуту. — Но какъ уравниваете вы плату? Самые неспособные люди будутъ въ выгодѣ, потому что ихъ потребности могутъ равняться съ потребностями способныхъ. Опять будутъ труженики и тунеядцы... Другая теорія говоритъ: всякому по его таланту, труду или капиталу. Прекрасно. Но у меня идіоты и нищіе родители, и я родился идіотомъ и нищимъ, силъ у меня мало на физическій трудъ, талантовъ нѣтъ, богатства тоже — и вотъ мнѣ по достается ничего. Вотъ вамъ опять нищіе и богачи. Говорятъ, что съ распространеніемъ бо-

гатства, съ развитіемъ науки, человѣческія способности будутъ нормальнѣе распредѣляться, что уродовъ и идіотовъ будетъ меньше. Согласенъ. Хотя я могу замѣтить, что тутъ множество неблагоприятныхъ и неустранимыхъ условій: расположеніе родителей въ минуту зачатія ребенка, внѣшнія обстоятельства, въ родѣ испуга, горя и тому подобнаго, случайное паденіе матери, все это вліяетъ на рождающагося человѣка, какъ какой-нибудь толчокъ на образованіе кристалловъ. Но, положимъ даже, что все это устранится: родители будутъ здоровы, женщины не будутъ пугаться и падать, и все пойдетъ прекрасно. А климатическія условія? Какъ вы избѣгнете того, чтобы житель крайняго Сѣвера былъ такимъ же пламеннымъ, чтобы онъ былъ такою же подвижною натурою, какъ итальянецъ? Но разъ будутъ существовать эти различія — и одинъ народъ непременно будетъ преобладать надъ другимъ, а будетъ преобладаніе народовъ — будетъ и преобладаніе отдѣльныхъ личностей.

Лиза, стиснувъ губы, упорно молчала. Если

бы тутъ были невинныя барышни, то онѣ, вѣрно, шепнули бы одна другой: «Что, теперь пришлось и ей язычокъ прикусить! Туда же съ умными людьми говорить хочеть!» Но ихъ не было здѣсь, и Михаилъ Александровичъ, видя упорное желаніе своей собесѣдницы молчать, продолжать свою рѣчь:

— Но, если бы эти всѣ великія теоріи были даже примѣнимы къ практикѣ, — говорилъ онѣ: — то имъ бы повредило уже одно то, что онѣ появляются только черезъ долгіе промежутки времени и потомъ замирають, уступая поле битвы враждебному лагерю. Оптимисты видятъ въ этомъ добрый знакъ, говорятъ, что это періодическое возникновеніе однѣхъ и тѣхъ же идей свидѣтельствуетъ о ихъ живучести и будущемъ торжествѣ. Это ошибка. Если эти теоріи и возникаютъ постоянно черезъ извѣстные періоды времени, то враждебныя имъ теоріи не замирають совсѣмъ и существуютъ безъ перерывовъ. Послѣднія вводятъ въ жизнь свои идеи, покуда первыя бездѣйствуютъ, а когда первымъ приходитъ время ожить снова, тогда имъ нужно начинать свое дѣло съ начала, съ азбуки: онѣ не

успѣютъ еще доучить общество складамъ, когда враги снова отодвинутъ ихъ на задній планъ. И что можетъ руководить общественнымъ прогрессомъ? Искусства, литература, промышленность... Но живопись производитъ тысячи мадоннъ, вакханокъ, батальныхъ картинъ, голенькихъ амуровъ и тому подобную дрянъ, захламощая ея насколько дѣйствительно полезныхъ по содержанию картинъ. И, къ несчастію, эти картины по исполненію самыя плохія, потому что додуматься до потрясающихъ и реальныхъ сюжетовъ можетъ только художникъ-голякъ, не имѣвшій, быть-можетъ, средствъ ни для хорошаго образованія, ни для покупки хорошихъ красокъ, ни для долгой обработки взятаго сюжета... Театръ развращаетъ балетомъ, портитъ смыслъ нелѣпымъ водевилемъ, вноситъ буржуазную, самодовольную мораль драмою и комедіей... Литература дошла до ремесла, выдумываетъ или небывалые ужасы для потрясенія притупленныхъ воловьихъ нервовъ сытаго мѣщанства, или кропаетъ фривольныя стишки, или скандалезныя повѣсти для угожденія вкусамъ развращенной молодежи

и ослабѣвшихъ старцевъ... Наука находится въ рукахъ чиновныхъ профессоровъ, и ей выгодно бороться противъ новыхъ идей, она полагаетъ въ этомъ свою задачу, роется въ архивной пыли, разъясняетъ какія-нибудь древнія рукописи, считаетъ зубы какихъ-нибудь допотопныхъ звѣрей и предлагаетъ, какъ послѣднее средство спасенія, массѣ, не имѣющей за душой гроша, откладывать на черный день капиталъ или не жениться, чтобы не расплодить нищихъ... Промышленность — это современный бичъ рабочихъ — почти вся пошла на производство и усовершенствованіе предметовъ роскоши, то есть на поглощеніе у общества и безъ того скудныхъ матеріальныхъ средствъ... Съ такими помощниками плохо подвигаться впередъ; съ такими гигантами трудно бороться...

Эта смѣсь лжи и правды, нахватанныхъ знаній о полнѣйшаго отсутствія серьезнаго образованія въ промотавшемся кутиль странно начала дѣйствовать на Лизу. Дѣвушка инстинктивно понимала, что во всѣхъ этихъ рѣчахъ кроется много неправды, что свѣтъ не можетъ быть такъ гадокъ, что положеніе лю-

дей не можетъ быть такъ безнадежно. Но что могла она возражать? Она ничего не знала. Каждая ея мысль опровергалась имъ съ такою твердою самонадѣянностью, что ей приходилось только молчать и слушать. Она могла сердиться на этого человѣка за его стремленіе убить всѣ ея надежды, или жалѣть его, какъ существо, утратившее свѣтлыя взгляды на жизнь. Онъ говорилъ такъ горячо, такъ искренно увлекался, что сердиться на него было невозможно. «Развѣ онъ виноватъ, что жизнь сгубила въ немъ вѣру во все доброе? Нѣтъ, онъ просто несчастный человѣкъ, его надо жалѣть, его надо ободрять», думалось Лизаветѣ Николаевнѣ. Да, такая роль и свойственна болѣе всего деревенской барышнѣ-простушкѣ, хотя и бойкой, и веселой, но, тѣмъ не менѣе, чувствительной и мягкой. Недаромъ же работали ея чувства въ теченіе столькихъ лѣтъ умственной спячки, почти не нарушаемой никакими вопросами, никакими событіями, никакими дѣльными книгами.

— Вы, должно-быть, страшно страдаете, — замѣтила Лиза послѣ долгихъ изліяній Миха-

ила Александровича. — Я, кажется, не пережила бы и дня, если бы исчезли моя веселость, мой свѣтлый взглядъ на будущее, моя любовь къ людямъ.

— Да, для свѣжаго челоуѣка потеря вѣры въ людей, въ возможность честнаго дѣла — истинное страданіе, невыносимое, убивающее страданіе, — отвѣтилъ онъ задумчивымъ тономъ и тутъ же прибавилъ съ горькой ироніей:— ну, а для меня прошли и эти годы. Я теперь не страдаю. Я вижу, что люди гадки, вижу, что каждое честное дѣло только свѣтлая мечта неопытнаго идеалиста, погибающая при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, — вижу и ее страдаю. Для меня насталь холодъ трезвости.

Это было очень чувствительно.

— Что же это, смерть заживо? — спросила Лиза. — Жить и ни во что не вѣрить. Не вѣрить ни во что и не чувствовать отъ этого страданія. Нѣтъ, это хуже страданія, это какой-то тупой ужась передъ жизнью, — невольно вздрогнувъ, проговорила она. — Знаете ли, — продолжала она въ раздумьи:— я сравнивала это съ положеніемъ похоронен-

наго заживо челоѡѡка, и это такъ! Правда, онъ можетъ, думать, что его крики не помогутъ среди могиль, онъ можетъ думать, что всѡ его стремленія, радости и надежды должно отложить въ сторону, что теперь ему остается задыхаться и разрушаться; онъ не борется, покоряется своей участи, но въдь онъ страдаетъ, страшно страдаетъ!.. Нѡтъ, пусть онъ кричитъ, пусть бьется, кто-нибудь, можетъ-быть, заѡдетъ случайно на кладбище, кто-нибудь, можетъ-быть, спасетъ его, кто-нибудь, можетъ-быть, докажетъ ему, что, покуда въ челоѡѡкѡ есть жизнь, бьется хоть одна жилка, онъ долженъ надѡяться!

Молоденькая дѡвушка говорила горячо и съ полной искренностью. Ея лицо и глаза горѡли отъ невольнаго увлеченія. Задонскій задумчиво слѡдилъ за выраженіемъ этого оживленнаго, дѡтскаго лица, и что-то знойное пробѡжало по его тѡлу. Впервые, послѡ десятилѡтняго холоднаго разврата, на него пахнуло свѡжею страстью и смѡлостью, на какую способна только неопытность, еще и не подозрѡвающая никакихъ опасностей въ жизни.

— Да, если бѣ въ жизни часто попадались и спасали заживо похороненныхъ людей такія страстныя спасительницы, какъ вы, — проговорилъ онъ и тихо, но крѣпко и медленно пожалъ руку молодой дѣвушки.

Въ его глазахъ блеснуль какой-то зловѣщій, непріятныя огонекъ. Такой, на мгновенье вспыхивающій огонь можно подмѣтитъ въ глазахъ неподвижно сидящей кошки, завидѣвшей мышъ: она присмирѣла, она не пошевелинетъ и однимъ членомъ, она выражаетъ собою олицетворенную невинность, но вотъ мышъ сдѣлала одно неосторожное движеніе, и вдругъ въ кроткихъ кошачьихъ глазахъ, какъ электрическая искра, быстро сверкнуль и сразу потугъ зловѣщій огонекъ, хитрая тварь снова спокойно и какъ-то дремотно сидитъ и почти не слѣдитъ за своею жертвою.

Богъ знаетъ, подмѣтила ли Лизавета Николаевна этотъ зловѣщій огонекъ въ глазахъ своего собесѣдника, просто ли испугалась слишкомъ крѣпкаго пожатія руки, но она вся вздрогнула и инстинктивно отняла свою руку. Это невольное и безотчетное движеніе не

ускользнуло отъ опытнаго наблюдателя, и онъ воспользовался этимъ движеніемъ, какъ воспользовался бы и всякимъ другимъ движеніемъ въ свою пользу и для своихъ цѣлей.

— Видите ли, страстныя-то спасительницы всегда готовы отдернуть руку, если ее возьмутъ даже не для своего спасенія, а просто для теплаго пожатія, подобные мнѣ, заживо похороненные, люди, — иронически проговорилъ онъ. — Все дѣло въ томъ, Лизавета Николаевна, что разныя спасенія и геройскіе подвиги хороши только на словахъ, а на дѣлѣ бываетъ иначе. Иная филантропка только и мечтаетъ объ этихъ несчастненькихъ нищенкахъ, бѣдненькихъ падшихъ дѣвушкахъ и о помощи имъ. А приведите ее въ ихъ притоны, покажите ей этихъ зараженныхъ и испорченныхъ — и нравственно, и физически, — созданій; дайте время имъ, привыкшимъ къ обману и воровству, разъ или два обмануть свою благодѣтельницу, и вы увидите, что вчерашняя платоническая любовница погибающаго человѣчества превратятся въ его неумолимаго врага... Все мечты!.. Вотъ пото-

му-то нѣтъ спасенья и такимъ людямъ, какъ я. Многіе будутъ, подобно вамъ, говорить мнѣ успокоительныя фразы, а подойдешь къ нимъ поближе, сейчасъ же отойдутъ на благородную дистанцію: «ахъ, что это вы! вамъ надо спастись, только мы не рѣшимся спасти васъ»... Да и на что? Проживемъ и такъ!

Михаиль Александровичъ бойко встряхнулъ головой.

— Да что мы похоронные разговоры ведемъ? — неожиданно произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ, смѣясь удушливымъ смѣхомъ. — Музыки, пѣсень, и будемъ веселиться, смѣяться!

Онъ быстро сѣлъ къ роялю и заигралъ одну изъ удалыхъ русскихъ пѣсень.

Лизавета Николаевна, опустивъ на колѣни руки и склонивъ на грудь голову, сидѣла въ какомъ-то чадѣ. Она сама не знала, почему ея сердце замерло, почему ей стало какъ-то жутко. Ей казалось, что ее вызываетъ на какую-то борьбу челоуѣкъ, обладающій вдвое большими силами, чѣмъ ея силы. Ей хотѣлось бѣжать отъ этого челоуѣка, бѣжать далеко и навсегда. Михаилъ Александровичъ еще

пѣль, когда она встала и тихо прошла въ кабинетъ графини.

— Я уѣзжаю, — проговорила она въ смущеніи.

Графиня взглянула на мое ласковымъ взглядомъ и удивилась блѣдности ея лица.

— Вы больны, дитя? — спросила она.

— Нѣтъ, но мнѣ нужно побывать дома, — отвѣтила Баскакова. — Съ дѣтьми заняться нужно...

— Но вѣдь вы всегда даете имъ каникулы въ эту пору вмѣсто лѣта, когда они учатся съ Борисоглѣбскимъ? — возразила удивленная графиня.

Лизавета Николаевна смутилась.

— Нынче надо заняться... Да, сверхъ того, мнѣ хотѣлось бы взглянуть на своихъ.

— А, да, это естественно... Съѣздите. Но я беру съ васъ слово, что вы дня черезъ два вернетесь... Теперь у насъ такъ хорошо...

Графиня поцѣловала Лизавету Николаевну и позвонила.

— Лизавета Николаевна ѣдетъ долой, заложите экипажъ, — проговорила она лакею.

Тотъ молча поклонился и вышелъ почти

въ одно время съ молодою дѣвушкою. Графиня снова принялась за письма...

Михаиль Александровичъ просидѣлъ довольно долго въ гостиной, потомъ походилъ по комнатѣ и, наконецъ, не дождавшись возвращенія Лизы, пошелъ въ свой кабинетъ. Его лицо было какъ-то самодовольно, въ головѣ мелькала мысль, что Лиза удивительно мила, и что его слова произвели на нее впечатлѣннѣе. Проходя мимо одного изъ слугъ, онъ небрежно спросилъ:

— Лизавета Николаевна у графини?

— Никакъ нѣтъ-съ. Изволили домой уѣхать, — отвѣтилъ лакей.

Михаиль Александровичъ съ недоумѣннѣемъ посмотрѣлъ на лакея, постоялъ передъ нимъ съ минуту, потомъ быстро пошелъ въ свой кабинетъ, вѣроятно, что-нибудь сообразивъ. Онъ былъ въ самомъ веселомъ настроеннѣи духа.

— Бѣгутъ — значитъ боятся; боятся — значитъ есть причины для страха, — рассуждалъ онъ мысленно. — А вѣдь, право, это первая дѣвушка, которая можетъ серьезно увлечь меня. Чортъ знаетъ, какая смѣлость, какая ис-

кренность въ каждомъ ея движеніи!

Черезъ полчаса, попробовавъ полежать и почитать, онъ взялъ фуражку и отправился на постоянный дворъ къ Марьѣ Мироновой.

Лиза, между тѣмъ, пріѣхала домой.

— Ну, мало мелюзги, такъ на! еще и большая нахлѣбница пріѣхала, — встрѣтила Лизавету Николаевну ея мать. — Мѣста, что ли, не достало для тебя у графини-то? Ты бы хоть одно то подумала, что мнѣ теперь одинъ отецъ твой всю жизнь отравить... У меня постройка, у меня дѣти, а тутъ еще этотъ пьяница глаза мозолилъ!..

— Отецъ дома, — обрадовалась Лиза.

— Дома! Чему радуешься! — раздражительно замѣтила мать. — Обтрепался, по гостямъ шляясь; домой откармливаться пріѣхалъ...

Лизавета Николаевна молча прошла въ дѣтскую, гдѣ обыкновенно помѣщался ея отецъ во время своего пребыванія дома. Онъ былъ, дѣйствительно, какъ-то помятъ, попрержнему плоско шутилъ, тянулъ по рюмочкѣ водку, носился съ дѣтьми, забавляя ихъ нелѣпыми играми, и жаловался на жену.

Этотъ разоренный домъ, грязь, хламъ, обрванныя и грязныя дѣти, отецъ въ шутовской роли, мать, съ вѣчною бранью на языкѣ вдругь обдали, какъ холодною водою, Лизавету Николаевну, послѣ блеска и мира въ привольскомъ дворцѣ. Кажется, она была готова въ омутъ броситься, такъ ей опостылѣть этотъ домашній адъ.

— Ну, а что Михаилъ Александровичъ подѣлываетъ? Здоровъ ли? — спрашивала у нея мать за вечернимъ чаемъ.

— Что ему дѣлается! — серьезно проговорила дочь.

— Фыркаешь-то ты съ чего? А? — спросила мать.

Лизавета Николаевна промолчала.

— Вы ужъ не съ нимъ ли повздорили, барышня? — съ укоризною и насмѣшливостью замѣтила мать.

— Изъ-за чего мнѣ съ нимъ ссориться?

— Да кто васъ знаетъ! Всѣ вы у меня какіе-то шальные, да верченые, — проговорила Дарья Власевна, указывая на ребятъ. — А ты помни, что тебѣ восемнадцать стукнуло, что ты у меня седьмая, а достатковъ у насъ нѣтъ.

Просидишь въ дѣвкахъ, — подѣ старость по-
мѣру нашляешься, гдѣ-нибудь на дорогѣ съ го-
лоду издохнешь. Братья тебѣ не кормильцы,
сами угодятъ на каторгу.

Лизавета Николаевна нахмурилась.

— Полноте вы глупости-то говорить. — ска-
зала она. — Ну, можетъ ли онъ на мнѣ же-
ниться?.. Коли и полюбитъ, такъ поиграетъ,
обманетъ и броситъ.

— Ну, матушка, за обманы-то и къ суду
притягиваютъ!

Лиза съ негодованіемъ отвернулась въ сто-
рону и промолчала.

Черезъ три дня графиня пристала за ней
экипажъ. Не минуты не думая, молодая
дѣвушка написала къ Серпуховской письмо,
гдѣ отговаривалась отъ поѣздки въ Приволье
неожиданнымъ прїѣздомъ своего отца.

— Да ты съ ума сошла, что ли? — кричала
мать — Да ты какъ смѣла не поѣхать, когда
тебя благодѣтельница наша зоветъ?

— Не поѣхала, значитъ, надо не ѣхать, —
отрывисто отвѣтила Лиза.

— Ну, матушка, я терплю-терплю, да ко-
гда-нибудь и лопнетъ терпѣніе. Вы всѣ отъ

рукъ отбились, такъ я васъ опять къ рукамъ приберу!

Раздраженная дочерью, Дарья Власьевна бушевала весь день и поколотила одну изъ служанокъ. Та убѣжала съ жалобой на барыню.

— Ну, опять дѣло затѣялось! Раскошелится наша Дарья Власьевна, — хохоталъ Николай Николаевичъ. — Ишь, руки-то старья, помѣщичья остались и удержу имъ нѣтъ.

Лиза сердито насупила брови.

— Чего ты радуешься? — проговорила она. — Удержать ее не можешь.

— Мамочка, да я самъ радъ, что меня не бьютъ, — жалобно отвѣтилъ отецъ. — Мнѣ самому скоро мѣста не будетъ, Дома, что въ аду, а бѣжать некуда. Куда ни прїѣдешь, вездѣ косятся, всѣ дуются, со всѣми мать въ ссорѣ... Да ты-то что у меня нынче такая скучная?

— Тебѣ-то что до моего горя? — спросила строптивымъ топомъ дочь. — Поможешь ты мнѣ? Научишь ты меня чему-нибудь?.. Само-го-то тебя только безрукій не бьетъ...

— Маточка, и ты-то меня обижаешь! — со вздохомъ произнесъ отецъ, успѣвшій пропу-

ститъ лишнюю чарку водки.

Онъ нагнулся и поцѣловаль руку дочери.

Дочь отвернулась въ сторону. Ей было жаль отца и въ то же время ей было гадко, ее сердило его безсиліе... Dla нея прошла еще недѣля, тяжелая, полная домашнихъ дрызгъ и непріятностей. Послѣ каждой изъ грязныхъ сценъ семейнаго раздора Лиза хмурилась и невольно приходило ей въ голову:

— Да зачѣмъ я здѣсь живу, зачѣмъ терплю эту муку? Гостила бы у графини, такъ, по крайней мѣрѣ, хоть не видала бы, что за жизнь идетъ дома, сердце бы не болѣло. Такъ нѣтъ, Михаила Александровича испугалась! И чего было бояться его? Ну, любить онъ меня, такъ была бы и сама счастлива, и его осчастливила бы. Повеселѣлъ бы онъ со мною. Недаромъ у меня характеръ веселый, да живой. «Вашего смѣха на двоихъ станетъ», говаривала мнѣ Маша... Да, станетъ!.. А если онъ обманулъ бы? Ну, такъ что жъ? Хоть день пожила бы счастливо, хоть разъ пожила бы на волю; а бросилъ бы, такъ хуже не стало бы, чѣмъ теперь... Да если бы и хуже стало; ну, руки бы на себя наложила. Терпѣть бы не ста-

ла... Недаромъ же мать меня верченою, дашальною зоветъ!.. Вотъ вѣдь домовыхъ не боюсь, въ лѣсъ одна хожу, разъ побилась объ закладъ съ Машей, что по кладбищу ночью пройду, и прошла, а человѣка испугалась!

Не давали покою Лизѣ эти мысли, но она настойчиво гнала ихъ прочь, не сознавая, почему она ихъ гонить. Однажды ей было очень тяжело, когда неожиданно къ ихъ дому подѣхалъ кабриолетъ Михаила Александровича.

Хозяйка, по обыкновенію, засуетилась передъ гостемъ и поспѣшила сказать:

— Извините, мнѣ по хозяйству надо! Вы ужъ съ Лизой переговорите!

Задонскій молча поклонился. Дарья Васильевна скрылась, думая про себя: «Они побрались, они помирятся. Оно лучше, послѣ ссоры-то милѣе другъ другу будутъ!»

— Извините меня, Лизавета Николаевна, — начать вѣжливымъ топомъ гость, державшій себя какъ-то сдержанно и холодно:— вы уѣхали отъ насъ вслѣдствіе неосторожныхъ фразъ съ моей стороны. Я поступилъ опрометчиво. Я самъ очень хорошо знаю,

что мнѣ не слѣдуетъ искать вашего участія, вашего сочувствія. Я для этого слишкомъ изломанъ, слишкомъ испорченъ жизнью.

Лизавета Николаевна, дослушавъ эти жалостныя, чопорно произнесенныя фразы, подняла на Михаила Александровича свои большіе, откровенные глаза: они были полны слезъ и словно молили о пощадѣ. Михаилъ Александровичъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого скорбнаго выраженія лица своей собесѣдницы.

— Что же вамъ надо отъ меня? — спросила она такимъ спокойнымъ тономъ, который былъ какъ-то потрясающимъ своею безнадежностью.

— Я пріѣхалъ по порученію тетушки, она проситъ васъ, къ себѣ, — холодно и вѣжливо отвѣтилъ Задонскій.

— Я сейчасъ напишу ей нѣсколько словъ.

Лизавета Николаевна вошла къ себѣ въ комнату и сѣла писать письмо. Еи руки дрожали. На бумагу падали рѣдкія, крупныя слезы. Лизаветѣ Николаевнѣ казалось, что стоитъ сдѣлать еще одно усиліе, написать еще нѣсколько словъ — и побѣда надъ собою бу-

детъ окончена. И въ то же время въ головѣ дѣвушки невольно возникали смутные вопросы: «Да для чего эта борьба? Кто выиграетъ отъ этой побѣды? Не будетъ ли жизнь еще тяжелѣе?». Письмо писалось медленно...

— Ну, что же ты копаешься? Долго ли тебя ждать-то будутъ? — крикнула мать, входя въ ея комнату и дергая ее за рукавъ.

— Сейчасъ, только письмо допишу, — отвѣчала дочь, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.

Ея думы мгновенно разсѣялись, и ей сразу вспомнился весь отвратительный семейный бытъ въ родномъ домѣ.

— Къ кому это? — спросила мать про письмо.

— Къ графинѣ...

— Да ты не думаешь ли опять не ъхать?

— Да, не ъду...

— Что-о! Да какъ ты смѣешь? Да ты знаешь ли, что я тебя веревками стащу туда!

Въ комнатѣ поднялась буря.

Лиза, блѣдная, гнѣвная, поднялась во весь ростъ и остановилась передъ Дарьей Власьевной. Она злобно скомкала письмо и швырнула его въ лицо матери.

— Вотъ такъ, можетъ-быть, меня скомкаютъ!.. Я этого не хотѣла, вы настаивали... Я хоть минуту, да буду счастлива, а вы весь вѣкъ плакаться будете, — задыхаясь, проговорила она и, оттолкнувъ мать, съ бойкимъ и рѣшительнымъ видомъ вышла изъ комнаты...

Черезъ минуту, по дорогѣ къ Приволью, неся щегольской кабриолетъ; въ немъ сидѣли Михаилъ Александровичъ и Лизавета Николаевна. Навстрѣчу имъ попался управляющій графини на бѣговыхъ дрожкахъ и пристально посмотрѣлъ на весело разговаривавшихъ молодыхъ людей.

— Вотъ пойдетъ рассказывать своимъ ангельчикамъ, что я ѣзжу съ вами одна, — разсмѣялась Лиза.

— Это васъ смущаетъ? — спросилъ Михаилъ Александровичъ довольно холодно.

— Я теперь ничего не боюсь! — бойко отвѣтила она — Да и чего бояться? Вѣдь всѣ не лучше насъ! Они про насъ говорить станутъ, а мы про нихъ, — засмѣялась она.

Михаилъ Александровичъ зорко посмотрѣлъ на свою разгорѣвшуюся спутни-

цу, и въ его головѣ промелькнула мысль, что эта дѣвушка принадлежитъ теперь ему всецѣло...

IV

Задонскій не ошибся въ своихъ расчетахъ: молодая дѣвушка отдалась ему всецѣло.

Да какъ можно было и ошибиться-то? На дворѣ стоитъ теплая, чудесная весна. Рѣка изломала послѣдніе остатки своихъ ледяныхъ оковъ и широко и свободно разлилась, какъ море, по окрестнымъ полямъ, сверкая своими волнами подъ яркими лучами солнца въ знойные дни и подъ кроткимъ свѣтомъ луны въ бѣлыя, прозрачныя ночи. Въ лѣсу и въ саду слышится оживленный и веселый шумъ; изрѣдка гдѣ-то соловей начинаетъ пощелкивать. Народъ въ движеніи, выползъ изъ своихъ воръ и трущобъ; на берегу и въ поляхъ закипаетъ работа; вездѣ голоса слышатся тревожные, и звуки какъ-то рѣзко несутся въ чистомъ воздухѣ. Жизнь и дѣятельность разлиты повсюду; этотъ шумъ словно опьяняетъ человѣка, не нашедшаго себѣ ни опредѣленнаго труда, ни опредѣленной цѣли, не знающаго, гдѣ ему искать счастья. А молодая кровь кипитъ и принуждаетъ броситься на какой-нибудь путь тревожной жизни; если

нѣтъ впереди никакихъ, болѣе широкихъ и смѣлыхъ, задачъ, если нѣтъ въ будущемъ иного идеала счастья, молодость просить хотя личной любви, наслажденія вдвоемъ, А тутъ, подъ ухомъ нѣжныя, вкрадчивыя рѣчи слышатся; вспоминается безъ любви, безъ покоя проведенное прошлое; настойчиво отгоняются всѣ опасенія за будущее; является безшабашная отвага, и человѣкъ ловить мгновенные страстнаго порыва. Лизавета Николаевна находилась именно въ этомъ положеніи. Ее давила и возмущала домашняя грязная жизнь, гдѣ сердце не находило ни ласки, ни покоя и вѣчно ныло и болѣло отъ брани и возмутительныхъ сценъ. Молодая дѣвушка чувствовала потребность вырваться изъ этого омута, но не знала, куда и зачѣмъ. У нея не было составлено никакого идеала лучшей жизни, хотя ее и давила та жизнь, которую вела она. Трудъ самъ по себѣ не манилъ ее, да она и не знала, за что бы могла она приняться. Первые горячія слова страстной любви, сказанныя ей, первая возможность спасти отъ отчаянья, отъ гнетущихъ мыслей, отъ пороковъ одного изъ ближнихъ, возможность,

пробудившая въ головѣ молодой дѣвушки радужныя грѣзы, вдругъ открыли ей какой-то еще смутный, но привлекательный міръ счастья. Съ инстинктивной дѣвической боязнью она то вѣрила, то не вѣрила снова этимъ словамъ и грѣзамъ, и съ невольнымъ трепетомъ сознавала, что она заходитъ все дальше и дальше по этому пути. Иногда ей хотѣлось бѣжать, но куда и зачѣмъ? — домой, на прежнюю муку?.. Не та ли же это гибель? Искать счастья на другомъ пути? Но кто объяснить ей, что это за счастье, къ которому инстинктивно стремится человѣчество, и гдѣ путь къ этому таинственному счастью?..

— Не обманите меня! — говорила она Задонскому, когда онъ рисовалъ передъ ней картины ихъ будущей свѣтлой жизни и эти слова звучали мучительной боязнью.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца продолжалось полное счастье Лизы. Она съ непонятной удаляю, съ полнымъ самозабвеніемъ пошла по новому пути, разъ повѣривъ Михаилу Александровичу. «Хоть день, да мой!» думалось ей, и мысли о будущемъ упорно отгонялись прочь. Она — то рѣзвилась, какъ пригрѣтый

солнцемъ котенокъ; то вдругъ дѣлалась серьезной, говорила, что Михаилъ Александровичъ долженъ служить, долженъ работать, что она составитъ его счастье въ часы его отдыха отъ трудовъ; то внезапно для нея наступали минуты раздумья, и она съ болѣзненной ироніей говорила Задонскому, что она знаетъ, какъ скоро онъ ее забудетъ и броситъ, но что ей все равно, что и безъ того пришлось бы погибнуть дома, что она сумѣетъ и умереть. Иногда она при людяхъ прикидывалась холодной, даже подтрунивала надъ Михаиломъ Александровичемъ и относилась къ нему чуть не съ пренебреженіемъ, иногда ей приходила въ голову мысль гулять и кататься съ нимъ вдвоемъ по берегу рѣки, гдѣ сновалъ народъ, гдѣ всѣ обращали на нее вниманіе, и она хохотала и говорила: «Пусть смотрятъ!» Это было что-то лихорадочное, что-то ненормальное.

— Ты нездорова? — говорилъ ей Задонскій.

— Что-жъ, этого надо было ожидать! — отвѣчала она, и вдругъ ея веселость иропала, она со страхомъ и трепетомъ заглядывала въ неотразимо приближавшееся будущее.

А потомъ опять встряхнетъ бойкой головкой и смѣло глядитъ на Задонскаго.

— Ну, что будетъ, то будетъ! — говоритъ она. — Только ты не бросай меня.

Михаиль Александровичъ если не былъ дѣтски счастливъ, то былъ доволенъ новымъ развлеченіемъ. Въ первое время онъ даже забылъ начатую имъ интрижку на постояломъ дворѣ и очень серьезно смотрѣлъ на свои отношенія къ Лизаветѣ Николаевнѣ. Но чѣмъ болѣе проходило дней, чѣмъ чаще волновалась Лизавета Николаевна за неотразимое «будущее», тѣмъ тревожнѣе сталъ смотрѣть на своя отношенія къ ней, тѣмъ чаще сталъ уходить на постоялый дворъ Задонскій. «Забиться хочется!» думалось ему. «Не умѣю я разъяснить это дѣло теткѣ, а надо. Не губить же эту дѣвушку! Это будетъ подло! Да и для чего? Я ее люблю, я могу быть счастливымъ съ нею. Отъ нея свѣжестью вѣетъ, это не то, что наши пансіонерки, пріучившіяся въ платоническому разврату даже въ пансіонѣ. Одинъ ея поцѣлуй говоритъ, что она любитъ впервые, что она даже не играла въ любовь съ какой-нибудь сентиментальной подругой.

Но что тетка скажетъ? Чортъ возьми, не могъ всего обдумать и приготовить прежде. Поиграть съ огнемъ вздумалъ. Это вѣдь не одна изъ петербургскихъ барышень, тамъ только глазки сдѣлать, а онѣ тебѣ сейчасъ: „Ахъ, спросите у маменьки, можетъ-быть, она отдастъ вамъ мою руку!“ Все законнымъ бракомъ хотятъ насладиться. Но съ теткой, съ теткой-то какъ объяснить?»

Дѣйствительно, вопросъ былъ важный: что скажетъ тетка? Графиня, какъ мы сказали, не любила сплетенъ, не любила указаній и наставленій; она знала свою проницательность, свое умѣнье понять все, что дѣлается кругомъ нея, потому никто не смѣлъ указать ей на отношенія Лизаветы Николаевны и Задонскаго. Довольно долго она не замѣчала ничего, попрежнему удерживала Лизу въ своемъ дворцѣ, иногда поручая ей вечеромъ почитать вслухъ какую-нибудь нравственную книгу, иногда приглашая ее съ собою показаться, и забавлялась ея болтовнею. Но нѣсколько фразъ въ родѣ того, что «Михаилъ Александровичъ вспомнилъ старину и все съ Лизаветой Николаевной гуляетъ», что «Лиза-

вета Николаевна удивительно развилась и бойка сдѣлалась въ послѣднее время», фразъ, сказанныхъ мелькомъ, невзначай, съ выраженіемъ отеческой любви къ молодымъ людямъ, заставили дальновидную графиню посерьознѣе взглянуть на дѣло и предупредить заранѣе племянника, чтобы онъ не увлекся.

— Мишель, тебѣ, дѣйствительно, недурно бы съѣздить за границу, ты засидишься здѣсь въ глуши, — говорила однажды тетка Задонскому, зашедшему къ ней въ кабинетъ.

— Мнѣ здѣсь не скучно, — возразилъ Михаилъ Александровичъ.

— Ну, скучно-то — скучно. Я сама соскучилась бы здѣсь безъ дѣла... Но твои обстоятельства, кажется, немного разстроены? Можетъ-быть, это причина...

— Да, мои денежныя средства находятся не въ блестящемъ положеніи.

Графини вздохнула.

— Ты весь въ мать и дядю Алексѣя... Я ихъ не обвиняю... Теперъ поздно обвинять ихъ; мы можемъ только молиться за прощеніе ихъ ошибокъ... Но я не могу не замѣтить, что

они также запутали безъ всякаго смысла свои дѣла... И до чего ихъ довели стѣсненныя обстоятельства?.. Не сыну стану я напоминать, какъ кончила свою жизнь его мать, — но возьмемъ дядю Алексѣя. Онъ домоталъ въ Парижѣ послѣднія деньги, чуть не попалъ за долги въ тюрьму; долженъ былъ прибѣгнуть къ милостынѣ — да, иначе я не могу назвать сбора, сдѣланнаго въ его пользу русскими, проживавшими въ Парижѣ, — потомъ онъ скитался по свѣту съ какой-то женщиной. Что это было — я не знаю; но, во всякомъ случаѣ, это было даже и не увлеченіе, а что-то позорное: онъ былъ безъ денегъ, она была стара. Я знаю, какъ страшно было его положеніе, какъ его грызла тоска, какъ ему хотѣлось выпутаться изъ опутавшихъ его сѣтей... И гдѣ онъ нашелъ спасеніе? Іезуиты, видя его умъ, его знанія, его ловкость, вырвали его душу изъ одной пропасти, чтобы погрузить его въ еще болѣе страшную бездну. Они обѣщали ему много и здѣсь, и въ будущемъ; онъ давно мучительно рвался къ чему-нибудь новому, хотѣлъ сразу покончить со всѣмъ прошлымъ, и вотъ онъ сталъ католикомъ, іезуитомъ, вра-

гомъ нашей церкви, нашей родины...

Графиня замолчала въ скорбномъ раздумьи о судьбѣ брата Алексѣя, наклонивъ голову на руки. Черезъ минуту она заговорила снова:

— Да, человѣку нуженъ трудъ, нужна серьезная дѣятельность на пользу ближнихъ... Деньги должны быть только средствомъ къ этой дѣятельности... Иначе онѣ одно изъ самыхъ страшныхъ золь... Нельзя вѣрнѣе погубить человѣка, какъ сдѣлавъ его богатымъ и не приучить къ труду... Въ этомъ наказаніе богачей. За временныя блага они продали свою душу... Боже мой, какъ всѣ эти истины вѣрно и давно высказаны въ святомъ писаніи и какъ мало обращаютъ на нихъ вниманія эти умные безумцы — люди! — графиня снова задумалась о священномъ писаніи и о людяхъ. — Надо намъ будетъ выбрать свободное время и обсудить вопросъ о твоёмъ будущемъ, — продолжала она черезъ минуту. — Кстати, ты слышалъ, мнѣ совѣтуютъ ѣхать на зиму въ Ниццу, или, во крайней мѣрѣ, въ Швейцарію?

— Да, — отвѣтилъ Задонскій, почтительно

слушая тетку.

— Я не поѣхала бы. Ты знаешь, какъ я люблю нашу святую Москву, наше мирное Приволье, нашъ бѣдный, добрый народъ. Но, Боже мой, наша зима такъ убійственно дѣйствуетъ на меня, и докторъ опасается, что я не легко перенесу ее и, можетъ-быть, окончательно убью себя, если не подкрѣплюсь нынче за границей.

Графиня нахмурила брови и помолчала.

— Если бы а знала навѣрное, что все обойдется безъ серьезныхъ послѣдствій, что опасность не большая, то, конечно, я не поѣхала бы. Но вѣдь можетъ случиться, что и дѣйствительно эта зима убьетъ меня. Что-жъ, это будетъ просто самоубійство, если я откажусь предупредить опасность во-время и умру... Грѣхъ не заботиться о ближнихъ, но грѣхъ забывать и свою жизнь, играть съ нею... Тѣмъ болѣе мнѣ нужно дорожить собою, что я надѣюсь еще принести посильную пользу ближнимъ...

Эти смиренные, христіанскіе взгляды на свою жизнь, посвященную служенію ближнимъ, уже три раза принуждали несчастную

женщину рѣшались на дорогостоящія поѣздки за границу. При ея любви къ родинѣ, это было, дѣйствительно, тяжело для нея, и не вознаграждало ее даже то положеніе, въ которомъ она стояла за границей въ средѣ русскихъ «ниццардовъ». Тамъ она пользовалась почетомъ, какъ самая богатая, умнѣйшая и нравственнѣйшая русская женщина; около нея собирался кружокъ отставныхъ знаменитостей, хлопотавшихъ о постройкѣ за границею русскихъ церквей; руссофиловъ, толковавшихъ о народности, замышлявшихъ подавить въ Россіи западничество, составлявшихъ планы различныхъ миссіонерскихъ обществъ для борьбы съ католическими миссіонерами. Графиня становилась во главѣ ихъ, дѣлала сборы въ пользу промотавшихся за границей личностей, давала этимъ личностямъ высоконравственныя наставленія, даже устраивала русскія литературныя чтенія, на которыхъ, собравъ съ посѣтителей десяти- и двадцати-франковыя монеты, могла хозяйничать, какъ ей угодно, и говорить при всемъ обществѣ которому-нибудь изъ чтецовъ: «Ну, довольно, довольно, вы устали. Мы будемъ

вамъ благодарны, если вы намъ прочтете теперь одно изъ ненапечатанныхъ стихотвореній графа Тугоуховскаго». Чтець прекращалъ начатое чтеніе и принимался за декламированіе ненапечатаннаго произведенія графа Тугоуховскаго — этого колкаго остряка былыхъ временъ, сердитаго за свою старость, порицателя всего молодого, грубаго обличителя современной Россіи, выражавшаго въ топорныхъ стихахъ, поддѣлываясь подъ мужицкую рѣчь, идеи крайняго обскурантизма. Послѣ чтенія ненапечатаннаго произведенія графа Тугоуховскаго, графиня вставала, любезно благодарила чтеца и удалялась, а люди, заплатившіе за свои мѣста, съ почтеніемъ уступали ей дорогу, и потомъ, такъ какъ чтеніе болѣе не продолжалось, также расходились, можетъ-быть, жалѣя, что заплатили даромъ деньги... Впрочемъ, за эти деньги они имѣли счастье посидѣть въ одной комнатѣ съ графиней... Но даже этотъ почетъ и уваженіе, конечно, не могли вознаградить графиню за разлуку съ милой для нея родиною.

— Я додумаю, можетъ-быть, мы поѣдемъ

вмѣстѣ,- заговорила снова графиня, обращаясь жѣ племяннику. — Тебѣ тоже будетъ полезна эта поѣздка. Ты посмотришь на истинно-русскихъ людей, которымъ, при современномъ настроеніи нашего общества, не даютъ у насъ мѣста; ты серьезнѣе взглянешь на свои обязанности и, кромѣ того, разсѣешься... Да! кстати, я хотѣла тебѣ сказать насчетъ Лизы...

Задонскій весь превратился въ слухъ.

— Держи, пожалуйста, себя подальше отъ нея. Я знаю: васъ связываютъ воспоминанія дѣтства, вы все еще смотрите другъ на друга какъ дѣти, но она теперь въ такихъ лѣтахъ, что можетъ увлечься...

Михаиль Александровичъ закусилъ губу и, сдѣлавъ усиліе надъ собой, шутливо замѣтилъ:

— Что же тутъ страшнаго, если увлечется? Она и сама можетъ вызвать увлеченіе.

Графиня строго посмотрѣла на племянника.

— Такими вещами не шутятъ! Увлеченіе, любовь должны имѣть послѣдствіями женитьбу. А я надѣюсь, что ты понимаешь невозможность своего брака съ ней.

— Отчего же?

— Пожалуйста, оставимъ этотъ разговоръ, — серьезно произнесла тетка. — Ты знаешь, что есть предметы, о которыхъ я или не говорю совсѣмъ, или говорю съ благоговѣніемъ. Играть святыней я не привыкла и не умѣю.

Графиня стала раскладывать на столъ письменныя принадлежности и дружески кивнула головой племяннику.

— Извини, дружокъ, мнѣ надо написать нѣсколько писемъ, — ласково сказала она и занялась своей безконечной перепиской.

Михаиль Александровичъ понялъ, что оставаться въ кабинетъ тетки было невозможно и не зачѣмъ. Онъ вышелъ отъ нея въ смущеніи и тревогѣ. Передъ нимъ была двѣ дороги: пойдешь по одной — разсердишь тетку, останешься чуть не нищимъ, будешь принужденъ жениться на нищей и попадешь за долги въ долговое отдѣленіе; пойдешь по другой — угодишь теткѣ, заплатишь долги и вольный, какъ птица, обманувъ бѣдную дѣвушку, съ комфортомъ проживешь нѣсколько мѣсяцевъ среди блестящаго об-

щества за границей. Задонскій не могъ рѣшиться ни на то, ни на другое, а между тѣмъ выбрать третью дорогу было не только трудно, но почти невозможно. Впервые онъ началъ мысленно проклинать и свое знакомство съ Лизой, и свое увлеченіе ею. «А что тутъ станешь дѣлать съ своею натурою, если не можешь пройти мимо подобнаго цвѣтка?» съ досадою топнулъ онъ ногою.

Раздраженный, проѣхавшись верхомъ, онъ пришелъ въ комнату, гдѣ сидѣла Лиза за роялемъ, и въ разсѣянности не отвѣтилъ на ея вопросъ: гдѣ онъ былъ? Лиза удивилась этому молчанію и взглянула на Задонскаго; онъ угрюмо ходилъ по комнатѣ, съ досадою похлопывая себя хлыстомъ ко ногѣ.

— Что съ тобой? — спросила она.

— Ничего! — раздражительно отвѣтилъ Задонскій. — Тетка сдѣлала намекъ, что ей было бы непріятно, если бы мы сблизились другъ съ другомъ.

— Ну, и Богъ съ ней! вѣдь мы ее въ долю не примемъ, — засмѣялась Лизавета Николаевна.

— Ее не примемъ, но намъ нужно принять

въ долю ея деньги, — сердито проговорилъ Михаилъ Александровичъ.

— Э, Боже мой, мы и безъ нихъ проживемъ! Еще лучше будетъ...

— Да, дѣйствительно, лучше будетъ: ты здѣсь будешь у матери въ каторгѣ жить, а я буду въ столицѣ, въ долговомъ отдѣленіи сидѣть!

Лизавета Николаевна съ удивленіемъ обратилась лицомъ съ Задонскому, повернувъ свой стулъ спинкой къ роялю.

— Какъ такъ?.. Я тебя не понимаю...

— Да, вѣдь я долженъ, и много долженъ. Меня и изъ города выпустили только потому, что знали, какъ богата тетка...

— Я этого не знала...

— Мало ли ты чего не знала!

По лицу Лизы проскользнуло какое-то болѣзненное, тоскливое выраженіе.

— За что же ты на меня-то сердишься?.. Отъ этого легче не будетъ... Но какъ же ты бралъ въ долгъ, не имѣя средствъ отдать?

Михаилъ Александровичъ началъ снова нервно и злобно стегать себя хлыстомъ по ногѣ.

— Какъ это я сошелся съ тобой, не зная навѣрное, можно ли будетъ жениться? Какъ это ты отдалась мнѣ, зная, что мужчинѣ не слѣдуетъ отдаваться до свадьбы? — раздражительно говорилъ онъ съ насмѣшкой и упрекомъ въ голосъ.

— Что же это, упреки? — поднялась съ мѣста Лиза, вся блѣдная и строгая. — Я тебя не стѣсняю...

Она, едва переступая, пошла прочь. Ее до глубины души оскорбили эти необдуманная и нахальная слова. Она еще не знала, какъ обращаются люди съ своими любовницами и женами. Она показалась Задонскому въ эту минуту вдвое прекраснѣе, чѣмъ когда-нибудь. Онъ удержалъ ее.

— Полно, Лиза, что съ тобой! Я раздражился, а ты сейчасъ и бросаешь меня.

Михаилъ Александровичъ обнялъ за талію, плачущую дѣвушку.

— Полно! Вотъ ты, малютка, какая! Я говорилъ, что спасать и прощать труднѣе на дѣлѣ, чѣмъ въ мечтахъ... Ну, разбрани меня, отведи душу, и конецъ весь!

— Что толку-то? — тихо и грустно прошеп-

тала Лиза.

Задонскій продолжалъ утѣшать ее. Мало-по-малу она немного поуспокоилась, и на ея лицѣ опять появился румянецъ и заиграла полугрустная улыбка. Лиза, попрежнему, начала строить различные планы насчетъ будущаго.

— Ты говоришь, что намъ безъ помощи тетки нельзя, жить, — разсуждала она. — Но развѣ мы оба не молоды, не имѣемъ силъ? Ты еще служить можешь, я буду работать. Правда, мы будемъ бѣдны, мы будемъ тяжело пробивать свой путь, но зато, какъ сладко будетъ намъ сознавать, что мы пробили его сами, не кланяясь никому, не нуждаясь ни въ комъ.

— Дитя, дитя, мечты-то какія у тебя свѣтлыя! — ласкалъ ее Задонскій, какъ ребенка. — Только какъ это мы долги-то заплатимъ изъ своихъ трудовыхъ денегъ? Тутъ вѣдь тысячи отдать надо. И какую это работу возьметъ моя крошка? И что я могу дѣлать?

Лиза снова нахмурилась.

— Такъ ты думаешь, что и ты, и я, мы оба можемъ жить только на содержаніи у другихъ людей?

— Не на содержаніи, но, все-таки, на первое время намъ нужна посторонняя помощь.

— Ты также увѣренъ, что я не могу работать? — еще серьезнѣе допрашивала Лиза.

— Ну, конечно!.. Я знаю, что ты не привыкла къ труду, и не хочу дѣлать изъ тебя черно-рабочей...

— Значить, все, что я постоянно говорила о будущей нашей жизни, о твоёмъ честномъ трудѣ, о своей усиленной работѣ — ребячество?

— Мечты!

— Зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ этого раньше? Зачѣмъ соглашался со мной прежде?

— Дитя, я такъ люблю, когда ты мечтаешь...

— Мы вѣдь, кажется, не въ куклы играемъ! Лиза встала.

— Ты былъ правъ, говоря, что спасти людей трудно, — проговорила она. — Но, кажется, это не потому трудно, что у спасителей нѣтъ желанія помочь падшимъ, а потому, что падшіе не хотятъ сдѣлать ни одной попытки къ своему спасенію... Если ты будешь сидѣть на мѣстѣ, и все, что я предлагаю попробовать,

будешь называть ребяческими мечтами, то, конечно, тутъ и толковать не о чемъ.

— Ты опять разсердилась! — сказала Задонскій.

— За что мнѣ сердиться? Мнѣ, просто, грустно, — проговорила Лиза. — Ты называешь ребяческими мои планы, но ты самъ не пробуешь составить болѣе зрѣлыхъ...

— Ошибаешься! Я надѣюсь, что тетка поможетъ мнѣ выпутаться изъ долговъ и дастъ мнѣ средства прожить первое время... Ну, а потомъ подумаю я о службѣ и о трудѣ, конечно, не о твоёмъ; ты-то не можешь и не должна трудиться...

— Я за себя, вѣдь, и не прошу думать, — вскользь замѣтила Лиза. — Буду въ Петербургъ, найду работу.

— Ну, не такъ-то скоро это дѣлается!

— Ахъ, оставь, пожалуйста, эти злыя прощечества! — строптиво произнесла Лиза. — Спасай только себя, а я или спасусь, или погибну, но, все-таки, о помощи не попрошу...

Она выглядѣла совсѣмъ серьезно. Ея лицо было очень энергично, и только въ стиснутыхъ губахъ было еще замѣтно что-то

болѣзненное. Задонскій снова хотѣлъ обнять ея талію, она тихо высвободилась изъ его рукъ и пошла изъ комнаты.

— Ты сердишься! — упрекнулъ онъ ее.

— Неужели ты не понимаешь, что есть минуты, когда человѣкъ можетъ не сердиться, и, все-таки, ему совсѣмъ не до обниманій? — отвѣтила она на ходу и быстро вышла вонъ.

Вечеромъ въ этотъ же день и на слѣдующій день утромъ она была, повидимому, спокойна, хотя и не такъ оживлена, какъ во всѣ другіе дни. На нее очень сильно подѣйствовало вчерашняя сцена. До сихъ поръ Задонскій соглашался со всѣми планами Лизаветы Николаевны, какъ взрослые соглашаются съ дѣтскими фантазіями изъ желанія не заставлять дѣтей капризничать; теперь Михаилъ Александровичъ невольно открылъ молодой дѣвушкѣ свой настоящій взглядъ на дѣло, и этотъ взглядъ непріятно встревожилъ ее. Впервые ей показалось, что онъ смотритъ на нее, сакъ на игрушку, что онъ дастъ ей роль своей спасительницы, какъ взрослые въ шутиливой борьбѣ съ ребенкомъ поддаются ему и признаютъ его своимъ побѣдителемъ.

Эта роль пробуждала въ молодой дѣвушкѣ не боль, но страхъ за свое будущее. Задонскій счель необходимымъ, при первомъ удобномъ случаѣ, еще разъ извиниться передъ нею. Она грустно улыбнулась.

— Что это ты, милый, извиняешься, какъ школьникъ! — говорила она. — Я и не думаю сердиться. Меня, просто, серьезныя мысли осаждаютъ... Справиться съ ними не могу сразу.

Вслѣдъ за этимъ Лиза поспѣшила переменить разговоръ и начала черезъ силу смѣяться и подтрунивать надъ управительскими «ангелочками».

А управительскіе «ангелочки», эти наивныя и невинныя пансіонерки, уже давно все сильнѣе и сильнѣе косились на Лизу и какъ-то ухитрялись мгновенно вспыхивать краской стыдливости при встрѣчахъ съ нею. Онѣ старались уходить изъ дома графини тотчасъ послѣ обѣда, чтобы «не мѣшать Лизаветѣ Николаевнѣ и Михаилу Александровичу». Онѣ вскрикивали «ахъ!» при встрѣчѣ съ влюбленной парой въ саду и старались избѣгать этихъ встрѣчъ, холя злая судьба, по-

стоянно искушающая невинныхъ младенцевъ и праведниковъ, дѣлала именно такъ, что «ангелочки» вездѣ и всюду налалкиванись на падшую дѣвушку и ея друга... А онѣ такъ боялись этихъ встрѣчъ! Но что вы подѣлаете противъ судьбы?.. На другой или на третій день послѣ непріятнаго объясненія двухъ молодыхъ людей, «ангелочки» хотѣли, по обыкновенію, уйти послѣ обѣда съ грустными и очаровательно-стыдливými лицами, но Задонскій, боявшійся остаться въ этотъ день съ-глазу-на-глазь съ Лизой, замѣтилъ имъ.

— Вы, вѣрно, какой-нибудь подарокъ папашѣ вышиваете, что постоянно такъ сильно спѣшите домой?

Ангелочки покраснѣли и засмѣялись.

— Нѣтъ... право, мы ничего не вышиваемъ... но...

Барышни конфузились все болѣе и болѣе. Задонскій въ душѣ хохоталъ надъ ними и даже подумалъ: «а вѣдь вы преразвращенныя дѣвчонки!»

— Что же это за но? — допрашивалъ онъ.

— Мы здѣсь лишнія! — потупили онѣ глаза и зардѣлись до самыхъ ушей.

— Вы — лишнія? — съ комическимъ ужасомъ воскликнулъ Задонскій. — Помилуйте, мнѣ всегда такъ грустно, что вы пролетаете и скрываетесь, какъ весеннія бабочки.

Барышни еще болѣе смутилось.

— Да., вамъ... но... — снова залепетали онѣ.

— Опять но! Боже мой, сколько у васъ этихъ но? — смѣялся Задонскій.

— Но, можетъ-быть, Лизаветѣ Николаевнѣ будетъ непріятно, если мы станемъ оставаться здѣсь, — застѣнчиво прошептали невинныя простушки.

— Помилуйте, я увѣренъ, что Лизавета Николаевна будетъ очень рада вашему присутствію здѣсь, — проговорилъ Задонскій. — Неправда ли, Лизавета Николаевна? — обратился онъ къ Лизѣ.

Она сидѣла у рояля и, нахмутивъ брови, разсматривала какія-то ноты. Это шутовство было ей непріятно. Казалось, она ожидала, что дѣло не кончатся добромъ. При вопросѣ Задонскаго она какъ-то горько улыбнулась и неожиданно подняла свою голову, такъ что ея ясные и еще спокойные глаза прямо устремились на смущенныя лица двухъ невинныхъ

дѣвицѣ. Въ теченіе минуты Лиза не произносила ни слова. Ей было почему-то отрадно насладиться смущеніемъ невинныхъ «ангелочковъ», постаравшихся тонко намекнуть грѣшницѣ, что она грѣшница, и этимъ намекомъ уколоть ее.

— Почему же вы думаете, что мнѣ непріятно ваше присутствіе? — спокойно спросила она черезъ минуту, и по ея губамъ скользнула презрительная усмѣшка.

Повинныя созданія потупили глазки и съежились.

— Можотъ-быть, мы мѣшаемъ, — начали онѣ.

— Чему? — спросила Лиза, настойчиво преслѣдуя ихъ насмѣшливымъ взглядомъ.

Въ этомъ взглядѣ уже сверкалъ едва замѣтный огонекъ злорадства. Казалось, что эта грѣшница хотѣла показать «ангелочкамъ», что онѣ совсѣмъ не такъ безгрѣшны въ душѣ, какъ выглядятъ.

— Ахъ, Боже мой!.. Просто мѣшаемъ вамъ говорить съ Михаиломъ Александровичемъ, — отвѣтили барышни.

— А развѣ вамъ мѣшаютъ посторонніе лю-

ди говорить съ мужчинами? — допрашивала Лиза, заставляя невинность высказывать грѣшныя помыслы.

— Нѣтъ! намъ! — обидчиво произнесли наивныя дѣвицы. — Намъ никто не мѣшаетъ...

— Почему же вы думаете, что мнѣ могутъ мѣшать, если вамъ не мѣшаютъ посторонніе свидѣтели вашихъ разговоровъ съ мужчинами?.. Объясните, пожалуйста, это... Слышать подобное объясненіе очень любопытно, особенно отъ васъ.

Лиза продолжала преслѣдовать своими насмѣшливыми и уже совсѣмъ злыми глазами смущенныя лица барышень. Къ ея величайшему изумленію, онѣ вдругъ захныкали.

— Вы насъ оскорбляете!.. Мы... мы не позволимъ смѣяться надъ собой... Мы честныя дѣвушки! — заговорили онѣ прерывающимися голосами.

Лиза поднялась съ мѣста и быстро подошла къ нимъ.

— Вы жалкія, а не честныя дѣвушки! Если бы вы были честныя дѣвушки, то вы не подозрѣвали бы ни въ чемъ дурномъ другихъ

людей, ничѣмъ не заслужившихъ этого, — рѣзко проговорила она, сверкнувъ глазами, и вышла изъ комнаты.

Вся эта сцена произошла такъ неожиданно для всѣхъ дѣйствовавшихъ въ ней лицъ, что они не могли сразу опомниться.

Давно уже невинныя барышни хотѣли уколоть и оскорбить Лизу за ея «позорное для всѣхъ дѣвицъ» поведеніе; давно Лиза негодовала на нихъ за ихъ постоянное смущеніе, за ихъ постоянныя вскрикиванія при встрѣчахъ съ ней; но никто изъ нихъ даже и не подозрѣвалъ, что дѣло разыграется такъ неожиданно и такъ непріятно. Вообще большая часть рѣзкихъ стычекъ между людьми происходитъ не вслѣдствіе заранѣе подготовленныхъ и обдуманыхъ плановъ, а является случайно, въ пылу увлеченія. Иногда человеку приходится горько раскаяться за горячее слово, не приносящее никому пользы и надѣлавшее много вреда. Но слово, какъ птица, вылетитъ, не поймашь... Лизѣ оставалось только ожидать новыхъ сценъ за свою невольную смѣлость; барышнямъ оставалось только пожаловаться папашѣ на оскорбив-

шую ихъ негодницу. Отчасти, чтобы избѣжать возможныхъ объясненій съ графиней, которой управляющій могъ пожаловаться, отчасти, чтобы успокоиться отъ несвоевременныхъ ухаживаній Михаила Александровича, Лиза уѣхала въ Бабиновку.

Дома она застала одну изъ сосѣднихъ помѣщицъ, заѣхавшую къ нимъ случайно. Это удивило Лизу, такъ какъ къ нимъ рѣдко заѣзжали сосѣди, бывшіе въ ссорѣ съ ея матерью. Лиза видѣла въ этомъ посѣщеніи нѣчто особенное, нѣчто выходящее изъ ряду вонъ и имѣющее какія-нибудь болѣе серьезныя причины, чѣмъ простое желаніе повидаться съ сосѣдями. Разговоры между Дарьей Власьевной и ея гостьей шли очень незначительные и вообще не клеились. Наконецъ, гостья обратилась съ сладенькимъ лицомъ къ хозяйкѣ.

— А васъ можно поздравить, Дарья Власьевна? — спросила она вкрадчивымъ голосомъ.

— Съ чѣмъ, матушка, Марья Ивановна? — изумилась хозяйка.

Гостья-помѣщица замялась.

— Можетъ-быть, это нескромность... Мо-

жетъ-быть, это одни слухи, — начала она. — Вы, пожалуйста, не сердитесь за мой вопросъ!.. Я такъ люблю ваше семейство!.. Но я слышала, что наша милая Лизавета Николаевна замужъ выходитъ за племянника нашей графини.

— А-а! — произнесла Дарья Власьевна и постаралась сдѣлать равнодушное лицо. — Это слухи, слухи!.. Навѣрное еще ничего нельзя сказать... Правда, Михаилъ Александровичъ хорошій человекъ и, можетъ-быть, Лиза ему нравится, и къ семейству нашему онъ расположенъ... Но вѣдь десять разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь... Лиза у насъ еще молода!.. И я вѣдь мать! Мнѣ тяжело разставаться съ нею, мнѣ полюбоваться на нее хочется!.. Конечно, противъ судьбы со пойдешь, дочь при себѣ навѣкъ не оставишь...

Дарья Власьевна говорила очень гордо и серьезно. Лиза, отвернувъ голову къ окну, молча смотрѣла на дорогу.

— Дай Богъ, дай Богъ! — вздохнула гостя. — Только какъ на это графиня посмотритъ; вѣдь родъ-то ихъ...

— Ахъ, Владыко Небесный! — вспылила

хозяйка. — Да развѣ мы-то мѣщане, что ли? Что намъ въ роду-то ихъ? Наши отцы и дѣды тоже дворянами были и царю вѣрой и правдой служили! Да мой отецъ крестный самъ генераломъ былъ! Вотъ что!.. И къ тому же графиня такъ насъ любитъ; Лизу она и теперь за дочь считаетъ, ну, и мнѣ постоянно поклонъ, и то, и се, пято и десято пришлетъ... Не ѣзжу я къ ней, — такъ вѣдь я еще не достроилась, вѣдь я мать семерыхъ дѣтей, я не могу, какъ другія, по гостямъ рыскать, чужіе пороги обивать.

«Мотай себѣ на усъ, матушка, мотай себѣ на усъ», — мысленно произносила Дарья Васильевна.

Лиза не выдержала долѣе этого разговора и разомъ рѣшилась превратить толки. Она не знала, что съ подобными вопросами къ ея матери уже пріѣзжали чловѣкъ пять-шесть, и думала, что, зажавъ ротъ этой сплетницѣ, можно окончательно превратить и всѣ дальнѣйшіе толки.

— Михаилъ Александровичъ и не подумаетъ на мнѣ жениться, и я сама никогда не пошла бы за него замужъ, — рѣзко сказала она,

поднимаясь со стула. — Я попрошу васъ, — обратилась она прямо къ гостѣ: — говорить всѣмъ, что эти слухи ложь и что не хорошо и не честно мѣшаться въ чужія дѣла.

Лиза вышла изъ столовой.

— Да что же это она у васъ! Еще графиней не сдѣлалась, а съ благородными людьми, какъ съ холопьями обращается, — обозлилась гостя. — Ну, замужъ не идетъ, такъ еще хуже — любовницей слыветъ... Объ этомъ весь уѣздъ толкуетъ!.. Вѣдь я только изъ вѣжливости предупредить васъ намеками хотѣла. А вы и уши развѣсили, повѣрили, что когда-нибудь племянникъ графини можетъ жениться на вашей дочери!.. Да вы на себя, на свой домъ-то только взгляните!

Хозяйка и гостя сцѣпились, какъ двѣ дворовыя голодныя собаки, которымъ бросили кость. Лиза слышала половину всей этой грязной брани и трепетала всѣмъ тѣломъ. Для нея ясно стало, что она сдѣлалась сказкой, предметомъ пересудовъ и толковъ для всѣхъ окрестныхъ жителей.

— Что-жъ, за чѣмъ пошла, то и нашла! — горько усмѣхнулась она. — Цѣлый мѣсяцъ за-

то была счастлива.

Она задумалась объ этомъ счастьи; почему это даже и оно казалось ей теперь не счастье-мъ, а тяжелымъ, горячечнымъ бредомъ, опьянѣніемъ отъ горя.

— Нѣтъ, этого мнѣ мало, мнѣ чего-то друго-го нужно, — шептала она и скорбно опустила голову на руки.

Въ этомъ забытїи она просидѣла до поздней ночи. Богъ знаетъ, что она думала, что придумала.

Невинныя управительскія барышни, между тѣмъ, явились въ слезахъ къ своему папашѣ послѣ сцены съ Лизой.

— Что это вы, мои цыпочки, расплакались? — приласкалъ ихъ нѣжный отецъ, котораго онѣ очень тяготили своею пансіонерскою неспособностью ни къ какому дѣлу. — Ну, стоитъ ли вамъ связываться съ этой дѣвчонкой. Ее вамъ ничѣмъ нельзя пристыдить, у нея весь стыдъ давно потерянь. А она вамъ всегда можетъ непріятностей надѣлать.

— Да зачѣмъ же она насъ оскорбляетъ, мы честныя дѣвушки! — восклицали, всхлипывая, невинныя барышни.

— А, все-таки, надо терпѣть и молчать, — наставительно говорилъ отецъ. — Вы можете и Михаила Александровича вооружить противъ себя, связываясь съ ней, потому что онъ увлеченъ ею. «Не борися съ сильнымъ», сказалъ премудрый Соломонъ, — окончилъ управляющій, не зная точно, говорилъ это Соломонъ, или не говорилъ.

— Намъ обидно, что онъ эту низкую дѣвчонку выше насъ ставитъ.

— Не выше васъ, нисколько не выше, чистыя мои птички! Онъ, просто, играетъ съ нею, потому что съ такими дѣвчонками можно играть молодымъ людямъ. Хорошо она поетъ, только гдѣ-то сядетъ. Будетъ время, и близко это время, когда онъ ее броситъ, какъ выжатый лимонъ. А вы молчите и ждите. Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ. Помните, что это въ священномъ писаніи сказано... Графиня стара, не сегодня, завтра умретъ, — тогда Михаилъ Александровичъ самъ себѣ господинъ будетъ и о какой-нибудь Лизаветѣ Николаевнѣ и думать не станетъ. Ему будетъ нужна невеста со средствами... Ну, тогда и мы подумаемъ, что дѣлать, и мы лицомъ въ грязь не ударимъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, тогда Бабиновка-то и съ молотка продается, можетъ-быть, и мы помѣщиками будемъ... Будущее только одинъ Богъ знаетъ. Въ руцѣхъ Его сердце... Нѣтъ, это не то! — махнулъ управляющій рукою, неудачно подобравъ текстъ. — А и не сдѣлается ничего, такъ все же Михаила Алек-

сандровича намъ раздражать не слѣдуетъ, потому что не самъ же онъ управлять имѣніемъ станетъ, и намъ же выгоднѣе, если онъ другого управляющаго не возьметъ.

Отецъ поцѣловаль дочерей и еще разъ замѣтилъ имъ, что надо молчать и терпѣть, что всѣ честные и невинные люди всегда молчали и терпѣли, что это и въ священномъ писаніи сказано. Въ подтвержденіе послѣдняго, управляющій привелъ цитату изъ заповѣдей блаженства и, вполне довольный и самимъ собою, и своими текстами, сталъ пить чай.

Управляющій графини, надворный совѣтникъ Андрей Андреевичъ Терпуговъ, кругленькій, какъ арбузъ, жирненькій, какъ сало, выглядѣвшій какимъ-то куцымъ херувимчикомъ съ вербы, былъ человекъ сдержанный, онъ какъ кротъ рылся гдѣ-то незамѣтно, во мракѣ, скопилъ многое невѣдомо для людей, постоянно обладалъ манерами смиреннаго кота, незамѣтно выпускающаго свои когти изъ мягкихъ лапъ; онъ всегда говорилъ: «Моя изба съ краю — ничего не знаю!» Люди называли его — то примѣрнымъ

и набожнымъ челоѡкомъ, то продувною бестією; то добрымъ простякомъ, то кремнемъ и кулакомъ; такія разнорѣчивыя мнѣнія зависѣли вполнѣ отъ того, кто говорилъ про него, такъ же, какъ и его образъ дѣйствій зависѣлъ отъ того, съ кѣмъ онъ велъ дѣло. Только въ двухъ случаяхъ оставался онъ неизмѣннымъ въ сношеніяхъ съ людьми различныхъ званій и состояній, это въ непреодолимой страсти говорить не то, что думаетъ, и думать не то, что говоритъ, да въ любви опираться во всемъ на священное писаніе, которое онъ коверкалъ безъ всякой пощады. Онъ ухитрялся какъ-то такъ подбирать его тексты, существовавшіе иногда только въ изображеніи Андрея Андреевича, что оно давало ему возможность и учить повиновенію слугъ, такъ какъ власти отъ Бога; оно же давало ему возможность холодно относиться къ страданію ближнихъ, такъ какъ мзда ихъ будетъ великою на небесахъ; оно же мотивировало его взяточничество, такъ какъ онъ признавалъ, что всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ; однимъ словомъ, Андрей Андреевичъ выворотилъ наизнанку всякое библей-

ское выраженіе, да этимъ и оградишь свою совѣсть отъ всякихъ нападеній... Говоря не то, что онъ думаетъ, Андрей Андреевичъ очень часто говорилъ невообразимо глупо, но поступалъ чрезвычайно умно. Иногда онъ прикидывался такимъ дурачкомъ, что люди, изъ сожалѣнія, начинали поучать его, а онъ, хлопывая въ умиленіи глазками, выслушивая ихъ умныя рѣчи до конца, узнавалъ до тонкости умственныя способности своего собесѣдника, такъ сказать, раскусывалъ его, да потомъ и нападалъ на него съ самой слабой стороны, если ему приходилось столкнуться на практической почвѣ. Теперь онъ рѣшился не вмѣшиваться въ отношенія Лизы и Задонскаго, чтобы не раздражать послѣдняго, и надѣялся, что время сдѣлаетъ свое. Планы его невинныхъ дочерей насчетъ любви Задонскаго къ которой-нибудь изъ нихъ не имѣли въ его глазахъ почти никакого серьезнаго значенія, и поэтому онъ дѣлалъ видъ, что они имѣютъ для него значеніе; но очень большое значеніе придавалъ онъ своему плану забрать въ руки Задонскаго и, главнымъ образомъ, его имѣніе, когда умретъ гра-

финя, и потому никогда не высказывалъ этихъ надеждъ. Иногда онъ даже улыбался, помышляя о томъ, что первые будутъ послѣдними, а послѣдніе — первыми, и почему-то ему казалось въ эти минуты, что не Задонскій, а онъ самъ, Андрой Андреевичъ Терпуговъ, будетъ хотя не номинальнымъ, но зато фактическимъ наслѣдникомъ Серпуховской, то-есть приберетъ къ рукамъ все Приволье.

Рѣшимость Терпугова молчать и терпѣть спасла Лизу отъ непріятныхъ послѣдствій ея необдуманной ссоры съ невинными дѣвицами. Графиня ничего не узнала объ этой исторіи и снова прислала за Лизой экипажъ. Это было на другой день послѣ пріѣзда Ивана Григорьевича въ Приволье. Онъ, какъ мы видѣли, рѣшился узнать подробно объ отношеніяхъ Лизы и Задонскаго, и потому дня черезъ три завернулъ въ управляющему. Невинныя барышни обыкновенно имѣли привычку «презирать» поповича и говорили съ нимъ только изъ снисхожденія къ его студенческому сюртуку. Но въ настоящее время, сверхъ всякаго ожиданія, онъ очень обрадова-

лись молодому гостю. Это немного удивило Ивана Григорьевича, и онъ сталъ тщательно доискиваться причинъ такой неожиданной привѣтливости. «Вѣрно что-нибудь сообщить хотятъ!» — подумалось ему. Сначала разговоры шли о столицѣ, барышни охали и вздыхали о столичномъ обществѣ, котораго онъ никогда не видали во время пансіонской жизни; онъ жаловались на деревенскую скуку и на провинціальныхъ жителей, съ которыми еще не были знакомы, и, наконецъ, перешли къ болѣе интересному предмету.

— А вы были у Баскаковыхъ? — вдругъ спросили онъ въ одинъ голосъ.

Иванъ Григорьевичъ насторожилъ уши и сразу почувствовалъ въ этомъ вопросѣ желаніе барышень рассказать ему нѣчто интересное.

— Былъ, — отвѣтилъ онъ.

— Ну, какъ нашли у нихъ все? Не замѣтили ли какихъ переменъ?

— Нѣтъ, кажется, ничего не замѣтилъ...

— Ахъ, что вы! — воскликнули разомъ обѣ сестры. — А Лизу вы видѣли?

— Видѣлъ.

— Ну, такъ какъ же не замѣтить перемѣны!

— Право, я никогда не могу ничего сразу замѣтить. Ужъ вы лучше сами объясните мнѣ, какая тамъ перемѣна случилась, — улыбнулся онъ, догадываясь, что именно возможность сообщить объ этой перемѣнѣ заставила барышень рассказать даже ему, презрѣнному поповичу.

Дѣйствительно, барышни, краснѣя и потупляя глазки, таинственно прошептали:

— Да вѣдь она влюблена!

За этими стыдливо произнесенными словами вдругъ полился цѣлый потокъ такихъ же таинственныхъ рассказовъ, какъ «они» сидѣли вечеромъ въ саду, какъ «они» катались вдвоемъ, какъ «они» играли въ четыре руки на фортепiano, какъ «они» избѣгали общества, и тому подобное, все въ томъ же родѣ. Иванъ Григорьевичъ чутко слушалъ невинную болтовню и старался составить по ней кое-какія заключенія о степени серьезности дѣла. Наконецъ, эта болтовня была прервана появленіемъ Андрея Андреевича

— А, это онъ вамъ про наши сельскія

исторіи рассказываютъ, — засмѣялся Андрей Андреевичъ жирнымъ смѣхомъ. — Какъ же, какъ же, и у насъ своя романы затѣваются. Только глупости все это, шалости... Вотъ, къ концу лѣта уѣдутъ наши за границу, и конецъ весь!

— Кто это уѣдетъ за границу? — спросилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Да ея сіятельство съ Михаиломъ Александровичемъ.

— Какъ? онъ уѣзжаетъ? — тревожно поднялся съ мѣста Иванъ Григорьевичъ.

— Да. Что же тутъ удивительнаго? — равнодушно спросилъ Андрей Андреевичъ. — Не все же въ вашей глуши жить, надо и на свѣтъ посмотреть.

— Но она-то знаетъ ли это?

— Кто это? Лизавета-то Николаевна?.. Нѣтъ, должно-быть, не знаетъ... Это ей маленькій сюрпризъ будетъ... къ именинамъ, — снова засмѣялся жирнымъ смѣхомъ Андрей Андреевичъ и шутливо ущипнулъ отъ нечего дѣлать за щеку одну изъ своихъ розовенькихъ дочерей.

Ивана Григорьевича точно чѣмъ-то при-

шибло. Онъ торопливо взялся за фуражку и, несмотря на упрашиванья остаться, ушелъ, почти убѣжалъ изъ дому управляющаго.

Нѣсколько минутъ онъ быстро шагаль во дорогѣ безъ всякаго сознанія и безъ всякой цѣли. «Однако, куда же я бѣгу? Ужъ не къ графинѣ ли?.. Чортъ побери, надо предупредить Лизавету Николаевну... Но какъ ее поймать!..» Иванъ Григорьевичъ рѣшился попытаться подстеречь ее и переговорить съ нею въ графскомъ саду; онъ боялся, что подастъ поводъ къ толкамъ, если просто велить слугамъ графини вызвать къ себѣ Лизу, такъ какъ подобное необычайное свиданіе непременно заставило бы графиню спросить у Лизы, зачѣмъ онъ вызывалъ ее... Главнымъ же образомъ заставляло его дѣйствовать такъ желаніе сообщить Лизаветѣ Николаевнѣ свое извѣстіе между прочими разговорами, не придавая ему особеннаго значенія, чтобы не стать въ смѣшное положеніе, если Лизавета Николаевна знала и прежде о намѣреніяхъ графини и Задонскаго.

Дня черезъ два Ивану Григорьевичу удалось встрѣтиться съ Лизой въ привольскомъ

саду. Передавъ ей нѣсколько извѣстій о ея домашнихъ, которыхъ онъ видѣлъ ежедневно, онъ замѣтилъ вскользь:

— А вы нагуляться здѣсь досыта хотите, куда не опустѣютъ палаты.

— Отчего же имъ опустѣть? — удивилась Лиза.

— Да вѣдь графиня осенью уѣзжаетъ за границу, — отвѣтилъ Борисоглѣбскій, видя по лицу своей собесѣдницы, что она ничего не знаетъ объ этихъ предложеніяхъ.

— Можетъ-быть, это только слухи, — усомнилась Лиза.

— Нѣтъ, это дѣло рѣшеное, — утвердительно-нымъ тономъ отвѣтилъ Борисоглѣбскій. — Она, по словамъ Андрея Андреевича, въ сопровожденіи Михаила Александровича хочетъ проѣхать въ Ниццу и...

— Что это вы за слухи разносите! Я ничего не знаю, а вы знаете...

— Да мало ли чего вы не знаете, а я знаю, — шутливо замѣтилъ Борисоглѣбскій.

— Этого не можетъ быть... Михаилъ Александровичъ не можетъ уѣхать...

— Не можетъ? — переспросилъ

Борисоглѣбскій, пристально взглянувъ на Лизу.

— Да... то-есть... У него есть въ Петербургѣ обязательства, — смущеннымъ голосомъ произнесла молодая дѣвушка, замѣтивъ свою опрометчивость и стараясь поправиться.

— Все-то у нихъ долги, и все-то неоплатные! — усмѣхнулся Борисоглѣбскій.

Лиза промолчала.

Въ это время на аллеѣ показался Задонскій. Онъ удивился, увидавъ съ Лизой Борисоглѣбскаго, и сухо поклонился ему.

— Я вамъ не помѣшалъ? — спросилъ онъ Лизу.

— Напротивъ того, я рада, что встрѣтила васъ, — отвѣтила она. — Я, вотъ, хотѣла васъ поздравить съ вашею будущею поѣздкой за границу...

— Кто это вамъ сказалъ такую штуку? — засмѣялся Задонскій, стараясь подавить смущеніе.

Лиза указала на Борисоглѣбскаго.

— Вы, однако, больше меня самого знаете о моихъ планахъ, — насмѣшливо проговорилъ Михаилъ Александровичъ.

— Вашихъ плановъ я не знаю, а вотъ планы вашей тетушки случайно сдѣлались мнѣ извѣстными, — спокойно и холодно отвѣтилъ Борисоглѣбскій. — И я счелъ своею обязанностью сообщить ихъ Лизаветѣ Николаевнѣ... Неожиданности и сюрпризы иногда нездоровы...

— Ну, до меня планы моей тетки не касаются; къ тому же я вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда люди подчиняются чужой волѣ, — презрительно замѣтилъ Задонскій.

— Лѣта-то тутъ ни при чемъ. Все зависитъ отъ того, кто намъ выражаетъ свою волю, — усмѣхнулся Борисоглѣбскій.

Задонскій строго и надменно посмотрѣлъ на него.

— Что вы этимъ хотите сказать? — угрожающимъ тономъ промолвилъ онъ и, кажется, однимъ взглядомъ хотѣлъ уничтожить Борисоглѣбскаго.

— Да то, что бываютъ и такіе случаи: мы служить хотимъ, а начальнику нашъ носъ не нравится, ну, вотъ, онъ и посылаетъ насъ, не спрашивая о нашемъ желаніи, отдыхать отъ трудовъ служебныхъ... Бываютъ и другіе слу-

чай, когда мы по чужой дудкѣ пляшемъ, да вы, Михаилъ Александровичъ, ихъ и сами по-добрать можете.

Борисоглѣбскій говорилъ твердо и не спѣша. Его лицо не выражало ни гнѣва, ни раздраженія, но выглядѣло сухо и черство въ эту минуту. Въ его голосѣ не слышалось ни насмѣшливости, ни угрозы, но слова выговаривались до того отчетливо и рѣзко, что Задонскій не рѣшился отвѣтить достойнымъ образомъ на дерзость «поповича». Въ его головѣ почему-то промелькнула ни съ того, ни съ сего, мысль, что такіе люди, — обломы, — не имѣютъ привычки стрѣляться, а, въ крайнемъ случаѣ, просто бьютъ своихъ вздорныхъ противниковъ.

Иванъ Григорьевичъ пожалъ руку Лизы и неторопливо завернулъ въ другую аллею.

Молодая дѣвушка въ недоумѣніи смотрѣла на Задонскаго. Онъ молчалъ, ощипывая сорванную съ дерева вѣтку.

— Неужели въ этихъ слухахъ есть хоть доля правды? — спросила, наконецъ, Лизавета Николаевна.

— Ни малѣйшей!.. Тетка, можетъ-быть, и

собирается за границу, но я-то не поѣду, — отвѣтилъ Задонскій.

— Она, однако, говорила тебѣ объ этомъ?

— Нѣтъ... Сперва были предположенія, но потомъ объ этомъ и забыли...

Лнаа недовѣрчиво смотрѣла на Михаила Александровича.

— И кто это ему передалъ эти извѣстія? — спросилъ онъ.

— Андрей Андреевичъ...

— А-а! мститъ за дочерей! хочетъ этимъ путемъ рассорить насъ... Наивный человѣкъ! — засмѣялся Задонскій и сталъ остерить насчетъ управляющаго.

Лиза задумчиво, безъ улыбки слушала остроты. Ей было не по себѣ. Въ душу начинало закрадываться сомнѣніе.

Прошло немного времени, во «дворцѣ» графини произошла новая, непріятная для Лизы исторія. У графини обѣдало нѣсколько человѣкъ гостей. Это былъ день именинъ графини. Бесѣда шла по обыкновенію монотонно, графиня говорила съ авторитетомъ и почти одна, гости почтительно соглашались и удивлялись. Лиза давно привыкла къ этимъ

официальнымъ обѣдамъ и скучнымъ разговорамъ, а потому не обращала особеннаго вниманія на то, что говорилось около нея. Вдругъ ея слухъ былъ пораженъ особенно возвысившимся голосомъ графини.

— А я вотъ все прихварываю, — говорила она, такимъ тономъ, какъ будто желала, чтобы всѣ слышали каждое ея слово.

Лиза взглянула на нее и удивилась, замѣтивъ, что глаза графини смотрятъ прямо на нее.

— За границу докторъ совѣтуетъ ѣхать на зиму, — продолжала графиня, не спуская глазъ съ Лизы. — Тяжело мнѣ разставаться съ Привольемъ и, еще, слава Богу, что я не одна поѣду, что Мишель ѣдетъ со мною...

Въ комнатѣ, среди всеобщей тишины, звонко прозвенѣла, какъ оборвавшійся колокольчикъ, упавшая на полъ серебряная вилка. Лакей подбѣжалъ и наклонился, чтобы поднять ее и подать Лизаветѣ Николаевнѣ. Графиня пристально, испытующимъ взглядомъ, смотрѣла на смущенную дѣвушку. Лиза сдѣлала надъ собой нечеловѣческое усиліе и улыбнулась.

— А я проиграла пари, — обратилась она, со смѣхомъ на посинѣвшихъ губахъ, къ сидѣвшему возлѣ нея Андрею Андреевичу: — я пророчила Михаилу Александровичу, что онъ съ ума сойдетъ отъ скуки въ нашемъ Привольѣ...

Управляющій какъ-то глупо осклабилъ губы.

— Я первый разъ слышу отъ васъ, дитя, что въ Привольѣ вамъ кажется такъ скучно, — строго и серьезно замѣтила графиня.

— О, я думаю, вездѣ скучно безъ дѣла, а въ Привольѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, такъ какъ здѣсь всѣ, начиная съ васъ и кончая послѣднимъ мужикомъ, заняты работой. — бойко проговорила Лиза, едва переводя дыханіе. — А Михаилъ Александровичъ такъ молодъ, что ему должно быть не только скучно, но даже стыдно сидѣть безъ дѣла...

Графиня была совсѣмъ сбита съ толку. Она заговорила о поѣздкѣ за границу именно только для того, чтобы узнать, какъ приметъ эту новость Лиза. Оброненная вилка въ одну минуту объяснила графинѣ все. Но смѣхъ Лизы, тотчасъ же бойко заглушившій жалобный

звукъ скатившагося на полъ серебра, но ироническія фразы Лизы насчетъ Задонскаго, фразы, напоминавшія постоянныя насмѣшки этой вострушки надъ Михаиломъ Александровичемъ, снова заставили графиню подумать, что между молодыми людьми нѣтъ ничего серьезнаго, что если Баскакова и увлеклась молодымъ человѣкомъ, то очень не сильно, что, наконецъ, вилка могла упасть чисто случайно, и ея паденіе не имѣло никакого значенія, что легкая блѣдность Лизы могла быть просто слѣдствіемъ смущенія отъ неловкости. Лиза, между тѣмъ, какъ будто желая окончательно сбить съ толку графиню или стремясь подавить невольно роившіяся въ головѣ мысли, продолжала насильно смѣяться и подшучивать насчетъ Михаила Александровича. Графинѣ начинало казаться, что Лиза радуется отъѣзду Михаила Александровича; ей думалось, что нравственной дѣвушкѣ надоѣли его неотвязчивыя ухаживанья и любезности. Лиза, между тѣмъ, чувствовала, что если обѣдъ продлится еще долго, то ея смѣхъ кончится не хорошо. У нея никогда въ жизни не бывало истерики, теперь она

чувствовала возможность подобнаго припад-ка... Къ ея счастію, обѣдъ пришелъ къ концу... Всѣ встали изъ-за стола... Графиня подошла къ Лизѣ и нѣжно поцѣловала ее въ лобъ...

— Но обо мнѣ, дитя, вы, вѣрно, вспомните безъ смѣха? — ласково промолвила старуха и поспѣшила прибавить:— Ну, полноте, полноте, дитя! Зачѣмъ же плакать? Будемъ живы — увидимся!

Лиза быстро поцѣловала руку графини и, подавляя рыданія, вышла изъ комнаты.

Графиня стояла съ задумчиво-опущенной на грудь головой.

— Да, я всегда знала, что она любитъ меня. И я сама привыкла къ ней, какъ къ дочери, — тихо проговорила она и провела рукой около глазъ... Богъ знаетъ, хотѣла ли она этимъ движеніемъ отстранить отъ глазъ какую-нибудь созданную воображеніемъ непріятную картину, или желала предупредить во-время слезы, еще не скатившіяся съ рѣсницъ на ея худыя щеки...

Она, по обыкновенію, ушла въ свой кабинетъ; гости группами разбрелись по комнатамъ. Управляющій выждалъ удобную минуту,

когда лакеи ушли за чѣмъ-то изъ столовой, и подошелъ къ столу, на которомъ отобралъ четыре ломтика бѣлаго хлѣба. — Это моимъ цыпочкамъ, — проговорилъ онъ самъ себѣ. — Пусть и птицы небесныя знаютъ, что у насъ сегодня праздникъ!

Онъ по чистотѣ своего сердца очень любилъ собственноручно кормить куръ и цыплятъ, и въ такія минуты его кругленькая добродушная фигурка выглядѣла поистинѣ умилительно. Отойдя къ окну, онъ вытащилъ изъ кармана бумажку — бумажками были всегда полны его карманы — осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и, удостовѣрившись, что бумага не нужна, не дѣловая, сталъ заворачивать въ нее хлѣбъ, стоя спиною къ комнатѣ. Совершивъ эту операцію, спрятавъ завернутый хлѣбъ въ карманъ, онъ медленно заходилъ одинъ по столовой и, прочищая перомъ зубы, предался тѣмъ глубокомысленнымъ и благодушнымъ размышленіямъ, на какія бываютъ способны только жирные, ощущающіе полное спокойствіе совѣсти люди послѣ изобильнаго и хорошаго обѣда.

«Это просто чортъ, а не дѣвка, — рассуж-

далъ онъ съ самимъ собою. И что бы вышло изъ нея, если бы она въ хорошія руки попала, женой степеннаго, да умнаго человѣка сдѣлалась? Вѣдь золото, просто золото!.. У самой кошки на сердцѣ скребуть — а она смѣется... А наша-то сіятельная таращитъ на нее глаза и ничего не видитъ... Да, ей бы умнаго, дѣловаго мужа надо, — далеко бы ушла!.. Ей не нарядовъ, не обниманій нужно; ей ломовую работу подавай, ей командовать въ домъ позволь, ей за себя постоять дорогу открой, и ужъ слезъ да вздоховъ отъ нея не услышишь... Нѣтъ, мои не то!.. Мои не въ меня, — въ мать пошли... Съ покойницей не умѣлъ возиться, ну и съ ними не умѣю сладить... И ласкаешь, и цѣлуешь ихъ, да нѣтъ, это все не то! Ущипнешь ихъ въ шутку покрѣпче, такъ онъ ужъ и въ слезы!.. Вотъ мнѣ бы жену такую, чтобы на нее какъ на себя положиться могъ... Нажили бы мы денегу!.. А вѣдь эта пошла бы!.. Ей-Богу пошла бы теперь... А?»

Управляющій остановился у камина и самодовольно взглянулъ въ зеркало на свое заплывшее жиромъ, животное лицо съ малень-

кими маслянистыми глазками.

«Не казистъ, — добродушно усмѣхнулся онъ надъ собою:— а пошла бы, и за такого пошла бы, потому что ей, во-первыхъ, лица и не надо, а во-вторыхъ, всеравно, она теперь чорту баранъ будетъ».

Онъ потянулся, зѣвнулъ и придвинулъ кресло къ камину, чтобы положить на его холодную рѣшетку свои коротенькія, топорно обтесанныя ножки. Его сальная фигура выглядѣла въ эту минуту крайне добродушно и невинно... Онъ никогда не думалъ жениться на Лизѣ, никогда не женился бы за ней, но помечтать объ этомъ было пріятно. Иногда Андрей Андреевичъ послѣ обѣда мечталъ даже о томъ, что было бы, если бы онъ былъ княжескаго происхожденія, иди если бы онъ былъ «военнымъ фельдмаршаломъ»? Послѣ такихъ мечтаній ему обыкновенно удавалось хорошо вздремнуть и увидеть сладкіе сны.

Михаиль Александровичъ въ это время ходилъ въ тревогѣ по комнатамъ и все посматривалъ на двери, ожидая, не появится ли въ нихъ Лиза. Онъ начиналъ бояться, что она, съ обычною своею рѣзкостью, уѣдетъ изъ дома

графини, и этимъ докажетъ основательность всѣхъ подозрѣній и толковъ на ея счетъ. Онъ еще никакъ не могъ понять, что эта деревенская простушка сумѣетъ, гдѣ надо, выдержать до конца свою роль, какъ бы трудно ни было это для нее. Черезъ полчаса онъ ушелъ въ садъ, желая освѣжиться и, можетъ-быть, тамъ встрѣтить Лизу. Онъ не ошибся въ послѣднемъ. Въ одной изъ аллей онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, задумчиво ходившую по саду. Онъ окликнулъ ее. Она почти съ изумленіемъ посмотрѣла на него, какъ будто для нея былъ совершенно непонятенъ его приходъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? Чтобы люди продолжали толковать о нашихъ свиданіяхъ? — строго и серьезно спросила она, совершенно невольно говоря ему ты, какъ будто теперь ей стало невозможно говорить ему попрежнему

— Что это, Лиза, ты вдругъ стала бояться людскихъ толковъ? — спросилъ онъ, не зная съ чего начать разговоръ.

— Не боюсь, но не хочу, чтобы кто-нибудь сказалъ, что я и теперь бѣгу на свиданія съ ва-

ми, когда я знаю, что вы бросаете меня и ѣдете за границу... Тутъ и передъ собой увлеченіемъ не оправдаешься.

Въ голосъ молодой дѣвушки была какая-то сухость и рѣзкость, точно у нея что-то оборвалось въ груди.

— Перестань, пожалуйста! — сталъ успокоивать ее Задонскій. — Вѣдь это все предположенія! Я и не думаю ѣхать...

— Однако, вы не опровергали словъ графини...

— Ну, да, я еще не успѣлъ окончательно отказать это. ея предложенія... Мы еще не говорили съ ней серьезно объ этомъ предметѣ...

— Ну, вотъ когда переговорите серьезно, тогда и приходите ко мнѣ, тогда и говорите со мною, — перебила его Лиза. — А теперь я прошу васъ идти прочь... Мнѣ нужнѣе, чѣмъ вамъ, освѣжиться, и потому я не хотѣла бы уйти изъ сада... Хотя эту-то услугу вы можете мнѣ оказать и оставить меня въ покоѣ...

Михаилъ Александровичъ молча смотрѣлъ на Лизу и не зналъ, что ему дѣлать: она выглядѣла такой неприступною и серьезною, что продолжать объясненія было труд-

но. Онъ пожалъ плечами и пошелъ прочь. Черезъ минуту онъ снова услыхалъ ея голосъ и остановился.

— Только, пожалуйста, вы не пытайтесь утѣшать меня ложными обѣщаніями, — проговорила она, подходя къ нему. — Мнѣ теперь ничего не надо, кромѣ правды. Я хочу знать, что меня ждетъ впереди, чтобы приготовить къ новой роли, обдумать все... Я теперь не особенно обрадуюсь, если вы останетесь здѣсь, не особенно опечалюсь, если вы уѣдете, но и то и другое я хочу знать навѣрное...

Лиза отвернулась и удалилась отъ Задонскаго. Она подошла машинально къ Эрмитажу, зашла въ него и сѣла въ одной изъ комнатъ этой бесѣдки отдохнуть. Довольно долго просидѣла она, не замѣчая даже, гдѣ она сидитъ; ея лицо выглядѣло скорбно и мучительно; но временамъ она молча стискивала свои руки, словно желая физическою болью заглушить нравственную пытку. Наконецъ, она бессознательно подняла опущенную на грудь голову, и передъ нею мелькнуло въ зеркалахъ нѣсколько блѣдныхъ отраженій ея болѣзненно выглядѣвшаго лица. Она съ

нѣмымъ ужасомъ такъ же безсознательно стала осматривать комнату: вездѣ ея глаза встрѣчали одно и то же измученное выраженіе ея лица. По ея тѣлу пробѣжала дрожь, какъ будто сама судьба хотѣла показать ей, до чего она довела себя, или какъ будто передъ ея глазами пронеслись внезапно всѣ блѣдныя, загубленныя здѣсь въ былые годы жертвы. Она быстро встала и пошла вонъ. «И онѣ были молоды, и ихъ погубили такіе же люди», — подумала она и сурово нахмурила брови.

«Нѣтъ, меня не удастся погубить, нѣтъ, я не такъ легко отдамъ имъ свою жизнь!» — окончила она свои думы, и какъ-то твердо, какъ-то гордо вошла во «дворецъ»...

Пробывъ здѣсь еще два дня, чтобы не подать повода къ новымъ подозрѣніямъ, она уѣхала домой, давъ слово графинѣ возвратиться въ Приволье въ непродолжительномъ времени и мысленно рѣшившись переступить порогъ этого роскошнаго дома только въ случаѣ крайней необходимости.

VI

Лизавета Николаевна возвратилась домой. Въ ея лицѣ была напряженная сосредоточенность, она словно окаменѣла. Брань матери, крики и продѣлки дѣтей, постоянныя непріятности съ прислугой, все то, что еще такъ недавно возмущало ее до глубины души въ домашнемъ омутѣ, теперь, повидимому, стало для нея совершенно безразлично. Она, какъ будто, ничего не видѣла, ничего не слышала. На всѣ вопросы она отвѣчала не то, что слѣдовало, а иногда просто и ничего не отвѣчала. Въ ея головѣ бродили сотни мыслей, смутныхъ, безотчетныхъ и гнетущихъ умъ. Недавнее прошлое казалось ей тяжелымъ бредомъ, ея любовь казалась ей сумасшествіемъ, опьянѣніемъ, чѣмъ угодно, но только не любовью. Она только теперь начинала сознавать, что Михаилъ Александровичъ и не думалъ искать въ ней своего спасенья, но просто поигралъ съ нею, можетъ-быть, былъ готовъ продолжать начатую игру, можетъ-быть, готовъ былъ съ согласія тетки жениться на ней, но она-то, Лизавета

Николаевна, глядѣла теперь на этотъ бракъ, какъ на одно изъ самыхъ тяжелыхъ золь, которыя ей суждено встрѣтить въ будущемъ. Роль жены-куклы, роль жены, потерявшей право на уваженіе мужа, была не по ней. Тысячи горькихъ и злобныхъ упрековъ себѣ высказывала молодая дѣвушка, и у нея хватало силы прямо сказать себѣ, что всѣ будущія непріятности и страданія вполнѣ заслужены ею. Она ставила теперь себя ниже всѣхъ окружающихъ ее личностей. Но, снявши голову, по волосамъ не тужать, она знала это, и ей хотѣлось сразу отрезвиться отъ прошлаго, какъ бы отрѣзать его отъ себя, чтобы думать только о будущемъ, подготовиться только къ этому будущему. Какъ это бываетъ съ сильными натурами, она бодро перенесла первую минуту горя, но когда эта минута прошла, горе почувствовалось сильнѣе, и явилась совершенно неожиданная слабость въ душѣ. Подчасъ, не умѣя справиться со своими мыслями, Лизавета Николаевна была готова хоть руки на себя наложить. Ей было бы тяжело говорить даже съ самымъ близкимъ человѣкомъ о своихъ дѣлахъ, и потому она старалась въ

первое время избѣгать встрѣчь съ Иваномъ Григорьевичемъ. Онъ сразу понялъ, что въ этомъ стремленьи его пріятельницы скрыться отъ него было что-то недоброе, что-то зловѣщее, прямо говорившее о какой-то бѣдѣ. Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ, Лизавета Николаевна достаточно овладѣла собой и рѣшилась встрѣтиться съ Борисоглѣбскимъ. Она старалась при первой встрѣчѣ съ нимъ казаться веселою и спокойною, но ея веселость звучала фальшивыми нотами, а спокойствіе черезъ каждыя пять минутъ нарушалось строптивыми и нетерпѣливыми выходками. Борисоглѣбскій попробовалъ вызвать ее на откровенность; но это не удалось. Онъ покачалъ головой.

— Что съ вами? Вы совсѣмъ на себя не похожи, — замѣтилъ онъ. — То слишкомъ разсѣянны и грустны, то не въ мѣру веселы...

— Скучно, такъ и скучаю, весело, такъ и веселюсь, — отвѣчала Лизавета Николаевна. — День на день не придется.

— Такъ-то оно такъ, только прежде у васъ всякій день на день приходился. Когда ни придешь къ вамъ, всегда вы распѣваете, все-

гда вашъ смѣхъ слышится...

— Ребячество было!

— А теперь вдругъ выросли и состарились?

— Ну да, вдругъ выросла и состарилась, — раздражилась Лиза за этотъ вопросъ.

— Да вы не сердитесь! — мягко и ласково замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ. — Вы знаете, что я васъ ребенкомъ на рукахъ нашивалъ, такъ не могу я не интересоваться вами. Не идете ли вы по опасному пути?

Баскакова отвернулась, избѣгая зоркихъ глазъ Борисоглѣбскаго, и стала обрывать листы на сорванномъ цвѣткѣ. Они шли по саду.

— Знаете ли, что про васъ управительскія барышни толкуютъ, — началъ онъ, продолжая пристально и настойчиво смотрѣть на Лизу и желая добиться объясненія.

Она вся вспыхнула и сдвинула брови.

— Что мнѣ за дѣло, что про меня говорятъ? — сердито произнесла она. — Говорить не запретишь людямъ. Пусть выдумываютъ, что имъ угодно. А если и правду говорятъ, такъ я ничего не боюсь!

— Да, сплетень и не слѣдуетъ бояться, —

серьезно замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ. — Нужно бояться только послѣдствій тѣхъ поступковъ, которые вызвали сплетни.

Баскакова сдѣлала нетерпѣливое движеніе и, кажется, хотѣла прекратить разговоръ. Но Борисоглѣбскій и не думалъ о прекращеніи бесѣды.

— Для серьезныхъ цѣлей можно жертвовать своей репутаціей и не стараться устранить всѣ поводы къ пересудамъ, — говорилъ онъ. — Но дѣлаться жертвой людскихъ толковъ ради какого-нибудь петербургскаго шалопая, развращеннаго до мозга костей барича, нахватавшагося разныхъ фразъ неуча, — это, право, нелѣпо. Тутъ надо вывести людей изъ заблужденія.

— Какое право вы имѣете чернить челоуѣка, котораго вы не знаете и который, можетъ-быть, дорогъ мнѣ? — строптиво замѣтила Баскакова, не желая показать Борисоглѣбскому, что уже поняла свою ошибку и страшно платится за это. — И кто далъ вамъ, вообще, право вмѣшиваться въ моя дѣла?

— Недаромъ я сказалъ, что вы

перемѣнились, — дружески промолвилъ Иванъ Григорьевичъ. — Прежде, бывало, всякую мелочь изъ своей жизни спѣшите мнѣ передать, сердитесь, если и я не расскажу во всѣхъ подробностяхъ, что я дѣлалъ, что со мной случилось. А теперь говорите, что я вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, когда я хочу узнать, что сдѣлалось съ вами. Вѣдь другихъ повѣренныхъ у васъ и прежде не было, а теперь-то не найдется и недавно. Ну, да бросимъ этотъ разговоръ, если онъ вамъ неприятенъ...

— Не сердитесь, другъ мой! — ласково промолвила Лиза. — Я раздражаюсь теперь изъ-за пустяковъ. Это пройдетъ. Мнѣ иногда и самой становится и досадно, и смѣшно... А знаете ли что? Вѣдь я думаю на зиму въ Петербургъ уѣхать... Я вамъ когда-нибудь все подробно расскажу, когда буду поспокойнѣе... Тогда и зимой будемъ видѣться. Я буду учиться и работать буду въ Петербургѣ. Жаль мнѣ только, что ребяташки наши безъ меня не будутъ учиться. Ну, да авось я буду въ состояніи послѣ и для нихъ что-нибудь сдѣлать. У меня есть уже на это разные планы. Обдумать надо

все хорошенько...

— Что-жъ, дай Богъ, дай Богъ, чтобы все хорошо уладилось! — замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ, не понимая еще, хочетъ ли Лизавета Николаевна одна ѣхать въ столицу, или ѣдетъ по чьему-нибудь приглашенію.

Онъ зналъ, что въ Петербургъ у нея есть богатая тетка — вдова.

— Да вы, кажется, сомнѣваетесь въ успѣхъ моихъ плановъ? — спросила Лиза.

— Я ничего не знѣю, — въ чемъ же мнѣ сомнѣваться? Можетъ-быть, дѣло и хорошее, можетъ-быть, и я ему порадуюсь, когда узнаю все вполнѣ. Ну, а покуда извѣстно мнѣ только неказистыя сплетни, да личность, которой я не довѣряю, вотъ и все. Во всякомъ случаѣ помните только пословицу: десять разъ примѣрь, да одинъ разъ отрѣжь, не забывайте и того, что одинъ умъ — хорошо, а два — лучше.

Баскакова закусила губу и промолчала. Она ясно видѣла, что Борисоглѣбскій еще и не подозрѣваетъ, какъ далеко она зашла въ своемъ увлеченіи. Ей даже на минуту хотѣлось объяснить все своему пріятелю, чтобы разо-

мъ покончить всѣ толки и выспрашиванья съ его стороны. Но не то стыдливость женщины, не то настойчивость твердаго характера, желавшаго все сдѣлать безъ чужой помощи, заставили Лизавету Николаевну не посвящать Борисоглѣбскаго во всю суть дѣла. Иванъ Григорьевичъ еще разъ далъ совѣтъ Баскаковой беречь себя и распрощался съ нею въ довольно грустномъ настроеніи духа.

Несмотря на выносливые нервы, на привычку спокойно терпѣть всякія невзгоды, на отсутствіе разныхъ блестящихъ плановъ будущей жизни, онъ теперь тоскливо смотрѣлъ на совершавшійся передъ его глазами фактъ. Ему порою казалось, что предотвратить гибель молодой дѣвушки уже не въ его власти, иногда же онъ думалъ: «Да какое право я имѣю утверждать, что она гибнетъ; можетъ-быть, этотъ человекъ еще не успѣлъ окончательно испортиться, я она сумѣетъ поднять его; она не дюжинная натура!» Но, во всякомъ случаѣ, ясно для Борисоглѣбскаго было только одно, что эта дѣвушка въ обоихъ случаяхъ погибнетъ для него. Но что она ему? ни разу не задавалъ онъ себѣ этого вопроса

прежде. И зачѣмъ было задавать? Они росли вмѣстѣ; привыкли другъ къ другу; были дружны, какъ братъ и сестра; ни особенныхъ порывовъ, ни особенныхъ охлажденій не было между ними въ теченіе всей жизни; ихъ заботы другъ о другѣ, ихъ бесѣды, все было такъ ровно, буднично, что не для чего было анализировать своихъ взаимныхъ отношеній. Привыкли другъ къ другу, ну, и продолжаютъ знакомство. Привычка къ существовавшему теченію ихъ жизни была такъ сильна, что имъ даже не приходило въ голову вопросовъ о томъ, что въ будущемъ все это можетъ измѣниться, что молодые люди не могутъ оставаться до безконечности въ такихъ отношеніяхъ, что Лизавета Николаевна можетъ выйти замужъ, что для ея мужа можетъ показаться странною и подозрительною эта дружба жены съ молодымъ человѣкомъ, а въ Иванъ Григорьевичъ можетъ пробудиться зависть къ этому человѣку, ставшему гораздо ближе къ его старой пріятельницѣ, чѣмъ стоитъ онъ. Теперь Иванъ Григорьевичъ видѣлъ, особенно изъ послѣднихъ теплыхъ словъ Лизы, что ихъ отношенія продолжаютъ, повиди-

тому, оставаться неизмѣнными, но ему вдругъ стало тяжело, какъ будто они перестали удовлетворять его, какъ будто онъ кого-то хотѣлъ отодвинуть съ дороги, чтобы ближе подойти къ Баскаковой.

«Экая подлая натура-то у человѣка, — рассуждалъ онъ со своей обычной ироніей. — Сколько лѣтъ жилъ около молодой дѣвушки и никогда не подумалъ спросить себя: а какого рода чувства, братецъ, питаешь ты къ ней? А вотъ какъ полюбила она другого, когда она, можетъ-быть, вполнѣ счастлива будетъ, когда, можетъ-быть, и ты можешь оставаться на старомъ положеніи, — такъ и оказывается, что старыхъ-то отношеній мало, что завидно становится чужое счастье, что просто-на-просто ты любилъ ее. Когда кусокъ хлѣба у человѣка передъ носомъ былъ, такъ онъ и не думалъ о голодѣ, а взяли этотъ кусокъ хлѣба другіе, такъ вдругъ и оказывается, что и голодень-то человѣкъ, что а прожить-то не можетъ онъ безъ этого куска... Да глупости! можно прожить. Не поколѣю съ голоду, ну, потерплю, поскучаю, а тамъ другихъ встрѣчу, съ которыми характеромъ сойдуся, — не кли-

номъ же свѣтъ сошелся!»

Эти разсужденія, однако, нисколько не успокоивали Борисоглѣбскаго, хотя онъ, вслѣдствіе рѣшимости перетерпѣть горе, сталъ усиленнѣе заниматься, больше охотиться, чаще просиживать въ бесѣдахъ съ привольскими мужиками.

— Разсѣянья ищущу, какъ скупающая барыня, — подтрунивалъ онъ надъ собой, съ обыкновенною добродушною насмѣшливостью, а у самого кошки на сердцѣ скребли...

Лизавета Николаевна продолжала бороться съ собою и казаться твердою. Она изрѣдка посѣщала на день, на два привольскій дворецъ; иногда на полчаса заѣзжалъ къ Бабиновку Михаилъ Александровичъ; но и въ Привольѣ, и въ Бабиновкѣ Лизавета Николаевна избѣгала встрѣчь съ Задонскимъ наединѣ. Однажды ей не удалось избѣжать подобнаго свиданія, и Михаилъ Александровичъ сталъ просить у нея прощенія, сталъ бичевать себя.

— Я чувствую, что я виноватъ, что я долженъ былъ обдѣлать все и приготовить тетку къ нашей свадьбѣ заранѣе, — говорилъ онъ. — А теперь ты вполне права, сомнѣваясь

во мнѣ. Я, дѣйствительно, поступилъ подло.

— Значить, вы окончательно рѣшили бросить меня и уѣхать за границу? — холодно спросила Лиза, подавляя свое волненіе.

— Помилуй, я и не думалъ этого! — воскликнулъ Задонскій. — Напротивъ того, я твердо рѣшился поставить на своемъ...

— Такъ зачѣмъ же и называть себя подлецомъ? — еще холоднѣе замѣтила Баскакова. Она все менѣе и менѣе вѣрила ему.

— Да, но, не подготовивъ ничего заранѣе, я заставилъ тебя сомнѣваться во мнѣ и страдать...

— Вы знаете, что мои сомнѣнія въ васъ вызвало не то, что вы не подготовили графиню къ нашей свадьбѣ, а то, что вы скрыли свое намѣреніе уѣхать отъ меня за границу.

— Да у меня и не было этого намѣренія! Правда, я не далъ тогда положительнаго отвѣта теткѣ, но мнѣ помѣшала сдѣлать это моя трусость передъ грозящею намъ нищетою. Я и прежде говорилъ тебѣ, что у меня много ошибокъ, много пороковъ. Моя трусость передъ бѣдностью — одинъ изъ этихъ пороковъ, — каялся Задонскій. — Но ты мо-

жешь спасти меня отъ него, можешь обод-
рить меня своимъ вліяніемъ. Я стану...

— Пойдите, пойдите! — прервала его
Лизавета Николаевна. — Вы говорите
нелѣпыя, вещи. Ваши ошибки, ваши пороки я
бы могла переносить и, можетъ-быть, исправ-
лять. Но какъ это стану я исправлять васъ,
вліять на васъ, когда вы сами бѣжите отъ сво-
его спасенія? Такое бѣгство, кажется, ясно по-
казываетъ, что вамъ совсѣмъ не нужна была
моя помощь.

— Помилуй, да я не хотѣлъ уѣзжать! я не
уѣду, рѣшительно не уѣду! — горячо прогово-
рилъ Задонскій.

— Вы уже сказали объ этомъ графинѣ? —
пристально взглянула на него Лиза.

Онъ смутился и понялъ, что лгать передъ
нею невозможно, что у этой дѣвушки хватить
смѣлости прямо спросить графиню о планахъ
ея племянника и вывести его, такимъ образо-
мъ, на чистую воду.

— Нѣтъ, я еще не говорилъ объ этомъ съ
теткой, — угрюмо произнесъ онъ.

— Ну, такъ и со мной не стоило гово-
рить, — окончила Лизавета Николаевна раз-

говоръ.

Съ этого дня она рѣшилась не ѣздить въ Приволье. Ей казалось, что лучше вызвать новыя сплетни, чѣмъ мучить себя и видѣть постоянно передъ собой этого человѣка, которому она уже не вѣрила ни въ чемъ. Насколько полно и безгранично вѣрилось ей прежде во все, что онъ говорилъ, настолько полно и безгранично сомнѣвалась она теперь даже и въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ искренно. Каждое его слово казалось ей наглою ложью. Она уже ясно сознавала, что связь между ними оборвана навсегда, что если бы даже онъ предложилъ ей теперь выйти за него замужъ, то она, вѣроятно, отказалась бы отъ предложенія, не надѣясь на возможность исправить это изолгавшееся существо...

Графиня продолжала попрежнему присылать за Лизой экипажъ, но постоянно получала отвѣтъ, что «барышня не такъ здорова». Это была, и въ самомъ дѣлѣ, правда. У Лизы хватило нравственныхъ силъ для борьбы, но физическія силы начинали измѣнять ей. Иванъ Григорьевичъ уже нѣсколько разъ совѣтовалъ ей полѣчиться, но она съ непо-

нятною для него боязнью отклоняла этотъ совѣтъ и увѣряла своего пріятеля, что она здорова. Черезъ силу уходила она, опираясь на это руку, въ поле, иногда просиживала съ нимъ въ саду и на берегу Желтухи по цѣлымъ часамъ и съ любопытствомъ спрашивала про Петербургъ, про тѣхъ дѣвушекъ, которыя приходится тамъ жить трудомъ. Иванъ Григорьевичъ, не старался окрасить передъ нею въ розовый цвѣтъ столичную жизнь; онъ прямо говорилъ, что тамъ не всегда есть работа, и что оплачивается она, въ большинствѣ случаевъ, скверно; но, въ то же время, онъ замѣчалъ, что въ деревнѣ или въ какомъ-нибудь Никитинѣ и совсѣмъ не найдешь работы и даже гроша на хлѣбъ не добудешь; онъ говорилъ, что многія изъ дѣвушекъ, живущихъ трудомъ, полны тѣхъ же старыхъ, унаслѣдованныхъ отъ праздныхъ отцовъ пороковъ и ошибокъ; что не всѣ изъ нихъ понимаютъ необходимость сплотиться въ тѣсный и твердый кругъ; что многія изъ нихъ расходятся и враждуютъ между собою ради мелочного самолюбія, ради мелочныхъ различій во взглядѣ, ради желанія царить въ своемъ

кружкѣ за свой умъ и дѣятельность, какъ царили въ обществѣ ихъ матери за свою красоту и наряды, что эти личности или вредятъ своимъ ближнимъ, своему общему дѣлу, или гибнуть сами, такъ какъ одного человѣка всегда сломить можно нуждою, да и мало ли чѣмъ другимъ, и силенъ онъ бываетъ только въ союзѣ съ другими; но, въ то же время, Борисоглѣбскій замѣчалъ, что всѣ эти ошибки являются только остатками, наслѣдствомъ старой жизни или слѣдствіями ограниченности сферы для работы, ограниченности, заставляющей бороться за свое мѣсто, бороться за каждую работу и глядѣть враждебно на новыхъ конкурентовъ; тутъ неотразимые экономическіе законы повторяются. Но, по словамъ Борисоглѣбскаго, школа труда — хорошая школа, и особенно теперь, когда работникамъ давно разъяснено наукой, что они должны дѣлать для достиженія какихъ-нибудь благотворныхъ результатовъ. Отъ его рѣчей вѣяло какимъ-то ободряющимъ спокойствіемъ. Даже его юмористическія замѣчанія о нѣкоторыхъ личностяхъ звучали такъ добродушно, что видно было, что онъ

быль однимъ изъ лучшихъ и добрѣйшихъ пріятелей для тѣхъ личностей, надъ которыми подтрунивалъ, какъ подтрунивалъ и надъ самимъ собою. Даже къ самой нуждѣ онъ относился съ такимъ хладнокровіемъ, что она казалась не такъ страшна.

— Ну, ужъ, разумѣется, широко на наши деньги нельзя жить, да, вѣдь, многимъ и еще хуже живется, — говорилъ онъ. — И то сказать: люби кататься, люби и саночки возить. Или за честностью гонись, или за богатствомъ; или стремись хоть голякомъ быть, да свободнымъ, или гнись въ три погибели, только бы ближнихъ грязью своего экипажа обдавать. Новичкамъ особенно трудно подладиться въ нашей жизни. Все старыя барскія замашки имъ мѣшаютъ: и къ работѣ-то они не привыкли, дѣлаютъ ее кое-какъ, по-старинному: тятъ-лятъ — и вышелъ корабль, а глядишь, и остаются безъ дѣла; и жить-то имъ сразу въ отдѣльной комнатѣ хочется; и платье-то покупаютъ они себѣ и не прочное, и не тамъ, гдѣ дешевле оно продается; и полакомиться имъ хочется, когда лишній грошъ заведется, и нужно бы необходимое купить; и

въ театрѣ ихъ манить, да не въ раекъ, а куда-нибудь пониже. Въ принципѣ всякую роскошь, всякое излишество отрицаютъ, ну, а на дѣлѣ все еще нѣтъ-нѣтъ, да и прорвутся на старую дорожку. И больше всего хваленая непрактичность мѣшаетъ. Ею иные даже хвастаются, какъ чѣмъ-то очень доблестнымъ. Оно, разумѣется, въ теоріи-то это хвастовство объяснить можно; прежде практики и подлецы были одно и то же, вотъ мы и отрицаемъ и подлость, и практичность, огуломъ, смѣшавъ два различныя понятія. Я самъ въ первое время своимъ неумѣньемъ жить хвалился, да потомъ понялъ, что это мнѣ накладно, и барышъ только тѣмъ приносить, кому я больше всего повредить хотѣлъ бы. Вѣдь просто глупо хотѣть шапками закидать, да ослиной челюстью побить тѣхъ, кто давно идетъ на тебя съ ружьями Шаспо! Вѣдь нужно въ чудеса вѣрить, чтобы думать, что ружья Шаспо не устоятъ передъ шапками и ослиными челюстями... Скажите, что солдаты идутъ на врага съ надеждой закидать его шапками — всѣ захохочутъ; а скажите, что непрактичный человѣкъ идетъ воевать при помощи своей

непрактичности противъ практиковъ — всѣ закричатъ: значить онъ честный. Хороша честность! Это честность цыпленка, подставляющаго голову подъ ножъ повара, какъ говорить Писаревъ. Равное орудіе — первое условіе въ борьбѣ... Ну, да авось, нужда научить калачи ѣсть...

Смѣясь, шутливымъ тономъ рассказывалъ Иванъ Григорьевичъ и о мелкихъ удовольствіяхъ своей бѣдной трудовой жизни, о товариществѣ, о книгахъ, о посѣщеніяхъ въ компаніи театровъ...

— Сидишь это въ райкѣ, куда только праведники забираются, и свищешь за свой четвертакъ, потому что четвертакъ-те у тебя кровный, родной, и не хочешь ты, чтобы онъ даромъ пошелъ, за безобразное ломанье какого-нибудь шута, — рассказывалъ онъ, вызывая улыбку на лицо Лизы.

Она все болѣе и болѣе увлекалась этими рассказами, все бодрѣе смотрѣла на будущее. О Задонскомъ молодые люди уже не упоминали вовсе; кажется, онъ пересталъ существовать для Лизы, по крайней мѣрѣ, она старалась вычеркнуть изъ своей памяти имя этого

человѣка.

Дарья Власьевна, видя, что дочь не ѣдетъ въ Приволье, начала не на шутку волноваться. Однажды она рѣшилась на объясненіе съ дочерью.

— Да когда же это, матушка, наконецъ, дозвѣтся тебя графиня? Долго ли ей еще переждать твои капризы, — говорила мать.

— Когда захочется, тогда и поѣду, — отвѣтила дочь.

— Ты это съ Михаиломъ Александровичемъ вѣрно въ контрахъ? Такъ я тебѣ вотъ что, дѣвка, скажу: куй желѣзо, пока горячо. Послѣ близокъ будетъ локоть, да не укусишь!.. Ты думаешь, что ты ему очень дорога, что онъ другихъ невѣсть не найдетъ?.. Успокойся, матушка, успокойся! Каждая къ нему на шею повѣситъ...

— Я буду очень рада...

— Чему это? Да ты съ ума сошла, что ли? — всплеснула мать руками. — Да кого же тебѣ надо, если ты такого жениха упускаешь? Да на что ты надѣешься? Ни за тобой, ни передъ тобой ничего нѣтъ, какъ есть ничего! Лицомъ тоже не Богъ знаетъ какая красота, одному

дураку понравилась, — а иной и смотрѣть не захочеть.

— Пусть не смотритъ, я и не прошу!..

— Ну, да я-то прошу, мнѣ-то ты солона досталась, вотъ гдѣ ты сидишь у меня! — показала Дарья Власьевна на свою шею.

— Я и безъ замужества могу васъ избавить отъ своего присутствія, — сдержанно отвѣтила Лиза. — Я могу къ теткѣ въ Петербургъ уѣхать...

— И уѣзжай, и уѣзжай! Плакать не будутъ! — раскричалась мать, размахивая руками. — Ты это кому же угрозить хочешь — мнѣ или Михаилу Александровичу? Не больно-то испугаемся, мнѣ вы и безъ того надоѣли, а Михаилъ-то Александровичъ, видя твою дурь, вонъ и теперь все у Миронихи на постояломъ дворѣ пребываетъ... Не очень-то они тужать о вашей сестрѣ...

Лиза плотно прислонилась къ стѣнѣ.

— Вѣдь надъ тобой же люди будутъ смѣяться! Прежде сама къ нему лѣзла, на шею вѣшалась!..

— Никогда и ни къ кому я не вѣшалась на шею, — глухо, какъ бы сквозь сонъ, прошеп-

тала дочь.

— Не вѣшталась, не вѣшталась! А все же люди-то видѣли, что вы все вмѣстѣ, да вмѣстѣ, теперь и стануть говорить, что ты къ нему лѣзла, а онъ отъ тебя къ Миронихѣ бѣгалъ. Онъ вонъ, какъ пріѣхалъ, да свель съ ней знакомство, такъ и по сю пору знакомы...

Лиза какъ-то расслабленно поднялась съ мѣста и пошла къ двери, придерживаясь за стѣну. У нея въ глазахъ было мутно: она теперь видѣла, что Задонскій лгалъ ей съ первой минуты до послѣдней, лгалъ во всемъ и вездѣ. Она теперь не просто охладѣла къ нему, но ненавидѣла его...

А Задонскій рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Ему не хотѣлось сразу отказаться отъ Лизы, не хотѣлось явиться передъ нею совсѣмъ подлецомъ, и въ то же время онъ не зналъ, какъ обдѣлать дѣло иначе. До сихъ поръ всѣ его любовныя интриги завязывались въ средѣ замужнихъ женщинъ, которыя молчали поневолю при его измѣнѣ и только упрекали его въ письмахъ, разорванныхъ на закуриванье папиросъ, или послужившихъ на потѣху пріятелей; были у него связи и въ

той средѣ, гдѣ бѣдныя, простыя дѣвушки отдавались ему, зная впередъ, что онъ, баринъ, не женится на нихъ: онѣ получали отъ него мелкіе подарки и потомъ плакали передъ нимъ, укоряя его только за то, что онъ такъ скоро разлюбилъ ихъ; онѣ если на что-нибудь и надѣялись съ самаго начала, такъ только на прочность и постоянство любви; наконецъ, онъ былъ коротко знакомъ съ уличнымъ продажнымъ развратомъ, но тутъ не было даже и помину о любви. Совсѣмъ другого рода дѣло было теперь. Передъ нимъ стояло не развратное, не продающее себя созданіе, не погуливающая тайкомъ отъ мужа жена, не какая-нибудь швея или горничная, даже не мечтавшая о вѣчности своего союза съ бариномъ; тутъ не было ни драматическихъ писемъ, ни робкихъ слезъ; нѣтъ, передъ нимъ стояло чистое въ душѣ, опрометчиво увлекшееся существо, готовое скорѣе погибнуть, чѣмъ отдаться ему безъ вѣры въ него. Онъ чувствовалъ, что онъ впервые, какъ ночной воръ, обокралъ, безъ всякой надобности, беззащитное созданіе, и тяжелѣе слезъ, тяжелѣе укоровъ дѣйствовала мучительная покорность совершившемуся

факту, покорность, звучащая въ каждомъ словѣ этого загубленнаго существа. Въ развращенной душѣ проснулось чувство стыда и раскаянья, тѣмъ болѣе сильное, что первая вспышка страсти еще не прошла въ самомъ Задонскомъ, и онъ, попрежнему, видѣлъ въ Лизѣ одну изъ лучшихъ дѣвушекъ, какихъ онъ встрѣчалъ на своемъ вѣку. Но мелкая и слабая натурашка не позволяла Михаилу Александровичу дѣйствовать рѣшительно и загладить свой проступокъ. вмѣсто рѣшительныхъ дѣйствій, онъ только предавался иногда разнымъ мечтамъ о томъ, что, можетъ-быть, тетка раздумаетъ ѣхать, что, можетъ-быть, она дастъ ему порядочную сумму денегъ. Изъ этихъ мечтаній, конечно, не могло ничего выйти, а Задонскій все откладывалъ свои переговоры съ теткой, все выискивалъ удобнаго случая. Наконецъ, такой случай насталъ. Графиня была въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и даже смѣялась, что случалось съ нею довольно рѣдко. Во время разговоровъ съ племянникомъ, она замѣтила, что Лиза бываетъ у нихъ теперь слишкомъ рѣдко и гоститъ мало, и начала

распространяться о достоинствахъ Лизы и своей любви къ ней.

— Да, — рѣшилъ сказать Задонскій: — я-то болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой знаю, какъ прекрасна эта дѣвушка. Я просто безъ ума отъ нея...

— Надѣюсь, что это не имѣетъ никакого серьезнаго значенія, — замѣтила графиня и сдвинула брови.

— Если вы не считаете серьезнымъ дѣдомъ любовь, — возразилъ племянникъ: — то, конечно, тутъ нѣтъ ничего серьезнаго...

— Не любовь, а увлеченіе, — проговорила тетка. — Это понятно. Я тебя предупреждала, зная, что ты способенъ увлекаться...

— Да, я способенъ увлекаться. Но люблю я впервые. Это чувство совсѣмъ не похоже на прежнія, которыя вспыхивали и черезъ минуту потухали во мнѣ снова...

— Ахъ, это точно такое же увлеченіе, какъ и всѣ прежнія, — настаивала графиня. — И что-жъ тутъ удивительнаго? Ты здѣсь живешь безъ дѣла, ты не видишь почти никого изъ молодыхъ дѣвушекъ, кромѣ нея, ну, и увлекся... Я этого-то и боялась, зная, что ты

наслѣдовалъ отъ покойной матери и отъ несчастнаго дяди эту способность увлекаться... Да простить ихъ Богъ, но они тоже постоянно влюблялись въ кого-нибудь и увѣряли себя, что каждая ихъ послѣдняя любовь есть первая любовь. — Графиня вздохнула и печально покачала головой, сокрушаясь о грѣхахъ своихъ родныхъ. — Но слава Богу, что Лиза сама, какъ я замѣчаю, сторонится отъ тебя...

— Она тоже любить меня, — успѣшилъ замѣтить племянникъ.

— Любить? — изумилась графиня. — Ну, да, можетъ-быть, но она не глупа, и потому, вѣроятно, поняла, что ей невозможно питать какія-нибудь надежды на вашъ союзъ...

— Отчего же невозможно? — воскликнулъ съ жаромъ Задонскій.

— Я думаю, ты настолько разсудителенъ, что самъ понимаешь всю нелѣпость подобнаго брака. Не говоря уже о томъ, что было бы странно породниться съ какими-нибудь Баскаковыми, считать тестемъ ярмарочнаго героя, нахлѣбника и шута цѣлой губерніи, считать тещею безсмысленную женщину, знако-

мую только Богъ знаетъ съ кѣмъ, съ разными лавочницами, содержательницами постоялыхъ дворовъ... Но даже эта дѣвочка была бы просто смѣшна въ томъ кругу, гдѣ живешь ты... Я согласна, что она получила кое-какое образованіе, что она не глупа, — но этого мало, чтобы заставитьъ близкихъ намъ людей забыть ея происхожденіе.

— Я постараюсь перевоспитать ее...

Графиня съ изумленіемъ посмотрѣла на племянника и только теперь поняла, что онъ говоритъ о дѣлѣ серьезно, что онъ, кажется, дѣйствительно хочетъ жениться.

— Дѣлай, какъ знаешь, — холодно проговорила она. — Я могу совѣтовать, но не имѣю никакого права запрещать или позволять... Только, пожалуйста, предупреди ея родныхъ, что я не желаю этого брака, — многозначительно произнесла она: — не желаю, и потому не буду считать ихъ родными. Люди всѣ равны передъ Богомъ, но у насъ есть право или, лучше сказать, нашъ домъ сходится только съ тѣми, кому мы симпатизируемъ, съ кѣмъ мы родня по духу. — Что касается до Лизы, то я думаю переговорить съ нею лично...

— Вы сердитесь на меня? — заискивающимъ голосомъ произнесъ Задонскій, испугавшійся суроваго тона тетки, поцѣловаль ея руку.

— Я не имѣю никакого права сердиться на своихъ ближнихъ за то, что они живутъ по-своему. Можетъ-быть, они правы, а я заблуждаюсь, — произнесла смиренно графиня. — Ты знаешь мое правило: пусть каждый живетъ, какъ онъ хочетъ; я могу давать только совѣты. Примутъ ихъ люди — я очень рада, не примутъ — ну, что-жь? это значить, что мы разошлись въ убѣжденіяхъ, должны разойтись и въ жизни и не беспокоить другъ друга... Я, дружокъ, не отступала ни разу отъ этого правила и прошу Бога дать мнѣ силы идти и въ будущемъ по этому пути, и не кичиться передъ людьми своею безошибочностью, не господствовать надъ ними... Я поставлена въ такое положеніе, что могла бы иногда настоять на своемъ, могла бы заставить ближнихъ поступиться ихъ убѣжденіями; но не этого хочу я. Я радуюсь искреннему согласію людей со мной, но лицемѣрнаго подчиненія себѣ я не терплю. Я стремлюсь не къ своему господству

надъ ближними, но къ господству надъ ними тѣхъ святыхъ истинъ, тѣхъ благородныхъ правилъ, передъ которыми я сама являюсь покорною рабою...

Графиня встала съ мѣста и начала ходить по комнатѣ; она была, повидимому, взволнована. Задонскій еще разъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ вонъ. Онъ былъ окончательно ошеломленъ словами тетки. Она никакъ не воображала, что простое напоминаніе о ея правилахъ было самымъ сильнымъ аргументомъ, доказывавшимъ племяннику всю нелѣпость его плановъ насчетъ женитьбы, что эти аргументы были страшнѣе запрещенія. Передъ такою угрозою не могъ не струсить молодой наслѣдникъ графини... Теперь онъ не зналъ, что начать дѣлать. Ему хотѣлось забыться, опьянѣть, чтобъ только заглушить непрошенныя упреки некстати проснувшейся совѣсти. Казалось, что совѣсти никогда не было въ душѣ; но теперь она мучила его, можетъ-быть, потому, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, чувствовалъ нѣчто въ родѣ любви въ Лизѣ, или потому, что жертва была слишкомъ чиста, слишкомъ невинна... Ему

то хотѣлось бѣжать въ Лизѣ, чтобы, излить передъ нею свое раскаянье; то являлась рѣшимость никогда не встрѣчаться съ нею, чтобы не слышать ея ровнаго, мучительно-холоднаго голоса, не видѣть ея карающаго, пристальнаго взгляда.

Подобные Задонскому люди думаютъ въ такихъ экстренныхъ случаяхъ: «а, будь, что будетъ!» — и складываютъ руки, стараются больше спать, чаще находиться въ кругу постороннихъ людей. Дѣлать дѣло поручается судьбѣ — и иногда эта глупая особа оказывается гораздо умнѣе своихъ довѣрителей.

VII

День стоялъ жаркій. Это было въ половинѣ Августа. Въ небѣ не было ни тучки, но какой-то бѣловатый знойный туманъ носился надъ горячею землею. Въ воздухѣ сильно пахло, послѣ дождя, шедшаго наканунѣ, сѣномъ. Время было около полудня. По узенькой тропинкѣ, отдѣлявшей бабиновскій лѣсъ отъ лѣса привольскихъ мужиковъ неторопливо ѣхалъ верхомъ господинъ въ бѣлой лѣтней одеждѣ. Это былъ Михаилъ Александровичъ. Онъ возвращался съ постоялаго двора «Никитинскаго погоста», куда ѣздилъ въ послѣдній разъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Графиня посылала его въ столицу для расплаты съ его кредиторами и для взятія заграничныхъ пассовъ. Онъ былъ задумчивъ и, можетъ-быть, невольно, проѣзжая этими знакомыми мѣстами, вспоминалъ о той дѣвушкѣ, которую онъ готовился бросить навсегда. Проѣхавъ съ версту, онъ былъ пораженъ громкими голосами аукавшихся дѣтей. На ихъ крики отвѣчалъ тоже ауканьями мужественный, знакомый Задонскому, голосъ.

То былъ голосъ Борисоглѣбскаго. Задонскій невольно вздрогнулъ и пришпорилъ лошадь. Но она не успѣла еще сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ его глаза встрѣтили слишкомъ коротко знакомую ему фигуру дѣвушки. Она сидѣла подъ деревомъ около лѣсной тропинки и машинально разбирала наваленные около нея грибы. Задонскій не могъ миновать ее. Съ минуту онъ въ нерѣшимости придержалъ лошадь, потомъ соскочилъ съ нея, привязалъ ее къ дереву и пошелъ по направленію къ дѣвушкѣ. Она замѣтила его приближеніе только тогда, когда онъ стоялъ уже на шагъ отъ нея. Она вопросительно глядѣла на него и не произносила ни слова. Задонскій хотѣлъ взять ее за руку, во она быстро отдернула руку и поднялась съ мѣста, чтобы уйти.

— Пойдите, — умоляющимъ голосомъ произнесъ Михаилъ Александровичъ:— намъ надо объясниться.

— Я не хочу никакихъ объясненій. Мнѣ они не нужны, — сухо отвѣтила она.

— Нѣтъ, они нужны для васъ такъ же, какъ для меня! — воскликнулъ онъ. — Вы должны ненавидѣть и презирать меня. Но я загла-

жу свои ошибки. У меня не хватило духу настоять на своемъ теперь, но я буду преслѣдовать свою цѣль до конца... Вамъ будетъ тяжело пережить настоящее время... Но говорите, что я могу сдѣлать для того, чтобы вамъ легче перенести тѣ дни, которые пройдутъ до моего возвращенія?.. Уѣзжайте въ Петербургъ, ждите меня тамъ, я дамъ вамъ на это средства... Это моя обязанность.

— До настоящей минуты я васъ ненавидѣла, но теперь вы мнѣ просто жалки, — задыхающимся голосомъ произнесла Лизавета Николаевна.

— Ради Бога, не считайте моихъ намѣреній грязными. Я вижу въ васъ свою жену, которой я поклялся въ любви передъ Богомъ. Мы связаны, — горячо говорилъ Задонскій.

— Мы? Связаны? Чѣмъ? — спросила Лизавета Николаевна, поднимая на него глаза.

Онъ взглянулъ на нее какимъ-то изумленнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ и едва слышно проговорилъ:

— Вы готовитесь быть матерью!

Она слабо вскрикнула, закрыла лицо руками и тотчасъ же снова отняла ихъ.

— Да, я буду матерью, но мой ребенокъ никогда не назоветъ васъ своимъ отцомъ! Идите!

Она указала ему рукою на дорогу.

— Вы губите себя, губите своего будущего ребенка.

Она медленно пошла отъ него.

— Ради Бога, ради Бога, подумайте, что вы дѣлаете, что скажутъ ваши родные, — говорилъ онъ въ волненіи.

Она все шла и шла, не поворачивая головы, наконецъ, ей попался навстрѣчу вышедшій изъ лѣсу Борисоглѣбскій... Она бросилась къ нему.

— Скажите, пожалуйста, ему, чтобъ онъ оставилъ меня въ покоѣ! — обратилась она къ Ивану Григорьевичу и въ изнеможеніи опустилась на траву.

Борисоглѣбскій взглянулъ на Задонскаго такимъ взглядомъ, что тотъ повернулся назадъ, торопливо отвязалъ лошадь и понесся къ Приволью. Въ его головѣ не было никакой опредѣленной мысли, ни радостной, ни тоскливой. Пріѣхавъ домой, онъ бросился на свою постель и пролежалъ на одномъ мѣстѣ, не

шевелиясь, около двухъ часовъ. Потомъ онъ всталъ и провелъ рукой по лбу, отирая капли холоднаго пота.

— Ну, теперь будь, что будетъ, но, во всякомъ случаѣ, я умываю руки! Она сама этого хотѣла, — прошепталь онъ, и съ его груди, какъ-будто, свалился какой-то тяжелый гнетъ.

Да, она сама этого хотѣла! О чемъ же тутъ и тужить, въ чемъ же тутъ и раскаиваться? Михаилъ Александровичъ никакъ не ожидалъ, что дѣло разыграется такъ счастливо и хорошо для него. Но ему было тяжело то обстоятельство, что около него не стояло ни одной личности, передъ которой онъ могъ излить свою печаль, побичевать себя и обвинить Лизу за то, что она такъ безжалостно бросила его... Ему теперь поскорѣ хотѣлось ухъзатъ въ Петербургъ, тамъ всегда найдутся люди, полные сочувствія въ несчастіямъ богатыхъ ближнихъ...

Лизавета Николаевна сидѣла, между тѣмъ, на травѣ, опустивъ голову на руки, грустная и безмолвная. Она чувствовала, что она оборвала послѣднюю нить, еще привязывавшую ее къ Задонскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ де-

ревнѣ.

Иванъ Григорьевичъ созвалъ дѣтей и велѣлъ имъ разбирать грибы, лежавшіе на томъ мѣстѣ, гдѣ, за полчаса передъ тѣмъ, сидѣла Лизавета Николаевна. Занявъ такимъ образомъ дѣтей, онъ снова вернулся къ ней и прилегъ на траву. Съ четверть часа они оба молчали.

— Что же, когда мы въ Петербургъ поѣдемъ? — шутливымъ тономъ произнесъ Борисоглѣбскій, чувствуя, что необходимо нужно вывести изъ задумчивости это несчастное созданіе.

— Я и сама объ этомъ думала, — проговорила она, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, точно пробуждаясь отъ тяжелаго сна. — Только все еще страшно одной ѣхать.

— Да вѣдь я туда же ѣду, — отвѣтилъ Борисоглѣбскій.

— Ну, у васъ тамъ занятія, некогда будетъ со мной няньчиться...

— Эхъ, да я все брошу, только бы быть вамъ полезнымъ, — горячо проговорилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Что вы это! я первая отказалась бы отъ

вашихъ услугъ, если бы вамъ пришлось изъ-за нихъ чѣмъ-нибудь пожертвовать...

— Да какая же это жертва, если я это сдѣлаю для васъ? — произнесъ Борисоглѣбскій.

Лизавета Николаевна промолчала. Впервые ей было почему-то страшно продолжать разговоръ со своимъ старымъ пріятелемъ. Онъ въ этотъ день выглядѣлъ какъ-то тревожно, какъ-то слишкомъ горячо относился къ ней. Она немного отодвинулась отъ него. Борисоглѣбскій замѣтилъ это и нахмурилъ брови.

— Что, ваши всѣ домашніе, я думаю, скучаютъ, что вы скоро уѣдете? — спросила Лизавета Николаевна, чтобы, начавъ новый разговоръ, избѣжать нѣмого, особенно блестящаго взгляда Ивана Григорьевича.

— Мнѣ-то какое дѣло до нихъ! — грубо отвѣтилъ Борисоглѣбскій и стиснулъ зубы. — Вотъ, — началъ онъ черезъ минуту:— вы хотите начать новый разговоръ; вы что-то угадали изъ моихъ мыслей и боитесь, что я выскажу ихъ вамъ вполнѣ. Вы знаете, что я вамъ преданъ, какъ собака, знаете, что меня вы мо-

жете заставить сдѣлать все, и, конечно, понимаете, что безъ причины люди не выказываютъ такой собачьей преданности... Такъ почему же вы боитесь, что я выскажу эту причину? Почему, понимая ее, вы стараетесь ее не понимать? Неужто вы боитесь, что я брошу васъ, когда вы скажете, что не любите меня?

Лизавета Николаевна судорожно сжала свои руки. Она ясно видѣла, что Борисоглѣбскій и не подозрѣваетъ, какъ сильно было ея увлеченіе Задонскимъ, а считаетъ это мимолетнымъ чувствомъ, которое давно забыто.

— Иванъ Григорьевичъ, — начала она надрывающимся, мучительнымъ голосомъ: — вы видите, что я обхожу этотъ вопросъ. Для чего же вы настаиваете на своемъ? Я вамъ не говорю ни да, ни нѣтъ, совсѣмъ не касаюсь этого предмета, а вы непремѣнно хотите, чтобы я сказала, что я не люблю васъ...

— Ну, да, не люблю я неясныхъ положеній. Или да, или нѣтъ, а то — чортъ знаетъ, въ мечтанія впадаешь, замки воздушные строишь, — проговорилъ Борисоглѣбскій. — Те-

перь, по крайней мѣрѣ, легче будетъ. Не любите — значитъ и не думай о счастья, не пронась оно писано!..

Лицо Борисоглѣбскаго выглядѣло въ эту минуту жалко. Лизавета Николаевна не могла вынести равнодушно этого печальнаго вида.

— Я вамъ не говорила, что я не люблю васъ, — начала она. — Нѣтъ, я только хотѣла сказать, что любовь здѣсь не доведетъ ни къ чему... Послушайте, — продолжала она тихо и въ смущеніи:— не думайте обо мнѣ!.. Не думайте, потому что я не стою васъ... Вамъ нужна жена честная, развитая, а не какая-нибудь деревенская барышня, готовая увлечься первымъ смазливимъ лицомъ, и сама не знающая, чего ей нужно... Будьте, просто, моимъ другомъ и защитникомъ, потому что всѣ, всѣ скоро отвернутся отъ меня... Я скоро сдѣлаюсь ма...

— Слышалъ я, да не вѣрилъ, — перебилъ ее Борисоглѣбскій, подмѣтившій блѣдность ея лица и понявшій только теперь, что людскія сплетни не преувеличивали дѣла. — Ну, такъ что-же? я не младенецъ какой-нибудь невинный! — окончилъ онъ.

Лизавета Николаевна посмотрѣла на него съ глубокимъ чувствомъ благодарности.

— Если только это пугало васъ, такъ, право, не стоитъ и думать объ этомъ, — заговорилъ Борисоглѣбскій съ надеждой на лицѣ. — Теперь, когда я все знаю, когда я вамъ говорю снова, что я...

— Иванъ Григорьевичъ, — быстро и твердо перебила его Лизавета Николаевна: — я прошу у васъ одного: помогите мнѣ въ Петербургъ совѣтомъ... Если вамъ тяжело видѣть меня, откажитесь прямо отъ этой роли. Но не говорите мнѣ о любви... Откажитесь, и я найду путь одна...

Борисоглѣбскаго облило, какъ холодною водою, онъ наклонилъ голову. Ему вдругъ стало совѣстно за самого себя, что онъ увлекся своимъ чувствомъ и не во-время сталъ дѣлать предложеніе. Онъ обозлился на себя.

— Когда мы поѣдемъ? — спросилъ онъ глухо.

— Я думаю ѣхать недѣли черезъ три.

— Хорошо. Я къ тому времени напишу кое-кому въ Петербургъ о васъ.

Борисоглѣбскій серьезно заговорилъ о

дѣлахъ. Прошло съ часъ времени.

— Такъ, значитъ, мы попрежнему друзья? — спросила Лизавета Николаевна, вставая съ мѣста, чтобы идти домой.

— Все попрежнему въ собачьей должности состоять буду, — усмѣхнулся добродушной улыбкой Иванъ Григорьевичъ.

— Скажите, это упрекъ? — остановилась Лизавета Николаевна. — Я не хочу быть вамъ въ тягость.

— Ну, значитъ, мы еще не совсѣмъ друзья, если вы сегодня и шутокъ не понимаете, — промолвилъ Борисоглѣбскій. — Было бы тяжело, не бѣгаль бы за вами... Слава тебѣ, Господи, вольный человекъ... Вы меня извините, — проговорилъ онъ черезъ минуту:— я сдѣлалъ, просто, пошлость, заговорилъ съ вами о своей любви...

Лизавета Николаевна горячо пожала ему руку. Эта рука была холодна. «Нѣтъ, — думалось Лизаветѣ Николаевнѣ:— никогда не выйду я замужъ за этого человекъ. Ему не такую жену нужно!.. Я не стою его... Иногда я готова поцѣловать его добрую руку... Я готова слушать и исполнять его совѣты, какъ будто пе-

редо мною стоять не этот молодой другъ, а добрый и честный старикъ-отецъ... Ахъ, если бы мой отецъ хотя немного походилъ на него!» — вздохнула она, вспомнивъ объ отцѣ.

Съ этого дня молодая дѣвушка стала смотрѣть на свой домъ, какъ на совершенно чужое ей мѣсто, какъ на грязную станцію, гдѣ она сидитъ поневоль, въ ожиданіи почтовыхъ лошадей. Она холодно и твердо переносила домашнія непріятности, въ которыхъ не было недостатка особенно теперь, когда Дарья Власьевна то грозила не отпустить дочь въ Петербургъ, то оплакивала ее, какъ погибшую.

— Ты и не думай ѣхать. Я тебя не пущу, паспорта тебѣ не дамъ... Я мать, я должна заботиться о тебѣ, — говорила Дарья Власьевна. — Вы всѣ у меня верченья, за вами глазъ, да глазъ нуженъ!

— Вамъ же лучше, что хоть одною меньше у васъ на шеѣ сидѣть будетъ, — отвѣчала Лизавета Николаевна. — Вы, вѣдь, только этого и хотѣли.

— Такъ, что-жъ я по-твоему злодѣйка какая, что ли, а не мать? — начинала жалобно

упрекать ее Дарья Власьевна. — Жалѣла я когда что-нибудь для васъ? Для кого я убивалась, для кого мучилась и теперь мучаюсь? Я домъ отстраиваю, я тяжбы веду, я съ холопьями бьюсь, — для кого же это по-твоему? Не для себя ли? Нѣтъ, матушка, мнѣ шесть досокъ да саванъ — вотъ и все! А для васъ это все нужно, ваша жизнь впереди!..

— Не знаю, для кого и для чего вы мучились, но вы сами гнали меня изъ своего дома, — холодно отвѣчала дочь.

— И это дочь, это дочь матери говорить! — восклицала мать. — Стыдись! стыдись! у самой дѣти будутъ, тогда узнаешь, каково материнскому сердцу такія слова слышать... Не гнала я никого изъ васъ, а если что сказалось когда сгоряча, такъ вы снести должны были, снести. Покорности, покорности въ васъ нѣтъ. Вы меня въ гробъ уложите!..

— Я затѣмъ и уѣзжаю, чтобы вамъ меньше непріятностей пришлось отъ меня видѣть...

— Да я развѣ ропщу?.. Развѣ мнѣ легче, что ты на чужой сторонѣ погибать будешь?.. Ночей не буду я теперь спать, о тебѣ думать бу-

ду!.. Ты думаешь, что меня ужь одно то не убиваетъ, что твой отецъ Богъ знаетъ гдѣ пропадаетъ...

— Не говорите объ отцѣ. И онъ бѣжалъ отъ васъ, какъ бѣгу я, — сурово замѣтила Лизавета Николаевна. — Въ чужихъ углахъ жить не весело, чужой хлѣбъ ѣсть не сладко, и если люди бѣгутъ отъ своего дома, отъ своего хлѣба, значить, имъ тошно стало на родинѣ.

Дарья Власьевна расплакалась.

— Богъ тебя накажетъ, Богъ накажетъ! — всхлипывала она. — Ты бы лучше повинилась во всемъ матери, если что сдѣлала... Ты не думаешь ли въ Петербургѣ-то Михаила Александровича встрѣтить?.. Не встрѣтишь, матушка!.. А если бы ты съ матерью-то откровенна была, такъ дѣло-то мать и уладила бы. Не дали бы ему уѣхать-то!.. Ты мнѣ скажи, до чего дѣло-то между вами дошло?.. Вѣдь я знаю вашу сестру, опаски у васъ нѣтъ... И сама я была молода, мало ли чего бываетъ въ молодости, однако, отецъ-то твой не отвертѣлся отъ меня.

Лизавета Николаевна съ отвращеніемъ отвернулась отъ матери. Между ними не суще-

ствовало никакой привязанности, ихъ не связывали даже тѣ теплыя воспоминанія, ради которыхъ многое прощается человѣку, ради которыхъ Лизавета Николаевна любила и жалѣла своего отца... Иногда мать вела разговоры въ другомъ тонѣ и совѣтовала дочери прибрать тетку въ Петербургъ къ рукамъ.

— Покорна будь, покорна будь! — наставляла мать. — Пусть она духовную сдѣлаетъ въ нашу пользу... Не давай чужимъ-то въ домъ къ ней втираться. Люди рады чужое добро захватить. Словно вороны на падаль на деньги-то слетаются... А ты дѣло-то осмотрительно веди... Для своей семьи будешь добро дѣлать...

Дочь молча сидѣла, пропуская мимо ушей эти наставленія. Ей были противны рѣчи матери, во, въ то же время, она спрашивала себя: «Да я-то чѣмъ лучше ея? Только развѣ тѣмъ, что ни съ кѣмъ не ругаюсь. Она ничего путнаго не дѣлаетъ, да вѣдь и я ничего не дѣлала. Она крестьянъ ругала, да на ихъ деньги жила; я тоже бранила ее, а одѣвалась, пила, ѣла на ея счетъ, еще капризничала, что худо кормятъ. Все то же... Прошло бы еще лѣтъ

восемь, девять, такъ никто и не отличилъ бы насъ другъ отъ друга...»

Время быстро приближалось въ отъѣзду. Однажды графиня снова прислала экипажъ за Лизаветой Николаевной. Та рѣшилась съѣздить въ Приволье, гдѣ, какъ она знала, не было уже Михаила Александровича. Съ Привольемъ у молодой дѣвушки были связаны лучшія воспоминанія въ жизни; правда, они значительно ослабѣли въ послѣднее время вслѣдствіе горькихъ событій. Но все же ей хотѣлось, можетъ-быть, въ послѣдній разъ, взглянуть на эти мѣста, гдѣ ей былъ знакомъ каждый кустъ, была извѣстна каждая тропинка; ей хотѣлось даже взглянуть на графиню, которую Лиза не обвиняла и не могла обвинять ни въ чемъ и попрежнему любила той ровною и немного холодною любовью, какою и можно любить подобныхъ графинѣ женщинъ. Когда Лиза явилась въ кабинетъ старухи, та чуть не вскрикнула отъ удивленія, такъ измѣнилась въ послѣднее время Лиза; она похудѣла, держалась прямѣе прежняго, ступала тверже, даже, какъ-будто, выросла; на ея лицѣ были слѣды сосредоточенной мысли и

озабоченности, глаза не искрились прежнимъ живымъ огонькомъ, но смотрѣли пристальнѣе, были, какъ-будто, глубже и темнѣе.

— Какъ вы измѣнились, дитя, — ласково произнесла графиня. — Мы такъ давно не видались. Я соскучилась о васъ...

— Я была нездорова, — отвѣтила Баскакова.

Графиня творила въ этотъ день особенно ласково, особенно мягко, какъ говорятъ съ больными или страдающими людьми. Въ ея кабинетѣ царствовала тишина, распространился на всѣ предметы мягкій и таинственный полусвѣтъ, вѣяло тѣмъ миромъ и покоемъ, которые такъ любила Лиза въ былые дни. Ей и теперь было и грустно, и сладко отдохнуть въ игомъ затишьѣ.

— Но теперь, надѣюсь, вы здоровы? — заботливо спрашивала графиня, всматриваясь въ лицо молодой дѣвушки и любуясь серьезностью и осмысленностью его выраженія.

— Здорова и даже собираюсь на-дняхъ уѣхать въ Петербургъ... Я пріѣхала проститься съ вами.

— Въ Петербургъ? — повторила съ разстановкой графиня и еще пристальнѣе стала всматриваться въ лицо молодой дѣвушка. Брови старухи успѣли немного сдвинуться; въ ея головѣ промелькнула мысль, что молодая дѣвушка и ея племянникъ могли условиться встрѣтить другъ друга въ столицѣ.

— Скажите, что вамъ вздумалось ѣхать туда? — спросила она, не спуская пытливыхъ глазъ съ Лизы.

— Хочу поучиться и приискать работы...

— Я думаю, работы у васъ нашлось бы довольно и дома...

— О да, но здѣсь мнѣ тяжело жить. Вы знаете, какая жизнь идетъ у насъ въ семьѣ, — откровенно и просто сказала Баскакова.

Графиню поразилъ этотъ искренній и, попрежнему, мягкій тонъ Лизы. Старуха не знала, что заключить: если эта дѣвушка знаетъ, что она, графиня, противилась ея браку, то она должна сердиться; если она не знаетъ этого, то почему она считаетъ нужнымъ, и какъ можетъ скрывать съ такой наружной невинностью свои истинныя цѣли и маскировать причину своего отъѣзда? Эту загадку гра-

финя рѣшилась разъяснить.

— Я слышала, что Мишель хочетъ на васъ жениться? — неожиданно спросила она, устремляя глаза на юную собесѣдницу.

— Да, но я ему отказала, — коротко произнесла Лиза, слегка блѣднѣя.

Ни искренность тона, ни внезапная блѣдность не ускользнули отъ зоркихъ глазъ старухи.

— Отказали? — съ удивленіемъ спросила она.

— Да.

Графиня, несмотря на свою постоянную сдержанность, въ волненіи встала и начала тихо ходить по комнатѣ. Въ ея головѣ носились такія мысли, которыхъ она не могла привести въ порядокъ. Сначала ей показалось, что Лиза, вѣроятно, узнала ея мнѣніе насчетъ этой предполагаемой женитьбы племянника и отказала жениху во имя своей покорности волѣ благодѣтельницы.

— Онъ говорилъ вамъ о моемъ разговорѣ съ нимъ по поводу этого брака? — спросила старуха, останавливаясь посрединѣ комнаты.

— Я даже не знала, что вамъ извѣстны его

намѣренія, — отвѣтила Лиза: ее уже началъ волновать этотъ допросъ.

Графиня снова продолжала ходить по кабинету.

— Значить, вы его не любили? — остановилась она черезъ минуту передъ Лизаветой Николаевной.

— Графиня! — умоляющимъ голосомъ воскликнула молодая дѣвушка, вся блѣдная, трепещущая, съ крупными слезами на глазахъ. — Есть вещи, о которыхъ тяжело говорить даже... даже съ матерью!.. Я только потому и рѣшилась пріѣхать къ вамъ, что вамъ ничего неизвѣстно.

Она остановилась на минуту подѣвляніемъ сильнаго волненія.

— Если бы я знала, что вы станете говорить объ этомъ, я никогда бы не пришла сюда, хотя вы знаете, какъ я привыкла любить и уважать васъ...

Графиня медленно провела рукою по лбу, какъ будто передъ ея глазами былъ какой-то мучительный призракъ. Впервые, можетъ-быть, послѣ долгихъ лѣтъ самодвольной безгрѣшности, эта женщина испытывала

теперь сильное волненіе и готова была поддаться голосу чувства. Она понимала, что передъ нею было глубоко любившее, глубоко несчастное существо, и что одною изъ главныхъ причинъ этого несчастія была, можетъ-быть, она сама, графиня. Сильнѣе упрековъ, страшнѣе слезъ пробудили въ ней еще не совсѣмъ умерщвленное чувство эти простыя и теплыя слова любви, сказанныя тѣмъ самымъ созданиемъ, которое должно было возненавидѣть ее.

— Дитя мое, — промолвила тихо старуха, опускаясь на софу возлѣ Лизы:— все можно исправить... Подобныя несчастья и ошибки поправимы...

— Я и хочу ихъ исправить, — сквозь слезы отвѣтила Баскакова. — Я ѣду не на веселую жизнь, я ѣду на нужду и трудъ...

Старуха обняла ее. Она не понимала, какъ можно исправлять ошибки не покаяньемъ, не эпитимьею, не монастырскимъ схимничествомъ, онъ не понимала, какъ можно успокоить горе не смиреніемъ, не покорностію, не молитвою, — но впервые въ жизни она не рѣшалась давать совѣтовъ и предоставляла

человѣку право искать исправленія и забвенія на другомъ пути, на пути честнаго, упорнаго труда и полной независимости. Этого пути спасенія она не знала, навѣрное сочла бы его ошибочнымъ, но теперь передъ нею совершалась дѣйствительная драма, и она видѣла, что тутъ учить и давать совѣты не время...

Черезъ нѣсколько дней Иванъ Григорьевичъ заѣхалъ за Лизаветой Николаевной въ Бабиновку. Они отправились въ Петербургъ. За часъ или за два передъ ихъ отъѣздомъ пріѣхалъ къ Баскаковымъ лакей графини и передалъ Лизаветѣ Николаевнѣ небольшой пакетъ, въ немъ было ласковое и нѣжное письмо графини, просившей Лизу писать къ ней и обращаться откровенно за помощью, въ случаѣ нужды; кромѣ того, въ пакетъ были вложены сто рублей и небольшія брильянтовыя серьги «на память отъ старухи, которой, можетъ-быть, остается недолго жить», какъ писала графиня.

— Что же, деньги всегда годятся, — шутливо замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ:— а брильянты, — хошъ вамъ и не щеголять въ ни-

хъ, — при случаѣ, все-таки, продать можно.

Лиза наскоро написала графинѣ записку, въ которой благодарила ее за все.

Начались сборы. Дарья Власьевна плакала и причитала надъ дочерью, какъ надъ покойницей. Но дочь оставалась холодна и торопилась уѣхать. Съ сожалѣніемъ прощалась она только съ дѣтьми. Они просили ее скорѣе пріѣхать домой, поручали ей купить для нихъ гостинцевъ и, кажется, даже не подозрѣвали, что сестра уѣзжаетъ навсегда. Молодые люди уже готовились сѣсть въ экипажъ, когда маленькая сестра Лизаветы Николаевны робко подошла къ ней.

— Лизочка, голубчикъ, родная, возьми меня съ собой! — тихо прошептала она и, неслышно рыдая, спрятала свое лицо въ одеждѣ старшей сестры.

Изъ глазъ Лизаветы Николаевны брызнули градомъ слезы.

— Нельзя... не могу, — проговорила она сестрѣ, покрывая ее поцѣлуями, и торопливо усьлась въ экипажъ.

Черезъ минуту онъ несся по дорогѣ...

Дѣти постояли на дворѣ, помахали руками,

покричали уѣзжающимъ: «Пріѣзжай, Лиза! Будьте здоровы, Иванъ Григорьевичъ!» — и разбѣжались. Дарья Власьевна всплакнула, потомъ убѣжала въ домъ, накинулась съ горя на прислугу и начала бушевать. Дворъ опустѣлъ... Только на ступенькахъ еще недостроеннаго и полуразвалившагося крыльца сидѣла маленькая Катя и, тихо плача, смотрѣла на большую дорогу, гдѣ уже давно было совершенно пусто, и вѣтеръ успѣлъ занести легкій слѣдъ, оставленный на пыли колесами удалившагося экипажа... Около плачущей дѣвочки, кудахтая, вертѣлись куры, потыкивая носами въ землю и, вѣроятно, думая, что ребенокъ усѣлся тутъ именно для того, чтобы накормить ихъ...

Съ этой же минуты въ домъ все должно было войти въ свою обычную колею, такъ какъ ничего особеннаго, нарушающаго теченіе будничной жизни, и не случилось: однимъ человѣкомъ убавилось — вотъ и все!..